

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 1 • 2013 • ЯНВАРЬ–МАРТ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Поздравления от коллег, университетов, общественных организаций . . . 3

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

Гарбовский Н.К. Сопоставительная стилистика и методология перевода 14

Ли-Янке Х. Законодатели мод и ключевые этапы в междисциплинарном, ориентированном на процесс, переводе: познание, эмоция, мотивация 36

Мишкуроев Э.Н. О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть I) 69

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т. Возможен ли перевод при диглоссии? 92

Манерко Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах 100

Аннотации статей, опубликованных в журнале с 2008 по 2012 год . . . 119

Указатель статей, опубликованных в журнале с 2008 по 2012 год . . . 195

Contents

Congratulations from Colleagues, Universities and Organizations 3

TRANSLATION THEORY, METHODOLOGY AND DIDACTICS

Garbovsky, N.K.: Comparative Stylistics and Translation Methodology 14

Lee-Jahnke, H.: Trendsetters and Milestones in Interdisciplinary
Process-Oriented Translation: Cognition, Emotion, Motivation 36

Mishkurov, E.N.: On the “Hermeneutical Turn” in the Contemporary
Theory and Methodology of Translation (Part I) 69

LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS OF TRANSLATION

Valuytseva, I.I., Khukhuni, G.T.: Diglossia: Is Translation Possible? 92

Manerko, L.A.: Knowledge Structures Embodied in Fictional and
Academic Discourse 100

Abstracts of Articles Published in 2008—2012 119

Index of Articles Published in 2008—2012 195

Уважаемый Николай Константинович, уважаемые сотрудники журнала! Дорогие коллеги!

Сердечно поздравляю вас с 5-летием журнала Высшей школы перевода МГУ «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода». Ваш журнал выдержал испытание временем, что является свидетельством его высокого профессионального и творческого уровня, актуальности и востребованности у специалистов теории, истории и практики перевода, широкой научной и педагогической общественности. Не случайно он входит в рекомендованный ВАК РФ перечень ведущих рецензируемых изданий, в которых могут быть опубликованы результаты исследований соискателей учёных степеней.

Приверженность лучшим традициям отечественной школы перевода, объединение теоретиков и практиков, лингвистов, переводчиков и культурологов, общественных деятелей, привлечение к работе в журнале известных авторов — всё это составляет характерные черты работы вашего журнала. Хотелось бы отметить также, что, освещая переводческую деятельность во всём её многообразии, редколлегия журнала неизменно большое внимание уделяет социокультурным аспектам перевода, проблемам отражения языковой картины мира, русскому языку в многоязычном мире.

Сегодня, в условиях постоянного расширения экономических, общественно-политических и культурных связей, партнерства и сотрудничества между странами и народами изучение языков, в том числе и русского языка, становится важным, как никогда. Это лучше всего помогает взаимопониманию, сближению и взаимообогащению культур, что, несомненно, определяет возрастающую потребность в специалистах-переводчиках и в повышении качества переводческой деятельности.

Желаю вам новых свершений, творческих успехов, новых интересных публикаций и благодарной читательской аудитории!

Вьюнов Ю.А.,
профессор, заведующий кафедрой общественных наук
и страноведения России Государственного института
русского языка имени А.С. Пушкина, член-корреспондент
Международной Кирилло-Мефодиевской академии
славянского просвещения

Главному редактору,
профессору Н.К. Гарбовскому

Уважаемый Николай Константинович!
Уважаемые коллеги!

По случаю 5-летия журнала «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» Правление СПР, редакция журнала СПР «Мир перевода» поздравляет всех, кто создаёт родственное издание, кто делает научное творчество российских лингвистов и мастеров перевода доступным для широких кругов заинтересованных читателей. Желаем Вам интересных авторов, новых тем, благодарных читателей.

Л.О. Гуревич,
президент Союза переводчиков России,
главный редактор журнала «Мир перевода»

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Поздравляю коллектив редакции журнала «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» с пятилетним юбилеем!

Несмотря на небольшой срок своего существования, журнал завоевал обширную читательскую аудиторию не только среди переводчиков, филологов, лингвистов, но и среди учёных-историков. Этому способствовали рубрика журнала «История перевода и переводческих учений».

Современное развитие исторических наук немислимо без перевода документов, отражающих хронологические этапы духовного развития человечества, его многогранной культуры. Сегодня можно наблюдать негативные явления в науке, когда горе-учёные в силу недостаточной языковой компетенции не отказывают себе в праве «по-своему» прочитывать текст оригинала, «исправлять» или «улучшать» оригинал в угоду политикам или собственному я. Ценность вашего журнала для истории определяется тем, что он на основе исследования проблем истории перевода и переводческих учений вырабатывает понимание того, какими качествами должен обладать переводчик в работе с оригинальными историческими документами.

Желаю Вам новых успехов в научных исследованиях.

С уважением,

В.П. Зимонин,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации, академик РАЕН

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный лингвистический университет»
(ФГБОУ ВПО МГЛУ)

**Директору Высшей школы перевода (факультета)
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
профессору Н.К. Гарбовскому**

*Глубокоуважаемый Николай Константинович,
дорогие друзья, уважаемые коллеги!*

Поздравляем вас с 5-летним юбилеем журнала «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода».

Несомненная заслуга всего творческого коллектива редакции, сумевшего привлечь к сотрудничеству не только российскую, но и мировую научную общественность, состоит в новых подходах к решению проблем перевода. Открытость вашего журнала, глубина научных суждений, инновационность решения практических проблем перевода направлены не только на подготовку научных работников, но и кадров универсальных переводчиков, способных отвечать запросам издательств и переводческих компаний, научных и информационных центров, лингвистических служб международных организаций.

От всей души желаем вам новых творческих находок и успехов!
С глубоким уважением,

А.Я. Касюк,
директор Института международных отношений
и социально-политических наук МГЛУ

Дорогие коллеги и друзья!

Сегодня у Вас особый день! Вы держите в руках двадцатый номер уникального издания — журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода». Прошло пять лет с момента его выхода в свет. За это время Вы много успели, чтобы с уверенностью сказать: «Да, мы добились цели, поставленной перед нами, работниками Высшей школы перевода, — сделать журнал интересным и доступным для потенциальных читателей-переводчиков и преподавателей русского языка как иностранного!» И это воистину так. Не будет преувеличением сказать, что *Вестник*, посвященный самым разнообразным аспектам перевода: лингвокультурологическим, методологическим, историческим и терминологическим, — стал эффективным инструментом развития науки о переводе, методики преподавания русского языка и культуры речи. Сегодня в нем публикуют свои работы специалисты из разных стран, и это живое свидетельство его признания в качестве одного из наиболее авторитетных научных изданий в области перевода. Подлинным знаком качества стал и факт включения *Вестника* в Перечень ведущих периодических изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации.

Как известно, научный журнал должен отличаться новизной и свежестью публикуемых в нем работ, и в этом смысле, вне всякого сомнения, ваш *Вестник* отвечает самым высоким требованиям. Тем более поразительно то, что журнал с завидным постоянством выходит четыре раза в год. И это действительно чудо. Поэтому как вашему коллеге из-за рубежа мне очень хочется сегодня от души поздравить весь коллектив сотрудников журнала, возглавляемый Николаем Константиновичем Гарбовским, со знаменательной датой!

Дорогой Николай Константинович! За сорок лет Вашей плодотворной деятельности в качестве профессионального переводчика и преподавателя Вы сумели не только стать основателем переводческого факультета, имеющего свой печатный орган, но и создать такую редколлегию, которая подняла его до международного уровня. Желаю Вам и Вашим сотрудникам сил и здоровья, а журналу долгих лет процветания на благо всех тех, для кого перевод стал делом жизни.

С дружеским приветом,

Энрике Керо,
доктор филологии, профессор, заведующий отделением
славянской филологии Гранадского университета

**Главному редактору журнала «Вестник Московского университета.
Серия 22. Теория перевода»
заслуженному профессору Московского университета
имени М.В. Ломоносова, доктору филологических наук,
теоретику и практику перевода,
профессору Гарбовскому Николаю Константиновичу
в день 5-летия со дня основания журнала**

Письменная история человечества свидетельствует о том, что общение между народами, говорящими на разных языках, будь то обмена результатами труда или вооружённые конфликты, было опосредовано переводчиками. Перевод не бессознательный процесс, его осмысление — задача теоретика перевода. От первых советов в форме посланий и трактатов о переводе до новейших теорий второй половины XX века — таков путь научной мысли о переводе. Основание 22-й серии Вестника Московского университета — это и социальное признание теории перевода как самостоятельного научного направления, и нерукотворный памятник основателям журнала.

Поздравляем Вас, Николай Константинович, всех членов редакционной коллегии с 5-летием журнала. Здоровья, творческих успехов, замечательных статей от умных авторов и заинтересованных в журнале подписчиков.

*Коллектив кафедры германских языков
Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,*

Е.П. Лушева,
начальник кафедры, кандидат филологических наук, полковник

Дорогие друзья!

От всей души поздравляю коллектив редакции «Вестник московского университета. Серия 22. Теория перевода» с пятилетним юбилеем!

В новых геополитических условиях остро встал вопрос о роли переводчиков в обеспечении международных отношений, межъязыковой коммуникации, межкультурного диалога.

Как заместитель председателя Комитета Государственной Думы по делам СНГ и связям с её соотечественниками за рубежом я наблюдаю вызовы как мирового, так и постсоветского языкового пространства, с которыми сталкиваются российские школы подготовки переводчиков. Это, прежде всего: хаотичность рынка переводческих услуг; отсутствие точных критериев оценки качества переводческого труда и людей, способных оценить это качество; падение престижа переводческой профессии; радикальная реформа высшего образования, ломающая традиции отечественной переводческой школы; лингвистическая ограниченность среднего образования.

Издание вашего журнала является попыткой в научно-теоретическом плане ответить на эти вызовы современности. Благородна и цель журнала — ориентировать не только научную общественность, но и специалистов-педагогов на инновационные программы обучения, на новейшие образовательные технологии, на немедленное реагирование на все изменения, происходящие на рынке переводческих услуг как внутри России, так и за рубежом.

Уверена, что весь научный потенциал коллектива редакции будет направлен на улучшение подготовки специалистов, способных выполнять роль посредников в межъязыковой коммуникации, обеспечивая тем самым дальнейшее развитие и углубление экономических, политических, научных, технологических и культурных отношений России с партнерами по международному диалогу в новых геополитических условиях.

Желаю здоровья, счастья, благополучия и новых творческих успехов!

Москалькова Татьяна Николаевна,
депутат Государственной Думы,
Федерального Собрания Российской Федерации,
доктор философских наук,
доктор юридических наук, профессор

Глубокоуважаемый Николай Константинович!

Трудно себе представить, что пять лет назад такого журнала, как «Теория перевода» не существовало. Вы с коллегами взялись за его создание, и сегодня мы уже отмечаем первый юбилей «Вестника Московского университета. Серия 22. Теория перевода». Мечта многих людей, причастных к истории, теории, критике и практике перевода материализовалась: в России появилось серьёзное теоретическое издание, которое успело завоевать авторитет у отечественных и зарубежных специалистов.

Тяжесть вавилонского проклятия продолжает довлеть над этносами и их языками. Поэтому поиск путей к взаимопониманию между народами посредством перевода остается важной гуманитарной задачей. Журнал «Теория перевода» в благородное дело единения жителей Земли вносит свой значительный вклад.

От души поздравляем Вас и редколлегию с пятилетием журнала и желаем новых творческих удач и еще более успешного решения насущных проблем переводоведения.

*Переводоведы Северо-Восточного
государственного университета (г. Магадан)
Роман Чайковский, Елена Лысенкова, Елена Харитонова,
Наталья Вороневская, Виктория Суханкина, Елена Нарбут,
Екатерина Шерстнева, Елена Ковынева, Анастасия Сычева*

Уважаемый Николай Константинович!

Позвольте искренне поздравить Вас и в Вашем лице редколлегию и коллектив авторов возглавляемого Вами журнала со знаменательной датой — пятилетием со дня основания.

Хотя по меркам истории науки пять лет — не слишком большой срок, однако можно с полной уверенностью сказать, что созданный по Вашей инициативе печатный орган стал одним из наиболее авторитетных изданий (и не только в масштабах России), посвящённых различным аспектам межъязыковой коммуникации.

Излишне напоминать, сколь велика была необходимость для людей, являющихся, в соответствии с известным афоризмом, «почтовыми лошадьми просвещения», иметь возможность знакомиться с новейшими достижениями в различных областях переводоведения. Она особенно остро ощущалась после того как по известным причинам после распада СССР нарушился регулярный выпуск многих изданий, выполнявших эту функцию.

За годы, прошедшие после появления первого выпуска, в журнале было опубликовано большое количество статей, принадлежащих наиболее видным представителям нашей дисциплины. В этом отношении трудно назвать другой печатный орган, в таком объёме сочетающий широту и разнообразие конкретного материала с глубоким и тонким его анализом.

Особенно хотелось бы отметить ту неоценимую роль, которую играет возглавляемый Вами журнал для молодых исследователей. Листая его страницы, они погружаются в ту атмосферу поисков, находок и открытий в избранной ими сфере деятельности, которая особенно важна для стимуляции собственной научной работы.

Желаю журналу и Вам, как его создателю и руководителю, новых больших успехов и с нетерпением ожидаю появления его дальнейших выпусков.

С искренним уважением,

Г.Т. Хухуни,
заведующий кафедрой теории языка и англистики
Московского государственного областного университета,
доктор филологических наук, профессор

Поздравительное слово Высшей школе перевода МГУ

Невозможное было возможным,
а возможное — мечтой.

А. Блок

Высшая школа перевода в Москве — первая и единственная школа такого профиля в России. Она открыта в марте 2005 года с основной целью подготовить специалистов, обладающих глубокими знаниями в области теории, истории, методологии и дидактики перевода. Один из лозунгов *Школы*: «Русский язык — переводимый и переводящий». Это известно всем специалистам по переводу. Но цель нашего поздравительного слова — рассказать о том, малоизвестном или неизвестном многим переводоведам, в чём мы принимали активное участие, — на международных конференциях по актуальным вопросам перевода, организатором которых были профессор и сотрудники Высшей школы перевода (в дальнейшем — ВШП).

Начнем, пожалуй, с малоизвестного. За этот краткий семилетний промежуток времени ВШП во главе с деканом Николаем Константиновичем Гарбовским мерным, но волшебным семи-верстным шагом в волшебных сапогах-сороходах преодолевают сложнейшие препятствия на пути аффирмации переводоведения как одной из самых молодых научных дисциплин (ей исполнилось всего полвека). Только такими волшебными шагами им удалось в течение семи лет организовать столько же международных конференций в России и за рубежом по вопросам перевода. Этим чудом не исчерпывается хроника научной жизни ВШП. Профессор Гарбовский со своими сотрудниками с 2007 года выпускает журнал *Теория перевода*. К пятилетнему юбилею опубликованы *Труды Высшей школы перевода (факультета). Книга I. 2005—2010*. Кроме того, опубликованы сборники материалов всех международных научных конференций, организатором которых была ВШП, равно как и ряд монографий (персональных и коллективных), учебников и учебных пособий. Хотя и не входит в число семи чудес, участие большинства профессоров и сотрудников в научных конференциях в России и за рубежом и всегда с докладами, которые вызвали живую дискуссию и участников круглых столов, но не лишней раз свидетельствует о труде неутомимом на поле аффирмации их Школы и отечественной науки.

Нам кажется, ВШП достигла таких небывалых успехов благодаря, в первую очередь, профессору Н.К. Гарбовскому — одному из ведущих теоретиков перевода и в России и за рубежом, автору учебника «Теория перевода» (2007), представляющего собой полный курс по теории, истории и методологии перевода. Монография состоит из трёх частей, равно как и одной, везде присутствующей в трех предыдущих главах, — дидактики. Такого всеохватывающего объема тем (103!), по нашему сведению, не было до сих пор ни в России ни за рубежом!

Достаточно и беглого перечня тем (их всего 103), который рассматривается на страницах этой монографии, чтобы убедиться в том, насколько эта ценная книга превосходит все другие подобные. Нам бы хотелось из такого обилия обсуждаемых на страницах *Теории* Гарбовского тем выделить две. Во-первых, это — «*Пролог. Слава попугаю!*», в котором автор, неожиданно для такого типа научной монографии, продемонстрировал свой незаурядный талант литератора-пародиста, владеющего, как известно, еще с пушкинских времен, *всеми стилями*, а не только научным, когда он (Гарбовский) в известном историкам перевода рассказ о «касте переводчиков» инкрустирует в шутовском тоне своё отношение к делу переводчика, опять-таки с иронической дистанции, так что даже внимательный читатель после прочтения этого очерка остается в недоумении: не то писатель хвалит искусство переводчика, не то с некоторым пренебрежением и автопрезрением относится к деятельности этого ремесленника, метаавтора. Ой, как смешно и грустно! Из истории перевода по богатству материала, равно как и принципам и приёмам анализа, выделяются главы о двух знаменитых теоретиках перевода Средневековья: о Святом Иерониме, который впервые заговорил о «неизбежности потерь и ошибок в переводе», и об Этьене Доле и его знаменитом *Трактате о правилах хорошего перевода*. В этих текстах автор после скрупулезного анализа старинных текстов двух трактатов по-новому излагает сущность их теоретических рассуждений.

Из третьей заключительной части (*Методология перевода*) особенно интересной кажется глава о разнообразных видах «деформаций в переводе».

Авторы этих строк были свидетелями всех этих подвигов *Школы* Гарбовского, так как принимали участие в научных конференциях ВШП с 2008 по 2012 год и впредь будут соучастниками всех мероприятий *in gloria mundi* транслатологии.

ВШП блестяще доказала, что возможно и невозможное, и мечта.

Поздравляем с юбилеем и желаем новых творческих подвигов,

Ваши Лариса и Бранимир Чович (Сербия),

Нови-Сад, 22 декабря 2012 г.

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

Н.К. Гарбовский,

доктор филологических наук, профессор, директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: garok1946@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА И МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

В статье предпринимается попытка установить связь между сопоставительной стилистикой, с одной стороны, и методологией перевода — с другой, и показать, какие положения сопоставительной стилистики, имеющей функциональную направленность, могут найти непосредственное применение в методологии перевода, в частности для построения дискурсивных моделей, обеспечивающих прагматику перевода.

Ключевые слова: сопоставительная стилистика, методология перевода, дискурсивные модели, перевод по образцам.

Nikolai K. Garbovsky,

Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok1946@mail.ru

Comparative Stylistics and Translation Methodology

In this article, the author attempts to establish a link between comparative stylistics and translation methodology as well as to reveal those aspects of the former that could be used, considering their functional orientation, in the latter, in particular in terms of developing discursive patterns that ensure translation pragmatics.

Key words: comparative stylistics, translation methodology, discursive models, translation as per sample.

Лингвистическая теория перевода начинается со стилистики.

Разумеется, лингвистическая парадигма в науке о переводе не является единственно возможной. Однако нельзя не признать, что многие ставшие уже классическими работы по теории перевода лежат в русле именно лингвистической парадигмы.

А.В. Фёдоров, во «Введении в теорию перевода», книге, опубликованной в 1953 г. и представляющей собой первую обстоятельную отечественную работу, посвящённую построению теоретических основ переводческой деятельности, отмечал, что среди различных лингвистических дисциплин «к теории перевода самое близкое отношение имеет стилистика» [Фёдоров, 1953, с. 17]. По мнению Фёдорова, «основная задача теории перевода как лингвистической дисциплины вырисовывается всего ярче в стилистическом разре-

зе» [там же, с. 18]. Книга Фёдорова задумывалась как учебное пособие и, по мнению автора, была рассчитана «на научные интересы тех переводчиков, которые в своей деятельности не могут не сталкиваться с теоретическими вопросами, и тех многочисленных филологов, которые либо в своей теоретической исследовательской работе, либо в преподавательской практике должны решать вопросы, связанные с соотношением разных языков и с различными возможностями передачи подлинника средствами данного языка» [там же, с. 4]. В условиях начала массовой подготовки переводчиков, увеличения размаха переводческой деятельности в послевоенный период, введения перевода в качестве учебной дисциплины в высших и средних учебных заведениях зарождается теория перевода как необходимый теоретический фундамент дидактики перевода.

В тот же период парижское издательство Didier начинает издавать серию учебных пособий в рубрике *Библиотека сопоставительной стилистики* под общей редакцией А. Мальблана. Первой работой, вышедшей в этой серии в 1958 г., была Сопоставительная стилистика французского и английского языков (*Stylistique comparée du français et de l'anglais*) канадских исследователей, преподавателей университета Монреаля Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, также задуманная как учебное пособие по переводу. В предисловии к этой работе Мальблан отмечал, что будущие переводчики смогут найти в сопоставительной стилистике новую технику для решения проблем перевода независимо от того, о каких языках идёт речь. Но не следует полагать, — продолжал Мальблан, — что эта книга — сборник готовых рецептов, которые можно применять автоматически, в ней изложены основные принципы, на основании которых может быть составлена дорожная карта, позволяющая найти пути передачи всех составляющих исходного текста средствами другого языка (см.: [Vinay-Darbelnet, 1958, p. 1]).

Тремя годами позднее в этой серии выходит Сопоставительная стилистика французского и немецкого языков (*Stylistique comparée du français et de l'allemand: essai de représentation linguistique comparée et étude de traduction*) редактора серии Альфреда Мальблана [Malblanc, 1961], которая, по мнению автора, представляет собой очерк сопоставительной лингвистики и исследование перевода.

Мальблан акцентировал внимание на сопоставительном методе в лингвистике. Этот метод позволяет успешно решать задачи лингводидактики. Но он имеет и большое значение для развития самой лингвистической теории, так как даёт возможность вскрыть по контрасту явления, которые в силу их привычности ускользают из поля зрения исследователя, работающего на материале какого-либо одного языка. Поэтому, по мнению Мальблана, сопоставительные

исследования являются одновременно и разысканием и контролем [Malblanc, 1961, p. 15].

Две стадии сопоставительной стилистики

Намечая перспективы развития сопоставительно-стилистических исследований, Мальблан размышляет о том, как сделать лингвистические исследования полезными для переводческой практики, т.е. как построить теорию перевода: «Сопоставительная стилистика, как она мыслится нами, распадается на две обширные стадии исследования. Требуется, во-первых, не только установить путем сравнения достоинства и недостатки каждого из языков, но попытаться полнее познать соответствия между этими двумя системами, точнее определить возможности перехода от одной из них к другой, словом — сделать из перевода научную дисциплину, которая давала бы советы и указания, облегчающие овладение этим трудным мастерством; во-вторых (и это уже вторая стадия), противопоставить жанры и стили в двух языках, определить, что в двух произведениях или текстах одного и того же жанра в том и другом языке относится, с одной стороны, к языку, а с другой — к индивидуальности автора, что (пользуясь понятиями Соссюра) относится к языку, а что — к речи, сопоставить средства, которые тот и другой язык могут дать в распоряжение сатиры и лирики, риторики и поэзии. Что в произведениях Шиллера или Виктора Гюго, Жана-Поля и Жироду обусловлено языком, предписывающим знание своих категорий и форм, а что обусловлено интеллектуальной и социальной атмосферой эпохи, и что — в первую ли очередь или в последнем итоге — определяется индивидуальностью писателя?» (цит. по: [Фёдоров, 1971, с. 38]).

Мальблан, по собственному признанию, ограничился первой стадией исследования, сосредоточив внимание на сходствах и различиях в системах сопоставляемых языков и на возможностях перехода от системы одного языка к системе другого путем перевода. О второй стадии сопоставительно-стилистического исследования в работе упоминается лишь вскользь, как о некоей сверхзадаче, которую самому автору не суждено было не только решить, но даже поставить перед собой.

Попытаемся развить идею Мальблана о второй стадии сопоставительно-стилистических разысканий. Намеченные исследователем контуры, хотя и весьма расплывчатые, всё же дают некоторое представление о её содержании. По замыслу Мальблана на второй стадии сопоставительной стилистики осуществляется сравнение стилей и жанров языков. Говоря о сравнении стилей и жанров, учёный, скорее всего, имел в виду лишь жанры и стили художественной речи.

Его исследование, выполненное на материале художественных произведений, проникнуто стремлением развить теорию художественного перевода. Даже на второй стадии Мальблана интересует прежде всего вопрос о том, что в литературном тексте продиктовано системой языка, а что — индивидуальностью писателя. При таком подходе сопоставительная стилистика и на первом, и на последующих этапах остаётся в основном стилистикой художественной речи и может служить основой для теории художественного перевода. Именно так трактует стилистическую концепцию Мальблана Фёдоров: «...в этой части (имеется в виду вторая стадия. — Н.Г.) сопоставительная стилистика, по замыслу Мальблана, должна строиться комплексно как дисциплина одновременно и лингвистическая, и литературоведческая, причем, как явствует из смысла поставленной задачи, тут требуется привлечение не только данных из сферы поэтики или теории литературы, но и широких историко-литературных сведений» [Фёдоров, 1971, с. 39].

Такой подход к сопоставительной стилистике вполне закономерен, если рассматривать её как стилистику только художественной речи и видеть её цель исключительно в совершенствовании техники художественного перевода.

Однако если взглянуть на проблему шире и, развивая идею Мальблана о двух стадиях сопоставительно-стилистических исследований, обратиться к эволюции общей стилистической теории, то окажется, что второй стадии сопоставительной стилистики соответствует её функциональный этап, а в дальнейшем, или, точнее, параллельно с ним, — теория дискурса.

Функциональная стилистика явилась закономерным продолжением стилистических разысканий, посвященных анализу экспрессивных средств языка. Она не составила особого направления в общей стилистике, а явилась её закономерным этапом. Верная точка зрения на место и роль функциональной стилистики в общей стилистической теории высказывалась Т.Г. Винокур, отмечавшей, что «нет, по-видимому, достаточных оснований для того, чтобы выделять функциональную стилистику в качестве одного из направлений стилистики или в качестве одной из трёх обозначенных В.В. Виноградовым стилистик — стилистики речи. Задачам и сущности современной лингвостилистики значительно больше соответствует представление о ней как о функционально направленной науке в целом, то есть о науке, которая в отличие от других языковедческих дисциплин изучает функционирование языка, а не его строй» [Винокур, 1987, с. 7]. И как во внутренней лингвистике функциональная стилистика явилась логическим развитием дескриптивной стилистики, так и во внешней, сопоставительной, лингвистике сравнительное описание стилистических значений

языков должно быть продолжено сравнением того, как люди пишут и говорят на разных языках в аналогичных, социально детерминированных ситуациях общения. Иначе говоря, предметом сопоставительно-стилистических исследований оказываются уже сходства и расхождения в функционировании систем сопоставляемых языков на фоне конкретных целей и условий коммуникации. Сопоставительная стилистика при таком подходе приобретает коммуникативную направленность и становится основной лингвистической базой для теории перевода.

Коммуникативная направленность стилистических, в том числе и сопоставительно-стилистических, исследований отвечала общей тенденции развития науки о языке, в которой, по справедливому замечанию А.Д. Швейцера, во второй половине прошлого века наметился поворот от «ориентации на имманентные свойства языка и на статические описания внутрисистемных отношений к установке на раскрытие связей между человеком и языком, между языком и обществом, на выявление динамики функционирования языка в реальных ситуациях общения» [Швейцер, 1985, с. 15].

Таким образом, функционально ориентированная сопоставительная стилистика представляла собой закономерный этап развития исследований речевой коммуникации во всем её многообразии. Её внимание было привлечено к коммуникативным актам, осуществляемым средствами сравниваемых языков в разнообразных ситуациях социально-ролевого взаимодействия. Её предмет состоял в установлении регулярных межъязыковых сходств и расхождений в речевой коммуникации в аналогичных типических актах социально-ролевого взаимодействия.

Принцип функциональности заключался в том, чтобы в ходе сопоставительно-стилистических разысканий выявлять закономерные сходства и расхождения в *функционировании* языковых систем в типических коммуникативных актах, закреплённых узусом за типическими социально-ролевыми позициями коммуникантов. На этом основании могут быть построены модели перехода от исходного текста к тексту на переводящем языке, наиболее соответствующие дискурсивным нормам последнего и способные в известной степени преодолеть переводческую интерференцию.

Разработка теоретических основ функционально ориентированной сопоставительной стилистики была необходима для построения методологической базы, позволяющей достоверно интерпретировать получаемые данные о контрастных и сходных чертах речевой коммуникации, осуществляемой средствами сравниваемых языков во множестве аналогичных ситуаций социально-ролевого взаимодействия коммуникантов, для их последующего использования в целях достижения функциональной эквивалентности сообщений

при коммуникации с переводом в различных областях человеческой деятельности, а также в обучении переводу. Иначе говоря, прагматическая составляющая подобной сопоставительной стилистики заключалась в построении дискурсивных моделей для их последующего применения к самому разнообразному речевому материалу в практике перевода.

От функциональной стилистики к дискурсивному анализу

Многие категории, необходимые для построения стройной системы научных знаний в этой области, оказались недостаточно определёнными, а иногда и противоречивыми в силу того, что сама теория функциональной стилистики, которая должна была лечь в основу функционально ориентированной сопоставительной стилистики, оказалась далека от того, чтобы считаться окончательно оформившейся. Многие категории функциональной стилистики так и остались предметом дискуссий, в частности центральная категория *функционального стиля*. Возможно, по этой причине интересы лингвистов, изучавших вариативность речевой коммуникации, сместились в область «дискурса», и функциональная стилистика как научное направление уступает место теории дискурса, дискурсивному анализу.

Ю.С. Степанов, автор «Французской стилистики» (1965), задуманной им как «французская стилистика в сравнении с русской», возможно, в русле идей *Библиотеки сопоставительной стилистики* Мальблана, много позднее отмечал, что «термин дискурс (фр. discours, англ. discourse) начал широко употребляться в начале 1970-х гг., первоначально в значении, близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин «функциональный стиль» (речи или языка). Причина того, что при живом термине «функциональный стиль» потребовался другой — «дискурс», заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете. В то время как в русской традиции (особенно укрепившейся в этом отношении благодаря трудам академика В.В. Виноградова и Г.О. Винокура) «функциональный стиль» означал прежде всего особый тип текстов — разговорных, бюрократических, газетных и т.д., но также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику, в англосаксонской традиции не было ничего подобного, прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания. Англо-саксонские лингвисты подошли к тому же предмету, так сказать, вне традиции — как к особенностям текстов. «Дискурс» в их понимании первоначально означал именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях» [Степанов, 1995, с. 36].

Но вряд ли можно говорить лишь о предпочтениях в терминологии. Победила сама идея «дискурса». Понятие функционального стиля требовало точного содержания и точных оснований для составления типологии стилей, ведь без типологии само понятие функционального стиля оказывается нежизнеспособным. Найти такие основания для типологии оказалось чрезвычайно сложно ввиду многообразия факторов, влияющих на вариативность речи. Дискурс же в силу неопределённости объёма этого понятия с размытым содержанием оказался более привлекательным для построения самых разнообразных теорий речи и вариативности речевой деятельности в различных условиях коммуникации.

Более того, дискурсом называют и разворачивающийся во времени процесс, и структурный объект, рождающийся как результат этого процесса. (см., напр.: [Кибрик, 2009]). Предметом внимания этой лингвистической дисциплины оказывается вариативность речевой коммуникации, обусловленная различиями социальных условий общения: *политический дискурс, гастрономический дискурс, рекламный дискурс, сакральный дискурс* и многое другое.

Однако многие теоретические и методологические положения, разработанные в лоне функциональной стилистики и сопоставительных стилистик, особенно тех, что имели функциональную направленность, оказались весьма продуктивными для построения тех или иных разделов теории перевода.

Так, для методологии перевода как подраздела общей теории перевода, имеющего перспективную направленность, т.е. позволяющего построить переводческую стратегию, оказываются весьма полезными положения о методах сравнения в интересах перевода, об уровнях текстообразующей стратегии, о речевых жанрах, и функционально-смысловых типах речи и другие положения, разрабатывавшиеся в русле сопоставительно-стилистических исследований (см., напр.: [Гарбовский, 1988]).

Идеальная модель перевода и переводной дискурс

О переводном дискурсе как о результате переводческого выбора можно было бы уже не говорить, так как прямо или косвенно о нём сказано и написано уже довольно много. Но высказывания некоторых переводчиков-практиков, а также и некоторых исследователей проблем перевода показывают, что идея динамической эквивалентности всё ещё жива и часто составляет теоретическую основу переводческой стратегии.

Идеальная модель представляет переводчика не как «зеркало», отражающее оригинал (с возможными и, увы, неизбежными искажениями, но как «прозрачное стекло», некоего изошрённого не-

видимку (см.: [Костикова, 2010]). Тексты, рождаемые переводчиками-невидимками, должны быть такими, как если бы они вышли из-под пера самого автора, если бы тот писал на языке перевода, а переводное произведение должно органично вписываться в литературный контекст принимающей культуры, и не восприниматься как переводное. Иначе говоря, тексты переводов никоим образом не должны отличаться от текстов литературных произведений авторов, принадлежащих принимающей культуре.

Авторы весьма интересного и глубокого исследования проблем библейского перевода Дж. Бикман и Дж. Келлоу предложили определение адекватного перевода, ориентируясь на два аспекта — передачу смысла и динамику оригинала: «Исходя из наших наблюдений, мы даём следующее определение адекватного перевода: адекватным будет считаться тот перевод, который верно передает смысл и динамику оригинала. Выражение «передает смысл» означает, что перевод доносит до читателя или слушателя ту же информацию, которая содержится в тексте оригинала. Сообщение не должно искажаться или изменяться; не должен меняться и объём сообщаемой информации. «Передает динамику» означает, что, во-первых, в переводе используются наиболее естественные и живые языковые структуры, и, во-вторых, адресат перевода легко понимает сообщение» [Бикман, Келлоу, 1994, с. 464].

А в заключении к первой главе авторы приводят изречение Апостола Павла: «И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению?» (1 Кор 14:8) и формулируют идеал переводного дискурса: «следует стремиться к переводу, в котором будет настолько богатый словарный состав, настолько идиоматичные словосочетания, настолько правильные конструкции, настолько чёткое изложение мысли, настолько ясен смысл и настолько естественен стиль, что текст уже не воспринимается как переводной и адекватно передает исходное сообщение оригинала» [там же].

Подобная идеальная модель вызывает в памяти известные «парадоксы перевода» Т. Сейвори (см.: [Savori, 1968; Швейцер, 1988, с. 19]) и рождает мысли о вариативности переводческих стратегий и о переводном дискурсе, прежде всего о его онтологических свойствах, позволяющих утверждать, что такой тип дискурса действительно существует.

Своеобразие переводного дискурса отчётливо проявляется в подавляющем большинстве переводных работ самых разных жанров, самого различного содержания. Так называемый «промежуточный язык», который, по мнению Г. Тури, располагается между языком оригинала и переводящим языком [Toury, 1980], неизбежная данность, характеризующая в той или иной степени всякую

переводную работу. Переводные тексты обладают особыми признаками, отличающими их от текстов, изначально созданных на переводящем языке. В них неизбежно проявляется переводческая интерференция, т.е. более или менее частое, как правило, бессознательное калькирование форм оригиналов в текстах перевода. Эта интерференция имеет не языковой, а отчётливо выраженный дискурсивный характер. Своеобразие переводного дискурса, его особое положение в дискурсивном пространстве принимающей культуры обусловлены вторичностью переводных текстов. Теоретическая и дидактическая опасность «вторичности» заключается в том, что переводчик имеет в качестве объекта «перевыражения» текст оригинала, который уже сам по себе «выражает» нечто, находящееся вне его текстовой материи, т.е. не реальная действительность, а идеальный конструкт, созданный воображением автора оригинала. Вторичность порождает дуализм основных свойств и состояний переводного дискурса, а именно, онтологический, телеологический, аксиологический и гносеологический дуализм (см.: [Гарбовский, 2012]).

Переводческие стратегии

«Стратегия»... Сегодня — это один из весьма популярных терминов, определяющих важнейшие аспекты самых разных видов социальной деятельности. Этимологически *стратегия* — это «искусство полководца», нахождение способа действий, обеспечивающего достижение конечной цели имеющимися в наличии силами и средствами в условиях упорного сопротивления. Причём наличные силы и средства всегда недостаточны для «прямого» достижения цели; в противном случае всякая стратегия была бы просто излишней. Понятие стратегии подобно двуликому Янусу, богу времени в Древнем Риме с двумя лицами, обращёнными в противоположные стороны: к прошлому и к будущему. Обращённая в будущее, направленная на достижение будущих побед, она опирается на предшествующий опыт прошлых сражений. Разработка переводческих стратегий (проспекция) опирается на анализ существующей в принимающей культуре текстовой материи, т.е. продукта коммуникативной деятельности (ретроспекция).

Всякую стратегию определяет цель. Поэтому разработка переводческой стратегии также начинается с определения цели конкретного акта перевода.

В начале карьеры военного переводчика мне довелось выполнить одно весьма ответственное задание — перевести на французский язык *Боевой устав артиллерии*, специально подготовленный советскими военными специалистами для вооружённых сил Алжира.

Цель акта перевода заключалась в подготовке на французском языке документа, способного выполнять определённые функции, а именно научить использованию артиллерии в бою и строго регламентировать все действия по её использованию. Соответственно, текст перевода должен быть максимально понятным и не содержать слишком много «чужих» элементов, затрудняющих его восприятие. В тот период французский язык был ещё одним из основных «рабочих» языков алжирских военнослужащих, привыкших к документации, разработанной французами в соответствии со сложившимися во Франции дискурсивными нормами и традициями. Оригинальный текст, составлявший основу для перевода, никак в эти нормы и традиции не укладывался.

Предшествующий опыт перевода на французский язык, в частности лекций по электротехнике, позволял уже понять, что нарушение дискурсивных норм, принятых в переводящем языке, даже при лексической и грамматической правильности речи весьма затрудняет восприятие переводного текста. Поэтому, например, для формулирования по-французски хорошо известного народам, говорящим на разных языках и использующим электричество, «правила буравчика» не следовало переводить это правило по отдельным элементам и искать, как будет на переводящем языке «буравчик» (*vrille*). Более целесообразным представлялось найти полную формулировку этого правила (*la règle du tire-bouchon de Maxwell*) во французском учебнике по физике, где «правило буравчика» естественным образом представлено как «правило штопора Максвелла», и перенести её в свой текст по «военной электротехнике».

Таким образом, избранный замысел определил и стратегию перевода: стремиться к достижению динамической эквивалентности, максимально приближая текст перевода к французским образцам — текстам боевых уставов, созданных французами для франкоязычных пользователей.

Не слишком искушённый в тот период в вопросах теории перевода, я не подозревал, что этой операцией осуществлял прагматически адекватный перевод, который немецкий исследователь А. Нойберт определил как «точный по образу» [Нойберт, 1978. с. 195], т.е. перевод, который сохраняет прагматику исходного текста «приспосабливаясь к прагматическим правилам ПЯ» (переводящий язык) [там же].

Нойберт противопоставлял таким образом извечной оппозиции стратегий вольного и буквального перевода оппозицию стратегий перевода по образу и перевода по слагаемым [там же] и делал важное для переводческой практики заключение о том, что «свобода, даже обязанность переводчика предпринимать такие “изменения”»,

чтобы получился текст Б, который ориентирует получателя руководства по эксплуатации машины, говорящего на ПЯ, так же как текст А — говорящего на ИЯ» (исходный язык) [там же].

Следовательно, для достижения цели была избрана стратегия прагматически адекватного перевода, которая предполагала включения в систему наличных сил и средств (знание грамматических и лексических соответствий, владение специальной терминологией, знание предмета и пр.) нового необходимого звена — «образов», т.е. речевых образцов, среди документов аналогичного содержания и аналогичной функциональной направленности, созданных во французской военной коммуникативной системе в определённых коммуникативных ситуациях. Но полный многостраничный текст устава — это не «правило буравчика», его нельзя полностью «сканировать» ни с одного из существовавших документов. Следовательно, было необходимо вычленив из соответствующих текстов на переводящем языке некоторые дискурсивные структуры, которые, обладая аналогичной семантикой и прагматикой, могли бы быть использованы в переводе. Разумеется, эти прагматически оправданные образцы превышали не только уровень отдельных слов, но и уровень предложений и выводили из мира отдельных «эквивалентов» и межъязыковых соответствий в другой мир, который Э. Бенвенист и определил как дискурсы (discours): «С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является речь (discours)» [Бенвенист, 2002, с. 139.]. «В самом деле, — продолжал французский лингвист, — это два различных мира, хотя они охватывают одну и ту же реальность; им соответствуют две разные лингвистики, пути которых, однако, всё время пересекаются. С одной стороны, существует язык как совокупность формальных знаков, выделяемых посредством точных и строгих процедур, распределённых по иерархическим классам, комбинирующихся в структуры и системы; с другой — проявление языка в живом общении» [там же].

Выход за пределы языковых знаков, эквивалентов и соответствий, допуская систематизацию и парадигматическое представление в двуязычных словарях и сопоставительных грамматиках, открывал путь в речевую бесконечность. «Список употреблений одного слова может быть не закончен, — справедливо утверждал Бенвенист — список употреблений предложения не может быть даже начат» [там же]. Но для того чтобы избежать случайностей, требовался глубокий анализ «образцов» с целью построения в конечном итоге моделей, которые при их наполнении конкретным семантическим содержанием были бы способны в конкретных ак-

тах перевода создавать тексты, соответствующие дискурсивным нормам переводящего языка.

Иначе говоря, следовало осуществить дискурсивный анализ корпуса текстов, специально отобранных по определённым критериям, объём которого предполагал бы статистическую достоверность, т.е. построить особую теоретическую модель перевода — дискурсивную, которая отличалась бы от известных лингвистических моделей — денотативной, семантической, трансформационной и пр. — именно выходом за пределы лингвистических единиц в область речевых построений, соответствовавших определённым коммуникативным ситуациям.

Потребовался длительный и подробный дискурсивный анализ, имевший строгую переводческую ориентацию. Теория, теоретические разыскания и построения, модели оказались на этом этапе совершенно необходимыми для переводческой практики.

Метод сравнения для построения модели перевода

Было установлено, что дискурсивный анализ должен быть поуровневым и осуществляться на основании категорий, выделяемых на ряде уровней, соответствующих в свою очередь тому или иному компоненту коммуникативного акта.

На первом уровне анализа определяется сопоставимость сравниваемых объектов — текстов сообщений — на основе аналогии продуцировавших их коммуникативных актов. Что касается аналогии коммуникативных актов, то она устанавливалась на основании категорий социально-ролевого взаимодействия коммуникантов. Аналогия социально-ролевых функций коммуникантов и позволяет признать сопоставимыми коммуникативные акты, а соответственно и сообщения, при различии кода. Следовательно, именно коды, закономерные сходства и расхождения кодов, понимаемых не как системы сравниваемых языков, а как правила построения дискурса в определённых типичных ситуациях социально-ролевого взаимодействия. Иначе говоря, если взглянуть на объект и предмет такого анализа сквозь призму модели коммуникации Р. Якобсона, то сообщение оказывается её объектом, а код — предметом.

Сопоставительный анализ дискурсивных структур может осуществляться на двух уровнях: 1) на уровне дискурсивной стратегии, где доминирует фактор коммуникативной установки, а также 2) на уровне семантики текста, где доминирует фактор референта.

Дискурсивная стратегия (стратегия текстообразования) — это выбор коммуникантом такой структуры сообщения, материализованного в звуковой или графической форме, которая соответствовала бы коммуникативной установке. Коммуникативная установка

обуславливает как структуру всего сообщения в целом, так и структуру его отдельных частей вплоть до лексико-синтаксической организации отдельного высказывания, в которой отражается сложная иерархическая система логических связей.

В качестве основного метода функционально ориентированной сопоставительной стилистики предлагается метод параллельного межъязыкового сравнения оригинальных текстов на основе аналогии их коммуникативной обусловленности.

Аналогия коммуникативной обусловленности речевых произведений, обеспечивающая сравнение однопорядковых речевых явлений, устанавливается на основе аналогии социально-ролевых позиций коммуникантов посредством модели речевой коммуникации, отражающей в обобщённом виде сопряжённую деятельность участников акта коммуникации. Аналогичными в межъязыковом плане предлагается считать коммуникативные акты, характеризующиеся аналогией intersubjectных отношений между участниками коммуникации, прагматических целей, референтов, каналов связи, контекстной обусловленности при различии кода, посредством которого реализуется сообщение, и самого сообщения. Аналогичность коммуникативных актов составляет точку отсчёта, благодаря которой устанавливаются сходства и расхождения в построении сообщений на сравниваемых языках.

Метод заключается в поуровневом сравнении речевых структур, вычленимых из речевых произведений, реализованных средствами сравниваемых языков и характеризующихся как сообщения, являющиеся продуктами аналогичных коммуникативных актов. Сравнение речевых структур опирается на аналогию факторов, составляющих коммуникативный акт, и осуществляется последовательно на уровне текстообразующей стратегии, где доминирует фактор коммуникативной установки, и на уровне семантики текста — фактор референта. Сравнение речевых структур на каждом уровне осуществляется на основе моделей — модели текстообразования и семантической модели текста — как обобщённого представления о множестве реально наблюдаемых объектов.

Аналогия коммуникативных актов оказывается основой, *tertium comparationis*, на основании которого могут быть установлены сходства и расхождения в построении речи на сравниваемых языках. Однако для установления аналогии коммуникативных актов также требуется применение объективных критериев. Одним из таких критериев выступает категория социальной роли личности, позволяющая с достаточной точностью идентифицировать экстралингвистическую обусловленность использования коммуникантами того или иного варианта кода — речевого жанра. Следовательно, межъязыковому сравнению объектов предшествует

верификация их сопоставимости, то есть наличия у них того общего, без которого, как справедливо отмечала В.Н. Ярцева, «не только утратится вся сложная картина сопоставляемых языков в плане структурном или в плане семантическом... но и выявление черт несходства у сравниваемых языков сведется к перечню разрозненных “раритетов”» [Ярцева, 1981, с. 20].

Метод перевода и метод параллельного сравнения

Установление сопоставимости сравниваемых объектов — текстов сообщений на сопоставляемых языках — на основе аналогии коммуникативных актов, фактическим продуктом которых они являются, позволяет выйти за рамки так называемого *метода перевода*, т.е. метода сравнения текста оригинала, продуцированного на одном языке, с текстом его перевода на другой язык. Метод перевода предполагает сравнение объектов на основе предположения об их функциональном и семантическом тождестве.

Но для методологии перевода и построения моделей не меньший интерес представляет так называемый метод сравнения параллельных текстов [Швейцер, 1988], то есть оригинальных текстов на сравниваемых языках, имеющих определённую аналогию. Возможность использования оригинальных текстов в качестве объекта межъязыкового сопоставления отмечалась ещё А.В. Фёдоровым, который, в частности, отмечал, что «сопоставительная стилистика, правда, может строиться на основе анализа не только переводов в их отношении к оригиналам, но и оригинальных текстов, представляющих те или иные аналоги или параллели» [Фёдоров, 1971, с. 44].

Аналогия коммуникативных актов как уровень общности сравниваемых объектов позволяет нам обратиться к сопоставлению так называемых «параллельных текстов» Соответственно тому как метод сравнения текстов оригиналов с текстами их переводов принято называть «методом перевода», метод, предполагающий оперирование только оригинальными текстами сопоставляемых языков, может быть определен как «метод параллельного сравнения».

Параллельное сравнение оригинальных текстов имеет главным образом поуровневый характер, то есть осуществляется на основе определенных категорий и уровней коммуникации.

Межъязыковое сравнение осуществляется последовательно на ряде уровней, соответствующих тому или иному компоненту коммуникативного акта, на основании выделенных на каждом уровне категорий. Однако в отличие от сопоставления методом перевода, опирающегося на семантическую общность языковых единиц, при

параллельном сопоставлении оригинальных текстов сравнение может опираться на аналогию коммуникативных значений сообщений.

Предполагаемая семантическая аналогия текстов оригинала и перевода и функциональная аналогичность оригинальных параллельных текстов определяют характер выбора объектов для сопоставления. Применение «метода перевода» предполагает формальный принцип определения сопоставимости объектов: текст оригинала сравнивается с текстом его перевода. Для применения метода параллельного сравнения необходимо установить функциональную аналогичность текстов сообщений, что и потребовало поиска объективных критериев сопоставимости объектов. В качестве таких критериев и предлагается использовать модель коммуникации.

Сопоставление параллельных оригинальных текстов позволяет избежать некоторых опасностей, которым подвержено сопоставительное исследование текстов оригиналов и их переводов, и в известной степени располагает более объективными данными для анализа, устраняя промежуточное звено коммуникации — речевую деятельность переводчика.

Следует также иметь в виду, что сопоставление оригинального (исходного) текста с текстом перевода ставит исследователя в некоторую зависимость от языкового опыта переводчика. А. Мальблан, показывая схему процесса перевода, отмечает, что представление об объекте мысли, имеющееся в голове автора исходного текста, адресанта (сигнификат 1), в процессе перевода может быть подвержено трем видам искажения: в результате искаженного восприятия переводчиком исходного текста, т.е. возникновение сигнификата 2, отличного от сигнификата 1, в результате неспособности переводчика адекватно передавать на языке перевода корректно воспринятый исходный текст, в результате чего в первую очередь страдает индивидуальное своеобразие подлинника, и, наконец, если язык перевода не предоставляет переводчику необходимых средств для точной передачи содержания исходного текста, адекватно им воспринятого. В конечном итоге у получателя речи — адресата — текст перевода вызовет представление об объекте мысли (сигнификат 3), отличное от представления, которое стремился передать адресант [Malblanc, 1961, с. 19].

Если искажения, вызванные асимметрией систем средств выражения сопоставляемых языков, не препятствуют сравнительному анализу, даже, напротив, представляют собой один из объектов сопоставительной лингвистики, которую в этом случае более точно будет определить как контрастивную, то искажения информации, возможные в результате неверного восприятия или некорректной передачи исходного текста переводчиком, т.е. зависящие от инди-

видуальности переводчика, представляют собой серьезную помеху объективному сопоставительному анализу.

При оценке качества перевода, степени его соответствия оригиналу исследователь вынужден опираться на свою интуицию, что также приносит элемент субъективности. Но даже тогда, когда переводчиком полностью и корректно передана вся система смыслов оригинального текста, при сопоставлении текста подлинника с текстом перевода исследователь всегда ощущает индивидуальность третьего лица — переводчика.

Вторым недостатком использования сопоставления текста оригинала и перевода, назовем его недостатком «технического порядка», является известная ограниченность переводного материала текстами художественных произведений и текстами лишь немногих жанров научной речи. Видимо, по этой причине большинство известных работ по сопоставительной стилистике в основном были ограничены материалом текстов художественных произведений, что не препятствовало нахождению адекватных средств выражений того или иного значения, но не давало возможности в полном объеме сопоставить «речевые жанры», иначе говоря не позволяло вскрыть функционально-стилистическую систему сопоставляемых языков.

Для сопоставительного изучения функционирования систем сравниваемых языков требуется выход за рамки художественной речи и перенос внимания на самые разнообразные речевые жанры, различающиеся характером ролевого взаимодействия коммуникантов и другими факторами, обуславливающими специфику коммуникации.

Возможные уровни дискурсивного анализа

Сопоставительное исследование дискурсов на сравниваемых языках в интересах построения дискурсивных моделей для перевода может осуществляться по уровням.

Но прежде всего следует убедиться в сопоставимости сравниваемых объектов. В качестве критерия для определения сопоставимости, т.е. объективной возможности сопоставления речевых произведений, не являющимися тождественными, может быть принята аналогия продуцировавших их коммуникативных актов. Что касается аналогии коммуникативных актов, то она, в свою очередь, устанавливается на основании категорий социально-ролевого взаимодействия коммуникантов. Вариативность речевой деятельности обусловлена вариативностью социально-ролевой структуры общества. Признание этой зависимости позволяет построить модель коммуникации, в основе которой лежит ролевое взаимодей-

ствие субъекта речи и адресата. Сущность этого взаимодействия состоит в передаче отправителем получателю сообщения о референте в соответствии с определённой коммуникативной установкой, подчинённой цели деятельности более высокого порядка, которая является для отправителя речи его социально-ролевой функцией, посредством определённого кода и канала связи на фоне определённого контекста.

Социально-ролевая функция коммуниканта предопределяет характер всех прочих компонентов коммуникативного акта и поэтому может составить в межъязыковом сравнении основу для установления аналогии, позволяющую предположить сопоставимость сравниваемых коммуникативных актов, выявить сходства и различия в построении дискурсивных структур.

Аналогия социально-ролевых функций коммуникантов позволяет признать сопоставимыми коммуникативные акты, а соответственно и дискурсы при различии кода. Именно коды, точнее, закономерные сходства и расхождения кодов, понимаемых не только как системы сравниваемых языков, а также и как правила, нормы построения дискурса в определённых типичных ситуациях социально-ролевого взаимодействия, и составляют предмет подобного межъязыкового сопоставления, позволяющего построить соответствующие дискурсивные модели для их дальнейшего использования при продуцировании текстов на переводящем языке в процессе перевода.

Сопоставительный анализ собственно дискурсивных структур сравниваемых речевых произведений, признанных сопоставимыми, осуществлялся на уровне текстообразующей стратегии, где доминирует фактор коммуникативной установки, и на уровне семантики текста, где доминирует фактор референта.

Текстообразующая стратегия — это выбор коммуникантом такой структуры текста (сообщения, материализованного в звуковой или графической форме), которая соответствовала бы коммуникативной установке. Коммуникативная установка обуславливает как структуру всего сообщения в целом, так и структуру его отдельных частей вплоть до лексико-синтаксической организации отдельного высказывания. В этом отражается сложная иерархическая система логических связей, устанавливаемых субъектом речи между предметами действительности — референтами речевого акта — в процессе коммуникации.

В зависимости от того, какой вид логической связи положен в основу структурирования текста, то есть в основу объединения составляющих его высказываний в единое текстовое целое, могут быть дифференцированы типы речи исследователями как «функционально-смысловые» (см., напр.: [Нечаева, 1974; Одинцов, 1980]).

При этом в основу дифференциации функционально-смысловых типов речи кладутся, как отмечала О.А. Нечаева, обобщенные логико-смысловые значения, которые «в соответствии с характером мыслительных связей в одних случаях являются перечислением одновременных явлений, т.е. описанием предмета в широком понимании; в другом — общесмысловые значения выражают последовательные или развивающиеся действия или состояния, что соответствует в речи повествованию; в третьих случаях логико-смысловые связи выражают причинно-следственные выводные отношения, воплощающиеся в языке в речь типа рассуждения» [Нечаева, 1974, с. 16]. Данная классификация представляется, однако, не вполне последовательной и не полной. Как видим, в основе рассуждения лежит отношение логического следования в цепи посылок. Что же касается описания и повествования, то дифференциация этих типов речи основывается уже не на логическом, а на семантическом признаке, так как отношения одновременности и разновременности, присущие самой объективной реальности (референту), выходят за пределы собственно логических отношений, устанавливаемых мышлением между предметами отражаемой в процессе коммуникации.

Сохранить единство оснований дифференциации типов речи позволяет, на наш взгляд, такой подход к тексту, при котором составные части его структуры рассматриваются как простые и сложные высказывания, объединяемые в текстовое целое посредством различных видов логической связи. Такой подход, предложенный В.В. Свинцовым [Свинцов, 1972, с. 175], даёт возможность внести существенные изменения в классификацию функционально-смысловых типов речи. В упоминавшейся работе В.В. Свинцова осуществляется упорядочение существующей типологии, в ней описательные и повествовательные тексты рассматриваются «как более или менее сложные многочленные конъюнкции, а рассуждение — как текст, в основу которого положено (по крайней мере, по замыслу автора) отношение логического следования» [там же, с. 177]. В то же время эта типология не получает в работе необходимого развития и ограничивается лишь традиционными тремя типами речи. Если же применять логический принцип к дифференциации типов речи более последовательно, то есть не идти по пути логического обоснования постулируемых типов, применяя к ним более или менее успешно критерий вида логических операций, а следовать от самих этих видов к речевым структурам, то открывается возможность построения принципиально новой типологии речи, характеризующейся единством оснований.

В логике обычно рассматриваются пять видов логических операций, в результате которых происходит объединение простых вы-

сказываний в сложные: конъюнкция, дизъюнкция, импликация, эквивалентность и отрицание. Различение этих видов операций могло бы составить основу для дифференциации речевых структур.

В то же время следует иметь в виду, что категории логики не тождественны категориям речи. Поэтому логические таксономии могут применяться для построения таксономий речевых категорий лишь в известных пределах. В данном случае необходимо учитывать, что логические операции предполагают связи между высказываниями не по смыслу, а лишь по критерию истинности или ложности, напротив, речевые построения предполагают смысловую зависимость своих составных частей друг от друга. Это уточнение является обоснованием того, что для обозначения разновидностей текстовых структур мы избрали термин «функционально-смысловой тип речи». Определение «функциональный» соотносит его с коммуникативной установкой, обуславливающей характер логических связей между высказываниями, а определение «смысловой» подчеркивает, что логические связи между высказываниями разворачиваются на фоне их смысловой соотнесенности.

Таким образом, логико-смысловой подход к структуре текста позволил выделить следующие функционально-смысловые типы речи: перечисление (с динамическим и статическим вариантами — повествованием и описанием), в основе которого лежит отношение конъюнкции; определение (с развернутым вариантом — объяснением), основанное на отношении эквиваленции; альтернативный тип речи, высказывания которого связаны между собой отношением дизъюнкции; опровержение, построенное на отрицании одного высказывания другим; имплицативный тип речи, внутри которого различаются предписание и рассуждение как типы речи, соответствующие отношениям простой и «квадратной» импликации.

На основании категории функционально-смыслового типа речи может быть построена модель текстообразующей стратегии для перевода сообщений анализируемых речевых жанров, точнее, позволяющая найти соответствующие формы для построения текста на языке перевода в соответствии с дискурсивными нормами этого языка. Выявление прагматической составляющей коммуникативных актов и характера ролевого взаимодействия коммуникантов позволяет построить текстообразующую стратегию в виде определенным образом организованной системы функционально-смысловых типов речи, где один из видов логических отношений может выполнять доминирующую функцию.

Следующим уровнем сравнительного анализа оказывается лексико-семантический уровень, соотносимый, прежде всего, в структуре коммуникативных актов с референтом, т.е. предметной ситуацией.

Основой для расчленения предметной ситуации на составляющие может служить несколько уточнённая семантическая актантовая модель, предложенная М. Гремасом [Greimas, 1966, p. 180—181; см. также: Garbovskij, Kostikova, 2011; Hébert].

Гремас, опираясь на семантические модели, построенные В. Проппом (морфологическая модель русских народных сказок) и Е. Сорио (модели драмы), выводит актантовую модель мифологии и весьма убедительно (на примере модели идеологии коммунизма) показывает, что она может быть применена и к другим предметным ситуациям [Greimas, 1966, p. 180—181].

Эта модель может быть описана следующим образом: субъект действия (Sujet), повинувшись своему предназначению — божественному, историческому, общественному, профессионально-ролевому и пр. (*Destinateur*), действует с определённой, конкретной целью (*Objet*) в интересах кого-либо конкретного лица, социальной группы, общественного объединения, класса, народа, человечества (*Destinataire*), преодолевая сопротивление противодействующих сил (*Opposant*) и опираясь на помощь содействующих сил (*Adjuvant*). Эта актантовая модель может быть дополнена некой рамкой, размещающей актанты в определённом времени и пространстве (сирконстанты).

Наполнив каждый из элементов модели конкретным содержанием, мы можем применить эту модель к референту анализируемого типа коммуникативных актов. Так, если взять в качестве примера тексты боевых уставов, которые были исследованы мной для построения дискурсивной модели в интересах перевода, то субъектом действия окажутся *войска, командир, подразделение, рота, танк* и т.п.; предназначением — *принадлежность военно-профессиональной сфере деятельности (воин, защитник и т.п.)*; целью — *достижение успеха в бою, победы*; адресатом деятельности — *некоторая часть социума, в интересах которой осуществляется действие субъектом (общество, народ, либо конкретное воинское формирование, заинтересованное в результате действия)*; противодействующими силами — *противник как тактическая категория, а также условия и предметы, препятствующие выполнению действия*; содействующими силами — *взаимодействующие лица и группы (войска), условия и предметы, благоприятствующие действию субъекта*.

Каждый из этих компонентов, присутствуя в коммуникативном акте, получает свое выражение в тексте, оказываясь на каких-то этапах развёртывания сообщения как бы в центре кадра. Причём тема «предназначения» как наиболее общая, распространяющаяся на всё сообщение в целом, в тексте обычно возникает один раз, в то время как другие актанты могут функционировать многократно. Характер их чередования в сообщении составляет одну из спе-

цифических черт дискурса. Семантическая модель отражает так называемую эмпирическую иконичность коммуникации, т.е. «превращение текста в картину действительности путем расположения слов в такой последовательности, которая непосредственно отражает происходящее в действительности» [Энквист, 1988, с. 336].

На основании общей, назовем её иконической, семантической модели дискурса выводятся семантические модели структурно подчинённых текстовых образований — высказываний. Соответствующая семантическая модель высказывания признается доминантной для сообщений данного речевого жанра.

Являясь инвариантной, эта модель предполагает ряд вариантов, различаемых соответственно семантическим классом субъектов предметных ситуаций. Кроме доминантной модели, в центре которой оказывается субъект предметной ситуации, строятся семантические модели, в которых в центре «кадра» находятся другие актанты иконической модели дискурса. Эти модели служат основой для установления межъязыковых сходств и расхождений в построении средствами сталкивающихся в переводе текстов, с характерной для определённого типа дискурсов структурой.

Таким образом, предложенный подход, разрабатывавшийся ещё в русле функционально ориентированной сопоставительной стилистики, может рассматриваться в методологии перевода как один из вариантов предпереводческого анализа текста, точнее для нахождения образцов и соответствующих дискурсивных моделей, которые могли бы быть использованы для построения текстов на языке перевода. Данный подход, предполагающий дальнейшую детализацию, может быть применён к разным типам коммуникативных актов, соотносимых с различными классами профессионально-ролевых функций, а также к разным комбинациям языков.

Список литературы

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: УРСС, 2002.
- Бикман Дж., Келлоу Дж. Не искажая слова Божия... Принципы перевода и семантического анализа Библии / Пер. с англ. под ред. Д.В. Дмитриева. СПб.: Ноах, 1994. С. 464. <http://www.biblicalstudies.ru/books.html#Vikman>
- Винокур Т.Г. Употребление языка как основной предмет стилистики. // Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М.: Наука, 1987.
- Гарбовский Н.К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- Гарбовский Н.К. Русский переводной дискурс: миф или реальность. // Русский язык и культура в зеркале перевода. М., 2012.

- Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/kibrik-aa/files/Discourse_classification@VJa_2009.pdf
- Костикова О.И. Переводческая критика: «прозрачность» vs «зеркальность» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 3.
- Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Уде: Буряткнигиздат, 1974.
- Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978 (русский перевод статьи: А. Neubert. Pragmatische Aspekte der Übersetzung // Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. "Fremdsprachen", Bd. II. Leipzig, 1968. S. 21—33).
- Одинцов В.В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980.
- Свицов В.И. Логические основы редактирования текста. М.: Книга, 1972.
- Степанов Ю.С. Французская стилистика. М.: Высшая школа, 1965.
- Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. статей. М.: РГГУ, 1995.
- Фёдоров А.В. Введение в теорию перевода. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1953.
- Фёдоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М.: Высшая школа, 1971.
- Швейцер А.Д. Социолингвистические основы теории перевода // Вопросы языкознания. 1985. № 5.
- Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
- Энквист Н.Е. Стилль как стратегия в моделировании текста. М.: Изв. АН СССР, 1988. Т. 47. № 4. С. 329—339.
- Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М.: Наука. 1981.
- Garbovsij, N.K., Kostikova, O.I. Dimension sociologique de l'activité traduisante // La traduction: philosophie et tradition. Interpréter / Traduire. Presses Universitaires du Septentrion. 2011. P. 129—144.
- Greimas, A.-J. Sémantique structurale. Recherche de méthode. Paris: Larousse. 1966.
- Hébert, L. Le modèle actantiel: SIGNO. Site Internet de théories sémiotiques. <http://www.signosemio.com/greimas/modele-actantiel.asp>
- Malblanc, A. Stylistique comparée du français et de l'allemand: Essai de représentation linguistique comparée et étude de traduction. Paris: Didier, 1961.
- Savori, T. The art of translation. Boston, 1968.
- Toury, G. In Search of a Theory of Translation. Tel Aviv, 1980.
- Vinay, J-P, Darbelnet, J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris: Didier. 1958.

Ханнелоре Ли-Янке,

доктор наук, профессор, почётный президент Постоянного международного совета институтов и факультетов перевода (CIUTI); e-mail: hannelore.lee-jahnke@unige.ch

**ЗАКОНОДАТЕЛИ МОД И КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ
В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ, ОРИЕНТИРОВАННОМ
НА ПРОЦЕСС, ПЕРЕВОДЕ: ПОЗНАНИЕ, ЭМОЦИЯ,
МОТИВАЦИЯ**

Цель данной работы — дать краткий обзор исследований в области когнитивных подходов к механизмам перевода, в особенности исследований, ориентированных на процесс¹, и опирающихся на прочную эмпирическую основу. Подобные исследования продолжаются уже около тридцати лет [Gile, 2005; Kalina, 2005; Krings, 1986, 2005; Mizuno, 2005; Rydning, 2005; Séguinot, 1989, 2005; Tirkkonen-Condit, 1989, 2005; Jääskeläinen, 1987; Lee-Jahnke, 1998; Lörscher, 2005; Zhong, 2005; Houdé et al., 2003; Paradis, 2004; Wilgen, 2004]. Они приоткрывают тайную завесу над тем, что происходит в мозге переводчика в процессе перевода. Однако прежде, чем мы сделаем краткий обзор существующих исследований, необходимо уточнить три вопроса. Во-первых, является ли когнитивный подход к изучению перевода лишь веянием моды или приметой современного периода, когда ярко выражено стремление к междисциплинарным исследованиям? Во-вторых, если междисциплинарность стала ключевым направлением в рамках переводоведения и, в частности, в дидактике перевода, каковы основные дисциплины задействованы в процессе обмена знаниями? И как тесно этот междисциплинарный подход связан с когнитивным и процессно-ориентированным подходом в переводоведении. В-третьих, как преподаватели могут помочь учащимся оценить имплицитные возможности языка, передающие эмоции? В какой момент познание, эмоция и мотивация, связанные с оценкой, начинают взаимодействовать в рамках процесса обучения?

И последнее, но, конечно, не менее важное: хотелось бы составить «меню», из которого преподаватели перевода могли бы выбирать ключевые составляющие для занятий по переводу и подчеркнуть важность отсутствующего звена в процессно-ориентированных исследованиях перевода, а именно — широкого исследования на международном уровне, в результате которого можно было бы создать базовую структуру для разнообразных проектов, существующих в настоящий момент. Это позволило бы структурировать их в соответствии с существующими направлениями, что, возможно, могло бы определённым образом упорядочить процессно-ориентированные исследования перевода с учётом познания, мотивации и эмоции.

Ключевые слова: дидактика перевода, междисциплинарные исследования, процессно-ориентированный перевод, нейрокогнитивистика, билингвизм, оценка, умственные представления, механизмы обучения.

¹ *Königs Frank*. Les processus de la traduction. META, 1996. Vol. 41. P. 5.

Hannelore Lee-Jahnke, Univ. Prof. Dr. Dr. h.c., Honorary President of CIUTI; e-mail: hannelore.lee-jahnke@unige.ch

Trendsetters and Milestones in Interdisciplinary Process-Oriented Translation: Cognition, Emotion, Motivation

The present paper aims at drawing a brief outline of the research in cognitive approaches to translation mechanisms and in particular process-oriented studies with a solid empirical basis. Their research has, to date, a history of some thirty years [Gile, 2005; Kalina, 2005; Krings, 1986, 2005; Mizuno, 2005; Rydning, 2005; Séguinot, 1989, 2005; Tirkkonen-Condit, 1989, 2005; Jääskeläinen, 1987; Lee-Jahnke, 1998; Lörscher, 2005; Zhong, 2005; Houdé et al., 2003; Paradis, 2004; Wilgen, 2004], and offers some insight into what goes on in the translator's mind during the translation process. Before we briefly review the state of the art, it is necessary however to clarify three points: first, is the cognitive approach in translation studies mainly or merely a fashion or sign of our modern times marked by a clear tendency for interdisciplinary research? Second, if interdisciplinarity has become a key issue within the framework of research in translation studies and namely in translation didactics, which are the major disciplines concerned from and with which we can transfer knowledge? And how intimately is this interdisciplinary approach linked to the cognitive and process-oriented approach in translation studies. Thirdly, how can trainers enable learners to evaluate the implicit part of language power which conveys emotion? Where do cognition, emotion and motivation, linked to evaluation come into play within the training process?

Last, but certainly not least, I would like to set up a “menu” to enable translation trainers to choose among the important ingredients for a translation class and to highlight the importance of a missing link in the domain of process-oriented translation research: that is a general survey on an international level which could set a framework for all the different existing projects, structure them to a certain extent according to existing streamlines, and which might even allow for a certain order in process-oriented translation studies, also taking into consideration cognition, motivation and emotion.

Key words: translation didactics, interdisciplinary research, process-oriented translation, neuro-cognitive studies, bilingualism, evaluation, mental representations, learning mechanisms.

1. Необходимы ли междисциплинарные исследования в дидактике перевода?

Одним словом — да! Особенно, если нужно усовершенствовать процесс обучения и изучения, и процесс профессиональной подготовки в целом². Кроме того, междисциплинарность позволяет найти индивидуальный подход к развитию компетенций, которые имеют первостепенную значимость для успешного достижения целей обучения³. Термин *междисциплинарность* в настоящее время широко употребим. Но является ли этот подход действительно но-

² В работе “Bemerkungen zu Kreativität und Expertise” (Forstner, 2005, с. 98) Форстнер писал, что задачей междисциплинарности является, прежде всего, сохранение связи между различными областями науки, особенно в настоящее время, когда научные дисциплины имеют высокую степень специализации.

³ См. ниже [Winteler, 2007].

вым? Конечно, нет, особенно, если мы вспомним, что речь и мышление могут функционировать только в тесной связи, о чем говорил еще Парменид⁴, и эта мысль получила дальнейшее развитие в Средние века и в XVII веке⁵. В середине XX века гипотеза о лингвистической относительности, которую часто называют гипотезой Сепира-Уорфа⁶, перевернула отношения между языком и мышлением. В соответствии с идеей *детерминизма*, которая является радикальной версией гипотезы Сепира-Уорфа, язык полностью определяет мышление человека. Мы не согласны с этим утверждением, но считаем, что язык и мышление оказывают друг на друга взаимное влияние, которое становится особенно ярко выраженным и очевидным, когда задействованы эмоции⁷.

Необходимо принимать во внимание, что, во-первых, главными функциями мышления, по Пирсу⁸, являются формирование привычки действовать определённым образом и способствование адаптации человека к окружающей среде. Во-вторых, мышление предполагает существование ментальных сущностей, умственных представлений⁹. Следовательно, ответом на наш первый вопрос будет то, что на сегодняшний день существует повышенный интерес к когнитивным исследованиям языка¹⁰ и лингвистики, но нельзя также забывать, что в настоящее время предпринимаются попытки объяснить почти любой процесс обучения и любое поведение через когнитивные науки. Представляется, что мозг и его тонкие функции занимают всё более важное место в современных нейробиологических исследованиях. И это становится все более актуальным, так как в нейробиологических исследованиях всё больше учитывается роль, которую в процессе обучения играют эмоции.

Наиболее важными «смежными дисциплинами» переводоведения, которые делают возможным междисциплинарный подход,

⁴ Греческий философ (515—440 гг. до н.э.)

⁵ Например, Грамматика Пор-Рояля (1660), которая была основана на понятии о логике форм.

⁶ Названная в 1963 г. «принципом лингвистической относительности».

⁷ Damasio A. (2003): Looking for Spinoza: Joy, Sorrow and the feeling brain, Harcourt, Inc.

⁸ Pierce Ch. (1931—1935). Collected works, Cambridge Mass. Harvard University Press. Vol. 5. P. 400.

⁹ Интересно вспомнить об известном рисунке Витгенштейна [Wittgenstein, 1953, с. 329], на котором изображён то ли кролик, то ли утка и который он называл наполовину визуальным, наполовину когнитивным опытом. И действительно, наблюдатель сначала *полагает*, что он видит кролика, потом думает, что видит утку. Многие считают Витгенштейна (1889—1951) наиболее выдающимся философом XX в. Предметом его философских размышлений был язык, так как он считал, что в конечном итоге всё находит своё выражение в языке.

¹⁰ Подробное описание характеристик человеческого языка см. в [Heringer, 2004, p. 127].

являются психолингвистика, нейробиология, когнитивистика, исследования творчества и эмоций, а также исследование компетенций и стратегий решения проблем. И последнее, но не менее важное — междисциплинарность значительно подкрепляет научную основу наших исследований.

Психолингвистика и переводоведение: давние друзья

Эта дисциплина, которая, если можно так выразиться, родилась в результате союза между психологией и лингвистикой, в некотором смысле стала первопроходцем в изучении процессов перевода. Таким образом, психолингвистика оказывается центральным элементом многих междисциплинарных подходов к переводу, так как эти две области практически полностью совпадают. Некоторые работы [Gerloff, 1988; Krings, 1986; Lörscher, 1991] задают тон в этой области исследований, так как они положили начало новому направлению в переводоведении. Целью этих новаторских исследований было улучшение переводческой компетенции благодаря более действенному и эффективному обучению и изучению. И, можно сказать, побочным эффектом является лучшее понимание того, каким образом обрабатываются данные языка.

Чтобы понять этот вопрос и найти на него ответ, необходимо рассмотреть, как язык не только делает коммуникацию возможной, но и отражает понятийную картину мира человечества. Это сложный вопрос, так как в понятийную картину мира, помимо прочего, входят понятийные категории¹¹, которые гораздо богаче, чем система лингвистических знаков.

Психолингвистика, определяемая Эйчисоном [Aitchison, 1992, p. 73] как *изучение языка и сознания*, является относительно молодой дисциплиной, которую не следует путать с *психологией языка*¹². Она была создана благодаря сотрудничеству психологов и лингвистов. И хотя эти дисциплины уже устоялись, у них была одна общая цель — тщательное изучение языка. Таким образом, психолингвистика была целенаправленно создана группой специалистов в 1951 г.¹³ Так как у истоков этой дисциплины стояли психологи, когнитологи и лингвисты, и их целью было создание синтеза психологии, процессов обучения и лингвистики [Peterfalvi, 1974], очевидно, что когнитивные подходы в лингвистике и переводоведении

¹¹ Вопрос психологической основы категорий и прототипности экспериментально разрабатывается в работе [Rosch, 1997, 1999].

¹² Этот вопрос рассмотрен в нашей работе [Delisle / Lee-Jahnke, 1998].

¹³ Корнелльский университет, США. Также см. [Lee-Jahnke, Hannelore, 1998, p. 155—183].

нии имеют много общего. Психолингвистика станет начальной точкой в рассмотрении полезных методов процессно-ориентированного обучения переводу с обширными перспективами, как следует из исследования Ладмираля [Ladmiral, 1999]¹⁴.

Обучение переводу: от ориентированности на результат к ориентированности на процесс

История наглядно демонстрирует, что переводоведение в течение долгого времени было сосредоточено в основном на результате, а не на процессе. Смещение внимания от результата к процессу началось с интенсификацией подготовки переводчиков. Именно такой подход может помочь улучшить качество образования. Преподавателям было бы интересно собрать информацию¹⁵ о своих студентах, чтобы отследить оптимальный путь, по которому студенты достигали своей цели. В свою очередь эта процедура помогла бы выяснить, какие модели¹⁶ позволяют добиться лучшего перевода.

Хорошо объяснимо, что такой молодой дисциплине, как переводоведение, прежде всего, необходимо было определить, каков должен быть продукт и (или) результат обучения, и только затем нужно внимательно рассмотреть, какими способами эта цель достигается. Из истории¹⁷ мы знаем, что пока существуют переводы, *переводчики*, которые необязательно воспринимают себя таковыми, размышляли над лучшим способом переводить¹⁸. Например, достаточно вспомнить о полемике относительно буквальности и вольности перевода¹⁹. На этом этапе разрабатывались теории. Их целью было обоснование способа перевода текста, а также объяснение некоторых проблем, связанных с переводом. На протяжении столетий споры велись вокруг дихотомии *слова и смысла*²⁰, *вольного и буквального*.

¹⁴ В этом исследовании им разработана мысль о четырёх периодах теории перевода.

¹⁵ Хотелось бы создать сеть, где преподаватели могли бы обмениваться данными, чтобы подвести общую основу в процессно-ориентированном переводе, что могло бы быть полезным в структурировании и планировании занятий по переводу. Вы можете связаться с автором этой статьи: hannelore.lee-jahnke@unige.ch

¹⁶ Последние научные исследования показали, например, что дислексия варьируется в зависимости от языка. Этот факт может быть интересным для переводоведения в связи с представлениями. См. также [O'Connor, 2004].

¹⁷ См. Delisle (2000). *Portrait de traducteurs* и Delisle (2002). *Portrait de traductrices*.

¹⁸ Или, в некоторых случаях, как не надо переводить, например [Marx & Engels, 1974].

¹⁹ См. [Greiner, 2004] о культурно-исторических исследованиях перевода.

²⁰ Возможно, наиболее ранний пример можно найти у Цицерона, который в I в. до н.э. сказал: “*Non ut interpretes sed ut orator*” [Stolze, 1994, p. 14].

Чтобы разработать новые процессно-ориентированные методы для преподавания перевода и подготовки преподавателей, необходимо продолжить разработку существующих эмпирических исследований [Annoni et al., 2002]. Итак, за последние двадцать лет психологическая наука активно развивалась, и противоречия между бихевиоризмом и ментализмом [Borillo, 2002] привели к постановке нового вопроса: где и каким образом происходит обработка информации?²¹ Ответ (или ответы) на этот вопрос можно найти в некоторых других смежных дисциплинах, которые чрезвычайно важны для переводоведения.

Законодатели мод: познание, эмоция, мотивация

Познание: нейробиология и нейрокогнитивные аспекты перевода

Безусловно, нельзя отрицать, что когнитология играет важнейшую роль в междисциплинарных исследованиях, так как она затрагивает память, способность к абстрактным умозаключениям и разнице между аналитическим и холистическим подходами к тексту. С другой стороны, когнитологические исследования позволяют нам лучше понять, а значит, и использовать когнитивные *стратегии изучения* и, особенно, так называемые *стратегии организации*, что позволит обучающемуся систематизировать информацию в наиболее понятной для него форме²². Новые исследования в рамках этого направления демонстрируют, что индивидуальный способ переработки информации никак не может быть заменён, например, презентациями PowerPoint, так как этот способ передачи знаний не даёт учащимся возможности удержать ту часть информации, которая обладает индивидуальной значимостью.

²¹ Известно пять различных систем памяти: процедурная память, которая функционирует путём повторения действия, она локализована в мозжечке и центральном сером веществе; семантическая память, которая позволяет нам запоминать понятия, значения слов вне зависимости от контекста, она локализована в новой коре; зрительно-предметная память, которая позволяет запомнить образ или лицо и быстрее распознать предмет, если мы ранее видели его, она локализована в новой коре. Рабочая, или кратковременная, память используется для удержания информации на время выполнения задания. Она локализована в новой коре и префронтальной коре. Эпизодическая память, которую также называют автобиографической памятью, локализована в префронтальной коре, гиппокампе и таламусе.

²² Выделение отрывков в тексте, пересказ статей, пометки при чтении или слушании.

Другие когнитивные стратегии обучения, которые мы рассматривали в предыдущих работах [Lee-Jahnke, 2008], включают в себя *стратегию разработки*. Она помогает присоединить новые знания в систему уже существующих, связывает свежую информацию с предшествующей. *Стратегия разработки* имеет прямое отношение к критическому анализу и так называемым *стратегиям повторения*²³, которые подкрепляют *процедурное знание* [Lee-Jahnke, 2008. Von Kompetenz zu Performanz].

Почти пятнадцатилетние исследования билингвизма в рамках психолингвистической парадигмы, экспериментальный подход к изучению билингвизма и мозга позволили накопить много интересных данных, которые, в частности, доказывают, что, разные языки имеют много общего с точки зрения их представления в сознании. Это представление может варьироваться в зависимости от различных данных, таких как возраст овладения, погружения и профессионального владения [van Heuven, 2010, p. 104—122]. Следовательно, прежде всего семантическая переработка определяется уровнем владения вторым языком, а синтаксическая обработка в основном зависит от возраста овладения вторым языком [Abutalebi, 2008]. Кроме того, большое количество экспериментальных данных позволяют сделать вывод, что для языкового переключения и выбора языка необходим как общий когнитивный контроль, так и доступ к лексике первого и второго языка [Khateb et al., 2007, p. 201—2013] путём модуляции актуализаций лексики и использования более общих процессов выбора задания [Abutalebi et al., 2008]. В данном контексте представляется интересным кратко представить наше исследование.

Обработка языка у билингвов: междисциплинарное исследование профессиональной переводческой компетенции²⁴

Целью этого исследования было изучение мозговой активности, которая лежит в основе обработки языка в мозге билингва. Чтобы достичь этой цели, мы регистрировали электрическую активность мозга у студентов-билингвов, отлично владеющих языками, во время выполнения знакомого им задания по чтению. На компьютерном экране испытуемым последовательно предъявляли

²³ Возраст, а также человек, благодаря которому приобретает второй или третий язык, также играют важнейшую роль; этот вопрос исследовался Перрего в её «языковых биографиях». Было бы интересно связать эти исследования с изучением эмоций, чтобы лучше понять воздействие отрицательных и положительных эмоций на процесс обучения.

²⁴ [Annoni, 2002].

пары слов, и после предъявления каждой пары они должны были решить, являются ли эти слова семантически связанными. Электрическая активность мозга испытуемого (которая также называется «вызванный потенциал») при переработке пар слов измеряется и анализируется отдельно для семантически связанных и несвязанных пар слов на родном (Я1) и изучаемых (Я2) языках испытуемых. Используя методы пространственно-временного анализа электрической активности мозга, разработанные и применяемые в университетских клиниках Женевы, мы поставили перед собой цель рассмотреть по отдельности этапы переработки, в которых Я1 и Я2 отличаются не только с точки зрения времени, но и с точки зрения локализации. Основываясь на результатах, полученных ранее,²⁵ мы сделали предположение, что переработка на Я1 и Я2 будет различаться только с точки зрения времени, а не локализации. Это значит, что Я1 и Я2 могут оказывать влияние только с точки зрения различных стадий обработки информации, но Я1 и Я2 опираются на сходные или совпадающие структуры мозга. Это исследование может внести вклад в изучение мозга билингвов и стать основой для разработки инновационных стратегий в обучении языку и в переводе.

В конечном счёте, если в ходе этого исследования наша гипотеза будет подтверждена, а именно, если будет доказано, что различия в обработке языка у билингвов, хорошо владеющих этими языками, объясняются тем, что для Я2 требуются дополнительные расчёты, подразумевающие раннюю долексическую и лексическую стадию обработки, могут быть выработаны новые методы обучения, особенно направленные на совершенствование стратегий чтения (кодировки).

²⁵ В работе (Marwinski David. Bilingualism: terminological and theoretical issues. 1998) представлен прекрасный обзор вопроса билингвизма. В упрощённом виде билингвизм можно определить как инструмент, позволяющий использовать два языка для обмена информацией. Термин «билингв» в своём самом широком употреблении можно применить ко всем людям, которые даже совсем немного стalkerиваются или используют второй язык. В своём наиболее узком значении этот термин используется в отношении людей, которые учили оба языка одновременно с самого раннего детства и в равной степени владеют обоими языками как родными. Согласно мнению Брайана Харриса [Harris, 1974], таких людей можно назвать естественными билингвами в отличие от тех, кто изучил второй язык в более поздний период жизни. Под первое определение подпадает почти всё население земли, тогда как второму соответствует, скорее, когнитивный идеал, а не обычная ситуация. Придерживаясь более умеренных позиций, мы определяем билингвизм как «регулярное использование двух (или более) языков и билингвов как индивидов, которые испытывают потребность и регулярно используют два языка в повседневной жизни».

Когнитивные и нервные процессы, относящиеся к билингвизму, привлекают внимание специалистов, занимающихся когнитивной нейробиологией, уже на протяжении многих лет. Один из основных вопросов касается степени разграничения различных языков в мозге человека, владеющего несколькими языками: опираются ли два языка на одну общую или на две различные системы понятий? Некоторые клинические исследования доказали, что в результате некоторых повреждений мозга у людей, владеющих несколькими языками, могут проявляться нарушения во владении только одним из языков. На основании этих наблюдений можно сделать вывод, что обработка каждого из двух языков опирается, по крайней мере, частично, на различные области мозга.

Изучение поведения билингвов чаще всего сосредоточено на отличии семантических аспектов (связанных со значением слова) обработки языка. В этих исследованиях часто используется задание, связанное с парадигмой немедленного семантического фиксирования установки (или задание семантической категоризации), в котором ключевому слову непосредственно предшествует семантически связанное (СС) или семантически несвязанное (СН) исходное слово. Испытуемых просят как можно более быстро и точно определить, является ли ключевое слово семантически связанным с предыдущим. «Эффект предшествования» (обозначающий улучшение с точки зрения скорости и точности ответа) обычно наблюдается, когда ключевому слову предшествует семантически связанное с ним исходное слово. Этот эффект, объясняемый предварительной активацией семантической сети, наблюдается в родном языке, а иногда даже в большей степени — во втором языке.

Тем не менее остается невыясненным, почему при проявлении эффекта предшествования в обоих языках билингвы (даже при высоком уровне владения этими языками) более медленно реагируют при выполнении этого задания на втором языке? Исследования нашей группы, проведенные ранее, даже демонстрируют, что эффект предшествования может не проявляться в межязыковых парадигмах, и это наблюдение позволило Марвински предположить, что в основе семантической обработки на двух разных языках лежат разные нейронные механизмы [Marwinski, 1998].

В этом исследовании владение языком оценивалось с помощью программы «Транслог», которая позволяет визуализировать процесс перевода. С её помощью студент в идеале может обучаться, повторяя ту фразу в задании, на которую он должен обратить боль-

ше внимания. Она также может быть интересна исследователям, которые могут анализировать некоторые вопросы и оценивать три фазы: ориентирование, составление черновика и редактирование.

Оценивание уровня владения переводческой компетенцией

Для достижения этой цели нам показалось интересным установить связь между подготовительной фазой, описанной Уоллесом ещё в 1926 г. (что получило дальнейшее развитие в работах [Copley, 2001; Heller, 1995; Reh binder, 2003]), относящейся к любому процессно-ориентированному подходу в науке, и фазой ориентирования. Подготовительная фаза заключается, в основном, в определении проблемы, какой бы она ни была, и в прояснении цели задания²⁶.

Стадия составления черновика сопоставима с так называемой инкубационной стадией, которая — в этом вопросе мы расходимся во мнениях с Уоллесом [Wallas, 1926] — включает в себя также стадию «просветления» (см.: Wallas в [Reh binder, 2003]) и, в частности, приводит к появлению творческих решений. В данном случае мы говорим в основном о «создании из ничего» (*creatio ex nihilo*), о неосознанных решениях²⁷. Стадию редактирования можно соотнести с фазой верификации у Уоллеса [ibid].

Опыт показывает, что у билингвов, хуже владеющих языком, трудности возникают уже на подготовительной стадии, потому что они опасаются интерференции. Таким образом, крайне важно во время обучения, используя когнитивные способности студентов, предложить разные подходы в зависимости от личных особенностей, проанализировать мотивацию и интересы и принять во внимание такие факторы, как память или способность впитывать новые знания, и должным образом использовать их в нужный момент.

В этом пилотном проекте, посвящённом уровню владения компетенцией, мы представили только три из двенадцати пунктов в качестве предварительных результатов. При сравнении результатов по двум группам можно сделать вывод: студенты, хуже владеющие языком, на более высоком этапе обучения больше сомневаются и гораздо больше опасаются интерференции, чем студенты, лучше владеющие языком. Мы выдвинули гипотезу, которая всё ещё нуждается в подтверждении, что первые во многом полагаются на свою память, но они не всегда могут использовать связи вну-

²⁶ Упомянутые ранее анкеты, представленные в приложениях I и II, являются именно теми инструментами, которые могут помочь разобраться с этими двумя — предварительными — вопросами перевода.

²⁷ С тех пор уже было выяснено, что решения не приходят «из ничего», но они легче возникают в нашем сознании в расслабленном состоянии [Reh binder, 2003].

три памяти. Это значит, что они не уверены в себе и предпочитают *заданные единства*, например лексику, но неспособны обращаться со свободными единствами, например выражением мыслей на должном уровне. Поэтому вместо того чтобы делать выводы, они подпадают под влияние интерференции. Что касается студентов, лучше владеющих языком, они сделали меньше стилистических, однако, больше лексических ошибок. Так как у этих испытуемых лучше развиты аналитические способности, они быстрее распознают в тексте необычные элементы, выявляют отдельные термины и способны интерпретировать сложные отрывки. Используя свои энциклопедические знания, они неосознанно уделяют меньше внимания тому, что мы называем *заданными единствами*, например названиям, числам и т.п. Трудно и не имеет смысла пытаться внести изменения в организацию работы этих студентов. Преподавателю следует поощрять такой метод работы и давать им задания на развитие способности прогнозировать, как уже было упомянуто ранее.

Исследования в области творчества и переводоведения

В рамках творчества интеллект играет различные роли: Гилфорд [Guilford, 1967] считает его важным, но недостаточным условием творчества. Человек с высоким уровнем IQ и обширными знаниями необязательно будет предлагать творческие решения. Гилфорд подчёркивает, что для творчества нужна более ярко выраженная способность распознавать проблемы, проявлять гибкость и быть оригинальным. Куссмаул определяет творчество следующим образом [Kusmaul, 2000, p. 20]: *Eine creative Leistung entsteht aufgrund einer Problemerkennntnis und stellt etwas Neues dar, das zu einer bestimmten Zeit in einer Kultur von Experten als angemessen akzeptiert wird*²⁸.

Когнитивные науки и исследования творчества тесно связаны в изучении того, насколько преподаватель может затрагивать различные когнитивные уровни студентов, если он варьирует задания в разных ситуациях обучения. Это в свою очередь может оказать положительное воздействие на обучающихся, потому что таким образом получают доступ и обрабатывать знания об определённых предметах им будет легче, так как эти знания будут храниться в долговременной памяти, что в свою очередь сделает лучше процесс принятия решений [Lee-Jahnke, 2008, p. 199—201].

²⁸ Творческое решение возникает на основе осознания проблемы и представляет собой нечто новое, признаваемое экспертами в определённое время в некой культуре.

Чтобы расширить возможности творчества в ситуациях обучения, необходимо установить связь между существующими знаниями и умениями, относящимися к процессу перевода, и новыми задачами, что предполагает определённую гибкость, которая ещё не доведена до уровня автоматизма у начинающих и которой, следовательно, можно обучить [Forstner, 2008; Krems, 1994; Kusmaul, 2005], чтобы достичь того уровня гибкости, который мы наблюдаем у экспертов [Spigo, 1991, p. 24—33]²⁹.

Стратегия решения проблем для переводчиков

В этой связи интересно рассмотреть, как творческое принятие решений определяется Функе [Funke, 2003], что подразумевает четыре разных подхода:

- а) ориентация на субъект;
- б) ориентация на процесс;
- в) ориентация на продукт;
- д) ориентация на систему.

Все эти подходы можно посоветовать применить при разработке занятий и курсов. В своих исследованиях, продолжающихся в настоящий момент, мы стремимся к комбинированию перечисленных выше стратегий с теми данными, которые мы получим по результатам функциональной магниторезонансной томографии, направленной на изучение конкретных процессов перевода у билингвов.

Законодатели мод: эмоция

Эмоции и исследования эмоций: вызов для переводоведения

Эмоция (эмоции) и язык тесно связаны, этот факт был неоднократно доказан, в том числе такими исследователями, как Дамасио [Damasio, 1994, 2003], Цирульник [Сyгульник, 2010] и, конечно, одним из ведущих специалистов в исследовании эмоций Клаусом Шерером [Scherer, 2001]. Эта тесная взаимосвязь заставляет всё больше и больше специалистов проводить эмпирические исследования с тем, чтобы продемонстрировать глубокую взаимосвязь между языком, эмоциями и культурными особенностями [Lehr, 2010] как в рамках исследований, сопоставляющих новичков и экспертов [Lee-Jahnke, 1998], так и анализируя воздействие эмоций на процесс принятия решений [Bruun, 2001: 289]. Конечно, для перево-

²⁹ Имеется в виду теория когнитивной гибкости.

доведения основной интерес представляет понимание причины некоторых ошибок, которые связаны не только с недостаточным знанием лексики, которые Хансен [Hansen, 2008] называет элементами нарушения, и для работы над которыми, к сожалению, нельзя разработать логические схемы и применять их в обучении переводу.

Мы согласны со Спинозой в том, что радость связана с движением человека к высшему совершенству [Damasio, Antonio, 2003, p. 140]. Следовательно, радость или поощрение и удовлетворение могут привести к лучшим результатам без необходимости в принуждении студента. Они придают любому человеку свободу и легкость, и мы считаем, что они представляют собой важнейшие инструменты для улучшения результатов обучения. Необходимо адаптировать их к каждой группе студентов и предоставить свободу изобретательности преподавателя. Таким образом, разработка любого курса должна начинаться с продумывания возможности интегрировать эмоции в методы преподавания, основанные на модели, разработанной Прежаном [Prégent, 1990], демонстрирующей различные уровни сознания, активируемые с помощью различных видов деятельности. Например, становится очевидным, что при росте уровня ответственности во время продвижения проекта повышается способность студентов делать выводы на основе приобретённых знаний и затем применять знания в сходных ситуациях. Тем не менее мы видим трудность в том, что часто требуется повторение³⁰, чего невозможно добиться из-за недостатка времени в рамках учебного курса.

***Изучение компетенций и повышения мотивации:
где, когда и каким образом мотивация имеет значение***

Мотивация — это движущая сила или импульс, который мобилизует когнитивные ресурсы, следовательно, нам нужно найти лучший способ повышения мотивации. Хорошо известно, что взрослых мотивирует факт достижения определённого успеха, поэтому нам, преподавателям, необходимо найти пути и средства, чтобы помочь им добиться заметного прогресса. Часто это можно сделать благодаря реальным проектам, контактам с профессиональным миром, а также давая студенту возможность оценить свои способности у других преподавателей.

³⁰ Denigot. Surprises dans l'air de Broca, Science & Vie, Hors Série nr. 227. 2004. P. 166—199.

Проектная работа как инструмент

Как известно из нашего опыта преподавания, проектная работа не только мотивирует студентов, но и позволяет сделать их работу более процессно-ориентированной:

- цель задания помогает им делать выбор;
- выбор стратегий перевода будет производиться более осознанно, так как накладываемые ограничения определены более чётко;
- чтобы добиться максимального эффекта в автономном обучении и повышении ответственности, в идеале задание должно быть связано со знакомой студентам средой или учебной ситуацией³¹.

Характерной чертой продолжающихся в настоящее время активных научных исследований, о которых уже говорилось выше, является смещение акцента с изучения функций и способностей на изучение степени важности контекста или ситуации, в которых выполняется задание. Именно поэтому ментальные представления играют сегодня всё более важную роль в переводоведении. Вместо того чтобы стремиться к выявлению общих закономерностей, идёт поиск механизмов, лежащих в основе процесса обучения. Будущее покажет, является ли этот путь правильным. На основании выше-сказанного мы разработали концепцию курса.

Оценка как составляющая мотивации

Имея в виду, что в процессе обучения взрослых можно мотивировать, только предоставив им правильный инструмент для измерения степени развития их компетенций, чрезвычайно важным представляется применять в учебной ситуации соответствующую систему оценки.

Все исследователи сходятся во мнении о важности оценки в переводе и связанных с ним областях для обеспечения качества и усовершенствования компетенции или, что лучше, компетенций, как мы можем видеть на примере требований к умениям переводчика, предъявляемым в рамках *Европейской магистерской программы по переводу (EMT)*. Так, основными целями оценки являются именно эти две — улучшение качества и совершенствование умений. Просмотрев литературу по этому вопросу, легко можно понять, что хотя переводоведение является относительно молодой академиче-

³¹ В Женевском университете буклет об истории Женевы вызвал большой интерес, и студентам предложили побывать в исторически важных местах вместе со специалистами. С результатами работы можно ознакомиться на сайте канцелярии Женевы.

ской дисциплиной, в этом направлении уже было проведено немало научных исследований [House, 2001; Lee-Jahnke, 2001; Risku, 1998].

Однако существуют разные мнения по поводу методов, а также отправной точки оценки в курсе перевода, а именно: стоит ли оценивать только результат перевода, или процесс перевода также нуждается в оценке? Именно этим и объясняется вопрос, поставленный в заголовке: где, когда и каким образом, так как тип и отправные точки оценивания могут различаться в зависимости от конечной цели.

Другой вопрос, который также следует принять во внимание, — это некоторая субъективность переводоведения, в рамках которого не так просто добиться объективности оценки. Это в некоторой степени объясняет, почему многие учёные, а также люди, не имеющие отношения к науке, пытаются оценивать перевод и делают это несколько хаотично.

Как преподаватели мы часто должны решать вопросы, тесно связанные со следующими двумя факторами: а) мы имеем дело с молодой академической дисциплиной и б) наши методы оценки часто подвергаются критике из-за недостаточной объективности. Имея в виду второй пункт, многие переводоведы разработали свои собственные методы оценки и создали модели на основе своего опыта преподавания и профессиональной деятельности.

Где требуется оценка перевода?

Ответ на этот вопрос кажется простым: в дидактике перевода и для профессиональной оценки. Различия этих двух областей рассматривались многими выдающимися учёными [Delisle, 2001; Thelen, 2009; Wang 2009; Zhang, 2009], при этом в случае дидактики говорят об атомистической оценке, а в профессиональной среде — о холистической.

Дидактическая оценка

Сделаем краткий обзор этой проблемы в свете педагогики или дидактики. Долгое время под оценкой понималось лишь итоговое оценивание. К счастью, в настоящее время специалисты проводят различия между текущим и итоговым оцениванием, которые играют важнейшую роль в процессе обучения и позволяют превратить новичков в экспертов [Hansen, 2009; Lee-Jahnke, 2004, 2005, 2009, p. 146—150]. Совершенствование навыков перевода осуществляется благодаря достижению следующих трех целей:

а) *концентрация на студентах*: все виды деятельности должны быть ориентированы на студента;

б) *результаты обучения*: содержание курса ориентировано на развитие компетенций обучающихся;

в) *ориентация на компетенции*: определяющим критерием успешности обучения является приобретение компетенций.

Текущее оценивание

Безусловно, именно этот вид оценки оказывает наиболее ощутимое благотворное воздействие на обучающихся, и его преимущество заключается в наличии целого ряда самых разнообразных упражнений — самооценка, анкеты и отчёты по сделанным переводам, в которых обучающиеся излагают свою стратегию преодоления трудностей и предлагают комментарии. Оценочные суждения студентов могут дополняться рецензиями их коллег, металингвистическими комментариями к переводам, сделанные другими людьми. Стремясь повысить свой уровень и стать профессионалами, студенты должны участвовать в реальных проектах и благодаря *ситуативному обучению* проложить себе дорогу в *профессиональное сообщество*. Чрезвычайно важно, чтобы комментарии к переводам были понятны всем, поэтому необходимо использовать существующую терминологию [Delisle et al., 1999]. Это необходимо не только в ситуации обучения, но и в профессиональной среде. Текущая оценка не только позволяет студентам получить новые навыки, но и развивает у них чувство ответственности, критическое отношение к своей собственной работе и, таким образом, способствует повышению качества. Следовательно, текущую оценку необходимо проводить в три этапа — а) *до*, б) *во время* и в) *после* перевода:

а) для подготовки к переводу студенты должны вместе с преподавателем сформулировать различные цели для оценивания конкретного перевода;

б) во время перевода студенты должны более чётко сформулировать трудности и выработать необходимые для их преодоления стратегии;

в) после завершения перевода его необходимо оценить совместно с коллегой.

Итоговая оценка

Как уже было сказано, большая часть исследований посвящена итоговой оценке, они включают в себя профессиональную классификацию ошибок в переводе [ATA, 2002], например, *типологию*

стандартных ошибок, научные классификации [Hansen, 2009], критерии оценки технического перевода [Schmitt, 2001], последствия переводческих ошибок [Magris, 2009] и категории перевода, которые мы используем на занятиях и которые подразделяются на три группы [Lee-Jahnke, 2001]:

— *точность* (содержание и значение). В эту группу входят такие негативные факторы, как искажение, неправильное понимание, интерференция, двусмысленность и т.д.;

— *творчество*. Эта группа включает в себя такие позитивные факторы как культурные вопросы, социолекты, изотопии, выдержанность регистра, игра слов, метафоры;

— *скопос*. Эта группа связана с потребностями рынка в вопросах качества перевода и с ожиданиями заказчика, в том числе с принятыми нормами оформления письменного текста.

Насколько нам известно, именно этот подход к оценке, более чем какой-либо другой, уделяет особое внимание удачным решениям и придаёт им особую ценность.

Оценка в профессиональной среде

В данном случае речь чаще всего идёт только об итоговой оценке. Значительную роль играет *скопос*, так как перевод как продукт должен соответствовать требованиям клиента. Профессиональные ассоциации, например, АТА, 2002, и их рекомендации должны играть определяющую роль, в том числе при формулировании стандартов, которые редакторы устанавливают в индивидуальном порядке.

Профессиональная оценка учитывается или должна учитываться на завершающем этапе обучения, чтобы постепенно познакомиться с организацией работы *профессионального сообщества*, что также позволит понять разницу между атомистической и холистической оценкой, так как на этом этапе в центре внимания оказывается не только сам процесс обучения, но и продукт.

Когда и как должна проводиться оценка?

Шаг 1. Как уже упоминалось ранее, в идеале оценивание должно быть полноценной процедурой, которая начинается с разработки критериев совместно со студентами после анализа текста, выделения важнейших вопросов, которые должны быть подвергнуты оценке, и их структурирования согласно значимости.

Шаг 2. Чтобы учесть процесс перевода, «отчёту», который студенты составляют по каждому переводу, необходимо придавать особое значение; этот отчёт должен составляться с использованием метаязыка. В нём не только обсуждаются вопросы стиля и регистра, но и описывается, какие стратегии перевода использовались для решения проблем. Студенты должны указать, считают ли они свое решение удовлетворительным.

На этом этапе рекомендуется использование программы «Транслог», разработанной Арнтом Ликке Якобсеном, которая регистрирует любое нажатие клавиш, что позволяет студентам в любой момент получить визуализацию своего метода работы и может помочь им — при необходимости — стремиться к усовершенствованию процесса перевода.

Шаг 3. Это этап апостериорной или завершающей оценки. Этот вид оценивания приобретает особую важность для редактирования, так как именно он востребован рынком, и он постепенно находит свое место в университетской программе подготовки; он играет важнейшую роль в процессе оценивания и, как уже говорилось ранее, в идеале должен проводиться с привлечением двух оценивающих.

Обзор

Слово «оценка» в наше время стало модным, а сама оценка со временем приобретает всё большее значение, и, безусловно, мы станем свидетелями того, как в обучении центр внимания будет смещаться от продукта к процессу. Однако следует провести ещё немало исследований, в особенности междисциплинарных. Подход, разработанный Мехия Куихано [Mejía, Quijano, 2009], в рамках которого перевод оказывается в центре внимания, безусловно, является многообещающим направлением будущих исследований.

Роль ментальных представлений в процессе обучения

В своих теоретических изысканиях переводоведение всё чаще и чаще обращается к когнитивным аспектам, поэтому кажется удивительным, что основа познания — представления — пока не получили должного освещения в этих исследованиях [Holcbecher, 2004], особенно если мы более внимательно рассмотрим определение ментальных представлений. Ментальными представлениями называются организационные модели, которые включают в себя

знания индивида, процессы, изменяющие эти знания, получение нового знания путём осознанных и неосознанных умозаключений и построение новых планов деятельности [Wissen und dessen Repräsentation. www.user.uni-bremen.de].

«Ментальные представления» определяются как структура и представление знаний в так называемых «ментальных моделях» (Rickheit & Strohner, 1993). С точки зрения нашего исследования важно, что эти модели являются «редуцированными», они не могут быть полными, а лишь частичными. Как и в случае любой другой модели, в реальной жизни у каждого человека есть свой собственный конструкт. Когнитивные модели и ментальные представления должны рассматриваться таким же образом. Доказательством такого подхода можно считать индивидуальный анализ текста, который предстоит перевести: один и тот же человек может по-разному интерпретировать текст, имея разный жизненный опыт (противопоставление внутриличностной и межличностной интерпретации). Наиболее ярким примером являются сказки. Их можно читать и перечитывать, и каждый раз интерпретация читателя будет отличаться. Бруно Беттельхейм [Bettelheim, 1977] использовал этот жанр в своей книге «Kinder brauchen Märchen»³².

У переводчиков свое собственное знание о мире³³, однако, в связи со своей профессиональной деятельностью они знают, что понимание текста может быть только субъективным и всегда будет очень личным. Переводчики компенсируют или должны компенсировать это субъективное понимание интенсивными изысканиями с тем, чтобы приблизиться к оригиналу насколько это возможно и, таким образом, стать настолько объективными, насколько это возможно.

Будучи связанной с моделью психического состояния человека, ментальное представление, возможно, является наиболее важным среди теоретических построений когнитивистики, которая стремится объяснить поведение человека³⁴, и одно из центральных мест занимает связь между языком и ментальными представлениями

³² В оригинале на английском языке книга называется *The Uses of Enchantment*, 1975 (*Способы применения волшебства*), но мы использовали перевод на немецкий язык.

³³ [Delisle / Lee-Jahnke / Cormier. Translation Terminology, 1999]. В этой книге дано следующее определение: «Совокупность полученной информации, составляющей постоянные знания человека».

³⁴ [Wender, 1987; Denhière & Baudet, 1998; Risku, 1998]. Кроме того, ментальные представления сейчас изучаются в Национальном центре научных исследований Франции.

[Denis, 2003, p. 247]. Таким образом, легко понять, почему мы переводим лучше и совершенно по-другому, когда у нас больше знаний в этой области. Кроме того, верно и то, что представления могут быть обманчивыми, если ментальные образы очень сильны и соотносятся с другим «источником информации» об этом предмете. Поэтому необходимо чётко говорить об этом на занятиях по переводу. Тем не менее поразительно, что основе познания — представлениям пока уделялось недостаточно внимания в междисциплинарных исследованиях, связанных с переводом³⁵.

Представления стали модной темой в когнитивистике и всё чаще становятся объектом исследований. Почему они настолько важны? Они являются тем когнитивным контекстом, в котором проходит обработка информации. Обычно представления носят временный характер, потому что обработка связана с заданием, и новое задание предполагает новые представления. Некоторые представления могут стать частью долговременной памяти в качестве знаний или стереотипов, а некоторые способы обработки могут сохраниться в качестве процедур.

На занятиях по переводу мы в основном имеем дело с символической информацией: словами и знаковыми образами. Чтобы «переработать» такую информацию, мозг действует по большей части путём активации знаний и представлений, придания значений и формулировки умозаключений. Такой процесс ведёт к интерпретации, которая в свою очередь ведёт к действиям, новым знаниям и коммуникации. Именно поэтому ментальные представления так важны в обучении переводу.

Задачи и инструменты преподавателей: аспекты динамики групп в процессе преподавания и обучения

Одна из основополагающих целей занятий по переводу заключается в стимулировании этих механизмов для совершенствования процесса перевода. Вот некоторые составляющие.

Все мы помним дидактический треугольник, в котором вершинами являются обучающийся, знания и преподаватель. Иногда внимание сосредоточено на процессе обучения (отношения обучающегося и знаний), иногда — на процессе преподавания (отношения преподавателя и обучающегося), и наконец, иногда — на процессе преподавания (отношения преподавателя и знаний). Занятия будут различаться в зависимости от того, какой из процессов преоб-

³⁵ Мы с нетерпением ждём результатов диссертационного исследования Аннегрет Штурм.

ладает [Houssaye J., 1993]. Для наглядности эти процессы можно обозначить стрелками; следует отметить, что в хорошо продуманном курсе в расчёт должны приниматься все три оси. Выбор оси, которой в определённый момент следует уделять больше внимания, в основном зависит от группы студентов и от этапа обучения.

Так как эти оси будут направлять нас с точки зрения структурирования курсов на определённом этапе, нам нужно, во-первых, выяснить, каковы предметные знания студентов, а во-вторых, узнать, как они работают, то есть, к каким стратегиям перевода они прибегают. Например, мы знаем, что работа в команде способствует самостоятельному непрерывному обучению и что в рамках работы в команде в учебную программу должно быть включено взаимное обучение студентов, если мы хотим, чтобы студенты получили максимальную пользу от образования [Prégent. La préparation d'un cours. 1990].

Некоторые компоненты обучения — механизмы

Аспекты динамики групп в процессе преподавания и обучения [Winteler, 2004, p. 101] требуют огромных усилий со стороны преподавателя, особенно потому, что преподавателям необходимо учитывать свои собственные возможности и пополнение знаний [Hawelka, 2007, p. 189], что потребует от преподавателя непрерывного обучения³⁶. В рамках этой новой динамической концепции подчёркивается связь не только между преподавателем и каждым отдельным обучающимся, но также — и именно в этом заключается новизна — между преподавателем, группой и отдельным учащимся. Согласно Уинтелеру [Winteler, 2004, 102 f], преподаватели должны верно оценить успехи каждого индивида и группы обучающихся, а также организовать взаимодействие между студентом и группой в целом. В этом случае преподаватели смогут должным образом отреагировать на потребности индивида и группы.

Стимулирование механизмов обучения: способность к умозаключениям, суждениям, проведению аналогий и диагностическая способность

Способность к умозаключениям

Так как каждый обучаемый способен добавлять новую информацию к существующей, мы можем использовать эту способность в процессе обучения. Деятельность, связанная с умозаключениями, состоит из двух основных элементов:

³⁶ Гавелка [Hawelka, 2007, p. 189] предлагает целый ряд возможностей, которые могут показаться интересными и для преподавателей перевода.

а) *Дедуция*. Это умозаключение, которое стремится прийти к верному выводу, отталкиваясь от одной или нескольких посылок, которые являются верными. Способность к дедуции можно стимулировать в том числе и с помощью анкеты (см. приложение 1), на вопросы которой мы просим студентов ответить при выполнении каждого перевода. Предлагается три стратегии для решения проблемы — это так называемая «стратегия по умолчанию»³⁷. Дедуктивная деятельность человеческого мозга характеризуется двумя процессами³⁸: эвристическим, в ходе которого выбирается информация, которую мы считаем уместной, и аналитическим, в ходе которого эта информация анализируется³⁹.

б) *Индукция*. Такие умозаключения основываются на отдельных посылах, которые оказались верными в других обстоятельствах, и используют их в более общем виде. Тем не менее учащийся понимает, что нельзя быть абсолютно уверенным в достижении наилучшего результата⁴⁰.

Способность к вынесению суждений

В большинстве случаев можно выделить два типа суждений: а) оценочные суждения, с помощью которых человек выражает свои предпочтения и которые играют важнейшую роль в переводческой деятельности, и б) прогнозные суждения, с помощью которых индивид прогнозирует свои решения.

а) Оценочные суждения

Способность к таким суждениям необходимо стимулировать в течение всего процесса текущего оценивания⁴¹. Обычно такие суждения характеризуются выбором из нескольких вариантов, которые можно расположить в иерархическом порядке⁴². Однако иерархический порядок может стать значительным подспорьем

³⁷ Выбор решения, которое сработало в других обстоятельствах.

³⁸ Более подробно см. [Borillo, 2002].

³⁹ Более подробный анализ этих процессов см. в META 2005.

⁴⁰ В работе [Holland et al., 1986] разрабатываются две фундаментальные гипотезы, касающиеся индукции: а) деятельность, направленная на решение проблем, включая неудачно сформулированные проблемы; б) успех или провал деятельности по решению проблем, что в свою очередь вносит изменения в запасы знания индивида.

⁴¹ Более подробно см. [Lee-Jahnke, 2001. META].

⁴² Перед переводом происходит подробное обсуждение оценки различных трудностей текста и их относительной важности. Студенты определяют модель текста для каждого переводимого текста. Это позволяет им лучше понять и взвесить свои решения. Более подробно см. Приложение II.

для принятия более объективного решения и, следовательно, для совершенствования способностей обучающихся⁴³. Хорошо известно, что для нормального протекания познавательных и моторных процессов необходимы определённая организация и порядок. И во всех ситуациях, в которых требуется определённый порядок, нужно принимать решения, а для этого необходимо установить критерии.

б) *Прогнозные суждения*

Этот тип суждений основывается на вероятностях, которые опираются на опыт. Чаще всего мы их наблюдаем у наиболее успевающих студентов и профессионалов, что также может быть связано с автоматизмом.

Способность к проведению аналогий

Обучение по аналогии. У обучающегося есть два варианта:

а) либо он (она) генерирует новые знания путём аналогии и применяет их в конкретной ситуации;

б) либо аналогия проводится благодаря связующему механизму, в котором индивид ищет конкретную исходную ситуацию, а затем путём умозаключений находит решение проблемы.

Согласно работе Нгуен Суана (1990), понятие аналогии играет важную роль по меньшей мере в четырёх видах познавательной деятельности: понимании, рассуждении, решении проблем и обучении.

Эти виды деятельности можно разделить на *исходные ситуации* и *конечные ситуации*, что сопоставимо с понятиями текст оригинала и текст перевода исходного и переводящего языков. Следовательно, знания, которые есть у обучающегося об *исходной ситуации*, глубоко укоренились в его (её) памяти, и эти знания могут не только привести к получению новых знаний о *конечной ситуации*, но также они могут помочь решить некоторые проблемы в этой новой ситуации и способствовать передаче знаний с учётом следующих концепций:

а) *Понимание.* После внимательного прочтения исходного текста, перечисляются его характеристики, отмечаются культурно значимые особенности и переводческие трудности и предлагаются возможные пути их решения.

б) *Рассуждение.* Обсуждаются вопросы связности и логики текста, которые могут различаться в ИЯ и ПЯ. Решение вопросов стиля и языка также зависят от целевой аудитории.

⁴³ Мы имеем в виду прежде всего экстралингвистические способности: знания о мире, специализированные знания, энциклопедические знания и знания о соответствующем предмете [Lee-Jahnke, Hannelore, 2004, p. 95].

в) *Решение проблем.* Некоторые из выделенных переводческих трудностей можно решить на уроке. Однако для того, чтобы решить другие переводческие проблемы, потребуются больше времени, и часто решение невозможно найти, не проработав весь текст полностью. И в этом случае анкета (см. Приложение I) также может выбрать наиболее удачную стратегию для решения проблемы.

д) *Перцептивное обучение.* Этот вид обучения улучшает способность различать простые перцептивные характеристики, например, цвета. Однако для закрепления знаний необходимо повторение. Эти повторения модифицируют структуру мозга, что было доказано научными исследованиями [Squire, 2001, p. 78—83]. Данная анкета используется на протяжении уже десяти лет, и мы отметили, что у студентов развивается автоматизм в переводе, что позволяет улучшить качество работы и быстрее находить решения.

е) *Эмоциональное обучение.* Этот вид обучения, который в последнее время находится в центре внимания нейробиологических исследований [Damasio, 1995], как представляется, развивается вне осознанной сферы познания. Однако каким бы ни был процесс обучения, эмоциональный фактор играет огромную роль. Каково отношение обучающегося к данной теме? К человеку, который представляет её? К окружению, в которое она помещена? К конечной цели работы, в нашем случае — перевода? В свою очередь все эти аспекты оказывают влияние на механизмы, которые отвечают за «устойчивость внимания» и «рабочую память», а также за кратковременную память, которая локализована в новой коре и префронтальной коре.

В заключение необходимо подчеркнуть, что новейшие исследования [Fleming et al., 2002; Friederici, 2003] подтверждают гипотезу о том, что женщины быстрее реагируют на эмоциональную информацию, заложенную в просодии, чем мужчины⁴⁴.

Диагностическая способность

Что именно мы имеем в виду под этим сложным термином — «диагностика»? Мы согласны с Расмуссеном (1986), который определяет термин «диагностика» в нашем контексте как целый ряд видов деятельности, с помощью которых можно прийти от «выявления» к «действию». Среди этих видов деятельности он выделяет две основные категории, которые соответствуют процедуре, применяемой в нашей анкете (Приложение I).

⁴⁴ Между результатами мужчин и женщин была значительная разница: женщины реагировали по истечении 200 миллисекунд, мужчины — 750 миллисекунд.

1) Анализ.

В основе данного этапа лежат выявление необычных элементов в конкретном тексте и поиск необходимой информации, распознавание отдельных единиц текста и интерпретация трудностей.

2) Планирование действий.

Этот этап состоит из выбора цели, которую предстоит достичь, выявления задач, разработки процедуры и выполнения необходимых действий, а также совершенствования исходных текстов низкого качества.

Как показывает наш собственный опыт, необходимо добавить еще один этап, а именно:

3) Оценка собственной работы самим обучающимся (см. Приложение II).

На этом этапе обучающийся сам составляет типологию ошибок⁴⁵, чтобы объяснить, почему они возникли. Они могут быть вызваны, например, стрессом, помехами и страхом помех, неправильной интерпретацией исходного текста.

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Процессно-ориентированные исследования перевода продемонстрировали, что существует много подходов к пониманию когнитивных процессов, протекающих при осуществлении перевода. Тем не менее, многие аспекты ещё недостаточно изучены. Поэтому необходимо, чтобы в экспериментах принимало участие больше студентов и профессионалов, нужно проводить больше эмпирических исследований, а также статистический анализ в области умозаключений, чтобы выяснить, какие педагогические инструменты являются наиболее релевантными. Мы надеемся наладить в этой связи более тесное взаимодействие с Европейским союзом, в котором на настоящий момент функционирует крупнейшая переводческая служба.

Также необходимо провести сравнение дальнеродственных языков. Прежде всего, необходимо стремиться провести крупномасштабное междисциплинарное исследование на международном уровне, в ходе которого будет осуществлён сбор информации, проверены или опровергнуты гипотезы и выдвинуты новые обобщающие теории в рамках когнитивного подхода к процессно-ориентированному переводу. Это поможет выработать релевантный инновационный педагогический подход. Такой подход, который, по словам Чиксентмихайи [Csikszentmihalyi, 1985], по-

⁴⁵ Более подробно о разнице терминов «ошибка» и «искажение» см. [Maschelein et al., 2005].

зволяет учиться в удовольствие и в рамках которого студент оказывается в центре внимания.

В заключение необходимо отметить, что, возможно, мы находимся только на начальном этапе того периода, когда станут известны все возможности междисциплинарных исследований. Нельзя забывать, что в междисциплинарных исследованиях, затрагивающих познание, эмоции и мотивации, пока именно переводоведение пользуется достижениями других дисциплин. Поэтому на данном этапе хотелось бы задать вопрос: сколько еще потребуется времени, прежде чем когнитивистика и исследования эмоций и мотивации и другие дисциплины смогут воспользоваться плодами переводоведения? По нашему мнению, это станет признаком того, что переводоведение получило научное признание и в рамках других дисциплин.

Приложение I

Анкета для самостоятельной оценки

- А) Самостоятельная оценка, первое прочтение после перевода:
- а) Сложности, связанные с текстом: Терминология да нет
  - б) Сложности, связанные с документацией: да нет
  - в) Решения, предложенные для преодоления этих сложностей
- Б) Второе прочтение: особое внимание уделяется проблемам, возникающим в процессе перевода.
- Когда была допущена ошибка?
- а) при понимании текста оригинала,
  - б) при переходе от текста оригинала к тексту перевода,
  - в) при продуцировании текста перевода.
- Какова стратегия была выбрана для решения проблемы?
- а) «стратегия достижений» перефраз или использование переводческих вспомогательных средств,
  - б) «стратегия по умолчанию» использование решения, которое оказалось удачным при других обстоятельствах,
  - в) «стратегия сокращений» отсутствие перевода.
- Типы ошибок
- Проверьте, есть ли в текстах следующие ошибки:
- незначительные ошибки, связанные со стрессом,
  - ошибки, вызванные интерференцией,
  - смещение акцентов,
  - неверный пословный перевод,
  - шаблонные ошибки,
  - другие ошибки.
- Использовали ли вы стратегии минимакс?
- Были ли они полезны?

Приложение II

Отчёт о переводе

Текст оригинала

Язык	Французский
Источник	Музей Ариана

Текст перевода

Язык	Немецкий (швейцарский вариант орфографии)
Среда	Музей Ариана в Женеве, реклама (отдел культуры)
Оформление текста	
Функция	
Целевая аудитория	
Тематика	
Содержание	
Стиль/регистр	
Трудности	1. Трудности на подготовительном этапе 2. Трудности при переводе 3. Трудности и обоснование предложенных решений
Особенности	

1) Словари

2) Интернет-источники

Затраченное время:

Подготовка: прогнозируемое время — 1 час, реальное время — почти 2 часа

Перевод: прогнозируемое время — 2 часа, реальное время — 1,5 часа

Отчет: прогнозируемое время — 1 час, реальное время — 1 час.

Références

- Abutalebi, Jubin /Annoni, J.-M. / Zimine, I. / Pegna, A.J. / Seghier, M.L. / Lee-Jahnke, H. / Lazeyras, F. / Cappa, S.F. / Khateb, A. (2008): “Language control and lexical competition in bilinguals: An event-related fMRI-study”; *Cérébral Cortex*.
- ATA (2002): “Framework for standard error making”, in: D. Adcock (ed.) *Marketing Strategies for competitive advantage*. Chichester and New York: John Wiley & sons Ltd., p. 161—178.

- Aitchison, Jean (1992): *Introducing Language and Mind*. London, New York: Penguin.
- Annoni, J.M. / Michel, C.M. / Landis, T. / Khateb, A. (2002): “Variability of right hemisphere activation during semantic word processing in aphasia patients: an electrophysiological study in three patients.” *Rev Neurol (Paris)*.
- Bettelheim, Bruno (1977): *Kinder brauchen Märchen*. Deutscher Taschenbuchverlag.
- Borillo, Mario / Goulette, Jean-Pierre (2002): *Cognition et Création*. Mardaga. Sprimont.
- Bruun, B. (2001): “Børn og unges professionelle voksne.” In: B. Bruun, B. / Knudsen, A. (eds.), *Moderne psykologitemaer*. Vaerlose: Billese &C Baltzer, p. 278—313.
- Chédotal, Alain (2002): “Le câblage du cerveau.” *Pour la Science* Décembre, p. 58—64.
- Cholewa, Jürgen (2002): *Der kognitwe Ansatz in der klinischen Sprachtherapie forschung*. Stauffenburg, Tübingen.
- Cleeremans, Axel / Destrebecqz, Arnaud (2002): “Apprentissage et Conscience.” *Pour la Science* Décembre, p. 104—109.
- Coirier, Pierre / Gaonac’h, Daniel / Passerault, Jean-Michel (1996): *Psycholinguistique textuelle*. Paris: Armand Colin.
- Cropley, Arthur (2001): *Creatwity in educational learning: A guide for teachers and educators*. Sterling VA. Stylus Publication.
- Csikszentmihalyi, Mihalyi (1985): *Das Flow-Erlebnis. Jenseits von Angst und Langeweile*. Stuttgart, Klett.
- Cyrułnik, Boris (2010): *Mourir de dire*. Ed. Odile Jacob, Paris.
- Damasio, Antonio (1994): *L’erreur de Descartes*. Paris: Editions Odile Jacob.
- Damasio, Antonio (2002): “La conscience du temps.” *Pour la Science* Décembre, p. 110—113.
- Damasio, Antonio (2003): *Spinoza avait raison*. Paris: Editions Odile Jacob.
- Damasio, Antonio (2003): *Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and the feeling Brain*. Harcourt Inc.
- Danks, Joseph H. (1997): *Cognitive Processes in Translation and Interpreting*. London: Sage Publications.
- Delacour, Jean (2002): “Science et Conscience.” *Pour la Science* Décembre, p. 26—32.
- Delisle, Jean (2000): *Portraits de traducteurs*. Ottawa: Les Presses de l’Université d’Ottawa.
- Delisle, Jean (2002): *Portrait de traductrices*. Ottawa: Les Presses de l’Université d’Ottawa.
- Delisle, Jean / Lee-Jahnke, Hannelore (1998): *Einseignement de la traduction e traduction dans l’enseignement*. Presses de l’Université d’Ottawa.
- Delisle, Jean / Lee-Jahnke, Hannelore / Cormier, Monique C. (eds.) (1999): *Terminologie de la traduction*. Amsterdam, Philadelphie: John Benjamins.
- Denhière, Guy / Baudet, Serge (1998): *Lecture - compréhension de texte et science cognitive*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Denigot, Gwen-Haël (2004): “Surprises dans l’aire de Broca”, *Science & Vie*, hors série n° 227, p. 166—199.
- Denis, Michel (2003): “Images mentales et pensée.” *Le cerveau et la pensée. La révolution des sciences cognitives*. 2nd ed. Auxerre Cedex: Sciences Humaines Editions, p. 247—249.

- Descamps, Philippe (2004): "Les trahisons de la traduction." *Science & Vie, Découvertes: du langage aux langues*, hors série. Paris: Excelsior Publications.
- Dirven, René / Verspoor, Marjolijn (2004): *Cognitive Exploration of Language and Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins.
- Dortier, Jean-François (2001): *Le langage*. Auxerre: Editions Sciences Humaines.
- Erpenbeck, John / von Rosenstiel, Lutz (2007) (eds.): *Handbuch Kompetenzmessung. Erkennen, verstehen und bewerten von Kompetenzen in der betrieblichen, pädagogischen und psychologischen Praxis*. Auflage, Stuttgart, Schäffer-Pöschel Verlag.
- Fauconnier, Gilles / Turner, Mark (2002): *The way we think*. New York: Basic Books.
- Fleiming, G. / Rickheit, G. / Müller, H. M. (2002): *Neurokognition der Sprache*. Tübingen: Stauffenburg Verlag.
- Flores, D'Arcais / Giovanni, B. (1970): *Advances in Psycholinguistics*. Research Papers presented at the Bressanone Conférence on Psycholinguistics. Padova / Amsterdam, North Holiand.
- Forstner, Martin (2005): "Bemerkungen zu Kreativität und Expertise", in: *Lebende Sprachen*, Langenscheidt, 50. Jahrgang, Heft 3, p. 98–104.
- Forstner, Martin (2008): "Prolegomena zur Verortung der Translationswissenschaft", in: Forstner, Martin / Lee-Jahnke, Hannelore (eds.) CIUTI FORUM 2006, Peter Lang Verlag, Bern, p. 81–167.
- Friederici, Angela D. (2003): "Der Lauscher im Kopf." *Gehirn & Geist, Spektrum der Wissenschaft*, № 2, 43–45.
- Funke, Joachim (2008): "Zur Psychologie der Kreativität", in: Dresler, Martin / Baudson, Tanja: *Kreativität. Beiträge aus den Natur- und Geisteswissenschaften*. Stuttgart, S. Hirzel Verlag, p. 31–36.
- Gerloff, Pamela (1988): *From French to English: A look at the translation process in Students, bilinguals and professional translators*. Harvard, Harvard University Press, XVI.
- Gile, Daniel (2005): "La recherche sur les processus traductionnels et la formation en interprétation de conférence", in: *META, Processus et cheminement en traduction et interprétation*; Ed. Hannelore Lee-Jahnke. Montréal, p. 713–727.
- Greiner, Norbert (2004): *Übersetzung und Literaturwissenschaft*. Tübingen: Narr Studienbücher.
- Guilford, Joy, P. (1967): *The Nature of Human Intelligence*. New York: Me Graw-Hill Inc.
- Hansen, Gyde (2005): "Experience and Emotion in empirical translation research with Think-Aloud and Retrospection", in: *META, Processus et cheminement en traduction et interprétation*; Ed. Hannelore Lee-Jahnke. Montréal p. 511–522.
- Hansen, Gyde (2006): *Erfolgreich Übersetzen. Entdecken und beheben von Störquellen*. Tübingen, Narr.
- Harris, Brian (1874): "La traductologie, la traduction naturelle", *Problèmes de sémantique, Gabiers linguistiques*, n° 3. Montréal, Université du Québec, p. 133–146.
- Hawelka, Birgit (2007): "Problemorientiertes Lehren und Lernen". In: Hawelka, Birgit / Hammerl, Marianne / Gruber, Hans (eds.): *Frderung von Kompetenzen in der Hochschullehre. Theoretischen Konzepte und ihre Implementation in der Praxis*. Kröning: Asanger Verlag, p. 181–192.
- Heller, J. (1995): The rôle of creativity in explaining giftedness and exceptional development. *European Journal for High Ability*.
- Heringer, Hans Jürgen (2004): *Interkulturelle Kommunikation*. Tübingen and Basel: A. Francke.
- Heuven, van, W.J. / Dijkstra, T. (2010): Language comprehension in the bilingual brain: fMRI and ERP support for psycholinguistic models. *Brain research reviews*, 64, p. 104–122.
- Holcbecher, Silvia (2004): "Interferenzen, Kognition - Translation: Stellenwert mentaler Repräsentationen im Übersetzungsprozess", unpublished diploma thesis; Dir. Hannelore Lee-Jahnke.
- Holland, J.H. et al. (eds) (1986): *Induction*. Cambridge: MIT Press.
- Houdé, Olivier / Kayser, Daniel / Koenig, Olivier / Proust, Joëlle / Rastier, François (2003): *Diccionario de ciencias Gognitwas*. Amorrortu, Buenos Aires.
- House, Juliane (2001): "Translation Quality assessment", in: *Evaluation: parameters, methods, aspects pédagogiques*; Lee-Jahnke, Hannelore (ed.) *META*, vol. 46, n° 2 p. 258–272.
- Houssayé, J. (1993): "Le triangle pédagogique ou comment comprendre la situation pédagogique." *Ea pédagogie une encyclopédie pour aujourd'hui*. Ed. J. Houssaye. Paris: ESF.
- Imbert, Michel (2002): "Perception visuelle et conscience." *Pour la Science*. Décembre, p. 90–95.
- Jääskeläinen, Riitta (1987): "What happens in a Translation Process: Think-aloud Protocols of Translation." Savolinna, University of Joensuu; unpublished thesis.
- Kalina, Sylvia (2005): "Quality assurance for Interpreting Processes", in *META Processus et cheminement en traduction et interprétation*; Ed. Hannelore Lee-Jahnke. Montréal, p. 768–785.
- Khateb, A. / Annoni, J.M. / Landis, T. / Pegna, A.J. / Custodi, M.C. / Fonteneau, E. / Morand, S.M. / Michel, C.M. (1999): "Spatio-temporal analysis of electric brain activity during semantic and phonological word processing." *International Journal of Psychophysiology* 32, p. 215–231.
- Khateb, A. / Michel, C.M. / Pegna, A.J. / Landis, T. / Annoni, J.M. (2000): "New insights into the Stroop effect: a spatio-temporal analysis of electric brain activity." [In Process Citation], *Neuroreport* 11; p. 1849–1855.
- Khateb, A. / Pegna, A.J. / Michel, C.M. / Custodi, M.C. / Landis, T. / Annoni, J.M. (2000): "Semantic category and rhyming processing in the left and right cerebral hemisphere." *Eaterality* 5, p. 35–53.
- Khateb, A. / Pegna, A.J. / Michel, C.M. / Landis, T. / Annoni, J.M. (2000): "Dynamics of brain activation during an explicit word and image recognition task: an electrophysiological study." *Brain Topogr* 14, p. 197.
- Kleiber, Georges / Kochendörfer, Günter / Riegel, Martin / Schecker, Michael (1999): *Kognitive Linguistik und Neurowissenschaften*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
- Königs, Frank (1996): "Ees processus de la Traduction." *META* vol. 41, p. 5–184.
- Krems, Joseh (1994): *Wissensbasierte Urteilsbildung; Diagnostisches Problemlösen durch Experten und Expertensysteme*. Bern. Huber.
- Krings, Hans-Peter (1986): *Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht: Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französtschlernern*. Tübingen: Narr Verlag.

- Krings, Hans-Peter (2005): "Wege ins Labyrinth - Fragestellungen und Methoden der Übersetzungsprozessforschung im Überblick." *META, Processus et cheminement en traduction et interprétation*; Ed. Hannelore Lee-Jahnke. Montréal, p. 342—359.
- Kussmaul, Paul (2000): *Training the translator*, John Benjamin, Amsterdam.
- Kussmaul, Paul (2005): "TranslationthroughVisualization", in: Lee-Jahnke, Hannelore (ed.): *Processus et cheminement en traduction et interprétation, META*, vol. 50, N° 2, p. 378—392.
- Ladmiral, Jean-René (1999): "Approches en théorie de la traduction." *Coll. "Sources — Cibles."* Ed. Henri Awaiss et Jarjoura Hardane. Beyrouth, Libanon: Université Saint Joseph.
- Lee-Jahnke, Hannelore (1998): "L'introspection à haute voix: recherche appliquée." *Enseignement de la traduction et traduction dans l'enseignement*. Ed. Jean Delisle and Hannelore Lee-Jahnke. Ottawa: Les Presses de l'université d'Ottawa, p. 155—183.
- Lee-Jahnke, Hannelore (2001): "Aspects pédagogiques de l'évaluation en traduction." *META* Ed. Lee-Jahnke, Hannelore. 46.2, p. 258—272.
- Lee-Jahnke, Hannelore (2004): "Le défi de la formation des traducteurs". *FORUM* vol. 2 nr. 1 April. Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle, p. 91—105.
- Lee-Jahnke, Hannelore (2005): "New cognitive approaches in process-oriented translation training." *META, Processus et cheminement en traduction et interprétation*; Ed. Hannelore Lee-Jahnke. Montréal, p. 359—378.
- Lehr, Caroline (2010): "Psycholinguistik, Übersetzungswissenschaft und Expertiseforschung im Rahmen der interdisziplinären Forschung", in: Gile, Daniel / Hansen, Gyde / Pokorn, Nike K. (Eds.): *Why Translation Studies Matters*, XI, John Benjamins, Publisher, Amsterdam, p. 211—222.
- Lörscher (2005): *META*, spécial issue on process-oriented translation and interpretation; Ed. Hannelore Lee-Jahnke. Montréal.
- Magris, Marella (2009): "Übersetzungsfehler und deren Auswirkungen in der Praxis", in: CIUTI FORUM 2008, *Enhancing Translation Quality: Ways, Means, Methods*, Forstner, Martin, Lee-Jahnke, Hannelore & Schmitt, Peter Axel (ed.), Peter Lang, Bern, p. 301—313.
- Marx & Engels (1974): *Über Sprache, Stil und Übersetzung*. Berlin: Dietz Verlag.
- Marwinski, David (1998): "Übertragungsstrategien und -Jrehler bei Anfängern und Fortgeschrittenen Lernern", unpublished diplomawork; Dir. Hannelore Lee-Jahnke.
- Masschelein, Danny / Verschuere, Walter (2005): "Vers un apprentissage semiautonomie du processus de la traduction"; *META*, special issue on process-oriented translation and interpretation; Ed. Hannelore Lee-Jahnke. Montréal; p. 560—573.
- Mejia Quijano, Claudia (2009): "L'erreur: La place du traducteur", in: CIUTI FORUM 2008, *Enhancing Translation Quality: Ways, Means, Methods*, Forstner, Martin, Lee-Jahnke, Hannelore & Schmitt, Peter Axel (ed.), Peter Lang, Bern, pp. 327—345.
- Mizuno, Akira (2005): "Process model for simultaneous interpreting and working memory." *META*, special issue on process-oriented translation and interpretation; Ed. Hannelore Lee-Jahnke. Montréal, p. 739—753.
- Nguyen-Xuan, A (1990): "Le raisonnement par analogie." *Traité de Psychologie cognitive*. Paris: Ed. Dunod.
- O'Connor, Anahad (2004): "Dyslexia varies with language." *International Herald Tribune* 9th September, p. 9.
- Osaka, Naoyuki (2003): *Neural Basis of Consciousness*. Amsterdam: John Benjamins.
- Paradis, Michel (2004): *A Neurolinguistic Theory of Bilingualism*. Amsterdam: John Benjamins.
- Peirce, Charles (1931—1958): *Collected Works*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.
- Pena Polliastri, Ana Paulina (2009): "Evaluation Criteria for the Improvement of Translation Quality", in: CIUTI FORUM 2008, *Enhancing Translation Quality: Ways, Means, Methods*, Forstner, Martin / Lee-Jahnke, Hannelore / Schmitt, Peter Axel (ed.). Peter Lang, Bern, p. 239—261.
- Perrenoud, P. (1984): *La fabrication de l'excellence scolaire: du curriculum aux pratiques de l'Evaluation*. Genève: Droz.
- Peterfalvi, Jean-Michel (1974): "Introduction à la psycholinguistique." *coll. "Le psychologue"*, nr. 43, 2nd éd. Paris: Presses Universitaires de France.
- Prégent, Richard (1990): *La préparation d'un cours*. Montréal: University Press.
- Rasmussen, J. (1986): *Information processing- and human machine interaction*. Amsterdam: North Holiand.
- Rehbmder, M. (2003): *Urheberrecht*. München, C.H. Beck.
- Rickheit, Gert / Strohner, Hans (1993): *Grundlagen der kognitiven Sprachverarbeitung: Modelle, Methoden, Ergebnisse*. Tübingen, Francke.
- Rickheit, Gert / Sichelschmidt, Lorenz / Strohner, Hans (2002): *Psycholinguistik*. Tübingen: Stauffenburg.
- Risku, Hanna (1998a): *Translater ische Kompetenz, Kogmtive Grundlagen des Übersetzens als Expertentätigkeit*. Studien zur Translation, Bd. 5. Ed. Mary Snell-Hornby. Tübingen: Stauffenburg, Verlag.
- Risku, Hanna (1998b): "Kognitionswissenschaft." *Handbuch Translation*. Ed. Snell-Hornby, Mary / Hönig, Hand / Kussmaul, Paul / Schmitt, Peter A. Tübingen: Stauffenburg Verlag, p. 280—285.
- Rosch, Eleanor (1977): "Human categorization." *Studies in Cross-Cultural Psychology*. Vol. 1. Ed. Neil Warren. New York: Academic Press, p. 3—49.
- Rosch, Eleanor (1999): "Reclaiming Concepts." *Journal of Consciousness Studies* 6, p. 61—77.
- Rydning, Antin Fougner (2005): "The return of sense on the scene of translation studies in the light of the cognitive blending theory." *META*, spécial issue on process-oriented translation and interpretation; Ed. Hannelore Lee-Jahnke. Montréal, p. 392—405.
- Scherer, Klaus (2001): "Appraisal considered as a process of multilevel sequential checking", in: Scherer, Klaus / Schorr, A. / Johnstone, T. (eds.): *Apraisal processes in emotion: Theory, Methods, Research*. New York: Oxford University Press, p. 92—120.
- Schmitt, Peter-Axel (2001): *Evaluierungskriterien für Fachübersetzungsklausuren*, Tübingen, Narr.
- Schnotz, Wolfgang (1994): *Aufbau von Wissensstrukturen, Untersuchungen zur Kohärenzbildung beim Wissenserwerb mit Texten*. Weinheim: Beltz Psychologie Verlags Union.
- Séguinot, Candace (1989): "The Translation process: An Expérimental study." *The Translation Process*. Ed. Candance Séguinot. Toronto: H.G. Publications, p. 21—53.

- Séguinot, Candace (2005): "Shortcuts, strategies and general patterns in a process study of nine professionals", in: *META*, special issue on process-oriented translation and interpretation; Ed. Hannelore Lee-Jahnke. Montréal, p. 522—548.
- Singer, Wolf (2002): "Synchronisation neuronale et représentations mentales." *Pour la Science* Décembre, p. 74—79.
- Spiro, R.J. (1991): "Cognitive flexibility, constructivism and hypertext: random access instruction for advanced knowledge acquisition in ill-structured domains." *Educational technology* 31 (5), p. 24—33.
- Squire, Larry / Kandel, Eric (2001): "La mémoire non consciente." *La mémoire, le jardin de la pensée*. Spec. issue of *Pour la Science* Avril-juillet, p. 78—83.
- Stolze, Radekundis (1994): *Übersetzungstheorien, Eine Einführung*. Tübingen: Narr Vlg.
- Thelen, Marcel (2009): "Quality management for translation", in: *CIUTI FORUM 2008, Enhancing Translation Quality: Ways, means, methods*: Forstner, Martin / Lee-Jahnke, Hannelore / Schmitt, Peter Axel (eds.). Peter Lang, Bern, p. 195—213.
- Tirkkonen-Condit, Sonja (1989): "Professional versus non-professional Translation: A think-aloud protocol study." *The Translation Process*. Ed. Candace Séguinot. Toronto: H.G. Publications, p. 73—84.
- Tirkkonen-Condit, Sonja (2005): "The Monitor Model revisited: Evidence from process research." *META*, special issue on process-oriented translation and interpretation: Ed. Hannelore Lee-Jahnke. Montréal, p. 405—415.
- Ungerer, Friedrich / Schmid, Hans-Jörg (1994): *Language and Understanding*. Oxford: Oxford University Press.
- Yandeloise, Claude (2003): *Langues et Cognition*. Paris: Lavoisier.
- Wallas, G. (1926): *The Art of Thought*. New York: Harcourt Brace.
- Wang, Lidi (2009): "Quality assurance for quality training", in: *CIUTI FORUM 2008, Enhancing translation quality: Ways, Means, methods*; Forstner, Martin / Lee-Jahnke, Hannelore / Schmitt, Peter Axel. (eds.). Peter Lang, Bern, p. 213—217.
- Wender, P.H. (1987): *The hyperactive child, adolescent and adult: Attention Deficit Disorder through the lifespan*. New York: Oxford University Press.
- Whorf, Benjamin (1946): *Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf*. Ed. J. Carroll. Cambridge, Mass: MIT Press.
- Wildgen, Wolfgang (2004): *The Evolution of Human Language*. Amsterdam: John Benjamins.
- Wmteiler, Adi (2004): *Professionel lehren und lernen: Ein Praxisbuch*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Wittgenstein, Ludwig (1953): *Investigations philosophiques*. Paris: Gallimard.
- Wu, Qing. (2002): "Interaction." *META* Nr. 58, Montréal.
- Zhang, Wen (2009): "Language proficiency and translation quality: The predicament in Chinese university translator / interpreter training", in: *CIUTI FORUM 2008, Enhancing translation quality: Ways, Means, methods*; Forstner, Martin / Lee-Jahnke, Hannelore / Schmitt, Peter Axel (eds.). Peter Lang, Bern, p. 217—229.
- Zhong, Yong (2005): "A matter of principles: Empirical treatments of translation principles — a case study." *META* Processus et cheminements en traduction et interpretation, N° 50/2; Lee-Jahnke, Hannelore (ed.), Montréal, p. 495—511.

Э.Н. Мишкuroв,

доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mishkurov@inbox.ru

**О «ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ»
В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ
И МЕТОДОЛОГИИ ПЕРЕВОДА
(часть I)**

Настоящей статьёй открывается серия работ в рамках нового научно-исследовательского направления в деятельности Высшей школы перевода, ориентированного на теоретическое осмысление и практическое внедрение герменевтических стратегий и тактик в современный переводческий процесс. В данной статье обобщается опыт изучения отдельных герменевтических аспектов перевода в отечественной и зарубежной литературе, интерпретируемых в рамках так называемого «герменевтического поворота» в современном переводоведении, обусловленного новейшими достижениями философской, семиотической, лингвокогнитивной, этнопсихолингвистической и лингвокультурологической мысли в речевой деятельности (языковых играх) *Homo loquens* и *Homo ludens*. Предложено новое толкование герменевтико-методологических категорий «предпонимание», «понимание» и «интерпретация» применительно к смыслопоявлению и переводческому перекодированию ИТ в ПТ. Критически рассмотрена концепция П. Рикёра на проблему «переводимости/непереводимости» и предложена сопряженность его апории «верность/неверность источнику перевода» исключительно с эпистемой «переводимость» при сохранении категории «непереводимость» как неотъемлемой части концепции «переводимости/непереводимости». Констатируется, что герменевтическая парадигма перевода адекватно синтезирует эпистемы большинства «классических» моделей перевода и решает на структурно-смысловых уровнях задачу адекватной интерпретации и перевода системы смыслов текстов различных типов, видов и жанров.

Ключевые слова: герменевтическая парадигма перевода, переводимость/непереводимость, «языковое гостеприимство», предпонимание, понимание, интерпретация, переводческие практики.

Eduard N. Mishkurov,

Professor, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: mishkurov@inbox.ru

On the "Hermeneutical Turn" in the Contemporary Theory and Methodology of Translation (Part I)

The present article opens a series of works in the vein of a new approach to the theory and practice of translation developed at the Higher School of Translation and Interpretation of Lomonosov Moscow State University. The approach is aimed at theoretical comprehension and practical use of hermeneutical strategies and tactics in translation process. The article summarizes the results of different studies of the hermeneutical aspect of translation conducted in Russia and abroad. The "hermeneutical turn" in the modern

theory of translation is conditioned by the latest achievements in philosophical, semiotic, linguo-cognitive, ethno-psycho-linguistic and linguo-cultural studies of human speech as produced by Homo loquens and Homo ludens. The hermeneutical-methodological categories “pre-understanding”, “understanding” and “interpretation” are re-defined in relation to the “quest for meaning” and the rendering of the source text into the target text. P. Ricœur’s views on translatability/untranslatability are critically considered and his aporia “faithfulness/disloyalty to the source text” is said to be linked to the episteme “translatability” exclusively, with the category “untranslatability” being part and parcel of the concept “translatability/untranslatability.” The hermeneutical paradigm of translation is stated to effectively synthesize classical epistemological models of translation and solve the problem of adequate interpretation and rendering the “meaning (sense) system” of different types and genres of text on the structural-semantic levels.

Key words: hermeneutical paradigm of translation, translatability/untranslatability, language hospitality, pre-understanding, understanding, interpretation, translation practice.

1. Цель настоящей работы — собрать воедино все доступные авторитетные свидетельства, факты, доказательства, точки зрения, мнения, концепции и т.п. в отечественной и зарубежной переводческой, философской и других общегуманитарных сферах, которые, несомненно, поспешествовали бы созданию прообраза **современной герменевтической парадигмы**, которая включала бы в себя все репрезентативные переводческие эпистемы, отражающие базовые (концептуальные) конституенты, устоявшиеся в теории и практике перевода текстов различной протяженности, разнообразных по типам и жанрам.

Переводческая деятельность, давшая мощный импульс методологии толкования и понимания текстов в различных гуманитарных науках и теологии, собственно и определяет различие между «психологической», «философской» герменевтикой и герменевтикой переводческой. Известный отечественный философ В.В. Миронов, в частности, пишет: «Важнейшей формой реализации философского знания выступают тексты, совокупность которых составляет общее проблемное поле философии. Текст представляет собой многослойное образование, которое содержит в себе множество смыслов, и одна из задач философии заключается как раз в поиске этих смыслов. В истории философии сформировалось направление, которое ставит одной из своих задач истолкование текста, — **герменевтика**». В. Дильтей (1833—1911), пишет далее автор, расширил понятие герменевтики до её понимания как особой философской дисциплины, выступающей своеобразной методологией о духе, духовной культуре, которая представляет собой целостное образование, в которое включаются знания как о внешнем мире, так и о внутренних переживаниях этого мира субъектом. Соответственно внешний мир постигается человеком на основе естественно-научной методики. А внутренний мир, зафиксированный в текстах (культура прошлого), требует своей особой **интерпретации**,

в качестве которой и выступает **герменевтика**. В анализе текстов, подчеркивает В.В. Миронов, «в наибольшей степени используются методы интерпретации и истолкования текстов, целью которых является понимание», потому что, цитирует он Дильтея, «понимание и истолкование содержит в себе все истины наук о духе. Понимание в каждой точке открывает определённый мир» [Миронов, 2006, с. 127—128].

В этой связи отметим, что если задача «философской герменевтики» заключается в «понимании текстов», то отличительной чертой «переводческой герменевтики» является её нацеленность не только на решение указанных задач, но и на исследование способов и форм выражения установленных смыслов-истин и выбор способов и форм перевыражения выявленных систем смыслов на всех уровнях языковой иерархии как в ИЯ, так и в ПЯ. В этой связи подчеркнём, что исходно-исторической вехой для рефлексии настоящего исследования является тот период «великой эпохи переводов» (IV—XIII вв.), когда герменевтика стала восприниматься как «искусство истолкования и перевода» литературных текстов памятников античной науки, философии и теологии, культуры в греко-сирийской, греко-сиро-арабской, греко-арабской и араболатинской традициях, давших в свою очередь мощный импульс развитию «классической филологии» и переводческой деятельности в эпоху Возрождения (см.: [Мишкурин, 2008]). Поэтому мы не соотносим «герменевтический аспект перевода» только с «пониманием оригинального текста», но включаем в «герменевтический процесс», в отличие от Л. Бруни, «и порождение нового речевого произведения на языке перевода (аспект переводческой реконструкции)» (см.: [Гарбовский, 2010, с. 113]).

А перевод иноязычных философских и других гуманитарных текстов на родной язык философов с использованием общепонятного «концептуального языка» — жизненно важный ресурс для «коммуникации (общения) как примата, — по выражению В.В. Миронова, — внутри философского диалога» [там же, с. 121] между учёными различных социумов. А реальность такова, что «давно прошли те благословенные времена, когда (когда?) читавший одного профессионального философа другой профессиональный философ делал это на языке оригинала. Переводы! Все ищут переводы, читают переводы, преподают переводы, — с горечью отмечают специалисты». А проблема усугубляется тем, что высокий спрос на переводческую литературу ведёт к тому, что высокий спрос, например, на сочинения Канта, «кто-то станет удовлетворять за счёт перепечатки (в «лучшем случае» с поспешной, чисто косметической правкой) прежних, иной раз совершенно неудовлетворительных переводов Канта» (см.: [Артемьева, Микешин, 2010, с. 195]).

Утешительный пассаж Поля Рикёра о том, что «многие экономят время, довольствуясь готовыми переводами, вместо того, чтобы самим изучать иностранные языки» и что «именно так, в конце концов, нам стали доступны произведения греческих трагиков, Платона, Шекспира, Сервантеса, Петрарки и Данте, Гёте и Шиллера, Толстого и Достоевского» [Рикёр, 1998, с. 6], приемлем, когда речь заходит об эфемерности «полиглоссии» в общеобразовательных и общекультурных целях. Здесь услуги переводчика незаменимы. Иное дело, когда требуется знание соответствующего иностранного языка как «рабочего инструмента» специалиста. При этом последнему не помешают и соответствующие профессиональные переводы. Как говорится, будет с чем сравнивать!

Положительная, продуктивная переводческая практика последних десятилетий меняет сложившуюся ситуацию к лучшему. Так, герменевтически точно выполненные переводы современной западноевропейской философской литературы в значительной мере способствовали формированию нового концептуального языка отечественной философии, а взаимопереводы соответствующих трудов всемерно содействуют обогащению и развитию языков различных культур. Работавший более двадцати лет с переводами философских текстов знаменитого М. Хайдеггера А.В. Михайлов с глубоким знанием дела констатировал: «Конечная цель переводов — это сотворчество одного языка другому: культурный язык не должен позволять себе не замечать того существенного, что делается в других культурных языках, и обязан по-своему воспроизводить это — не для того, чтобы вторить другому и, вторя, изменяться, но для того, чтобы обогащаться еще и за счёт других и в конце концов, оставаясь самим собою и следуя своему внутреннему, непознанному закону, уметь все и брать на себя все. Не внешнее обогащение происходит от переводов, но внутреннее: только через перевод можно по-настоящему освоить и усвоить новый смысл, так как смысл не существует вне языка; конечно, и сам перевод нельзя при этом понимать школьно-казённо, перевод — это не простое соответствие чужому тексту, а опирающееся на сотворчество бережное и точное воспроизведение-осмысление иноязычного текста» [Михайлов, 1993].

Известно, что при описании «классических» моделей перевода в конце характеристики и оценки потенциала каждой из них интерпретаторы обычно указывают на порог её возможностей и на наиболее существенные недостатки. Так, например, при верификации достоинств «семантической модели перевода» В.В. Сдобников и О.В. Петрова в конце соответствующего раздела пишут: «Семантическая модель перевода обладает значительной объяснительной силой. Она позволяет объяснить многие причины семантических

расхождений между двумя текстами, указывает на ряд существенных факторов, определяющих выбор вариантов перевода. Вместе с тем она не лишена ряда существенных недостатков. По мнению В.Н. Комиссарова, она не предусматривает такие случаи, когда для описания одной и той же ситуации разные языки используют разные семантические категории (instant coffee — растворимый кофе); она не затрагивает проблем передачи образных и иных ассоциаций при переводе, проходит мимо многоплановости содержания текста, возможности использования единиц языка в переносном значении, расчёта на предварительный опыт и наличия ассоциаций, которые могут оказаться неодинаковыми у получателей оригинала и перевода; основной упрёк, который высказывает В.Н. Комиссаров, заключается в том, что в рамках семантической модели перевода не находится места категории цели коммуникации, играющей решающую роль при выборе средств перевода» [Сдобников, Петрова, 2007, с. 241].

Расширению возможностей по преодолению изъянов того или иного приёма перекодирования оригинала собственно и способствует комплексная полифункциональная герменевтическая парадигма перевода, содержащая в своём арсенале необходимые механизмы выхода из «смыслового тупика».

В ряде переводоведческих работ отражены отдельные герменевтические аспекты перевода, которые рассматриваются авторами в ряду других концептуальных сторон переводческого процесса. Так, указанная проблема нашла своё отражение в обстоятельном разделе с одноимённым названием в учебнике В.В. Сдобникова и О.В. Петровой «Теория перевода». Мы согласны с авторами, которые, ссылаясь в свою очередь на известную работу С.А. Семко и Г.П. Рябова «О герменевтическом аспекте перевода», пишут, что, исходя из определения **герменевтики** как науки о толковании и интерпретации текста, к герменевтическому аспекту перевода следует также отнести вопросы понимания и интерпретации текста оригинала переводчиком и вопросы понимания и интерпретации транслата (текста перевода). Далее в работе приводятся самые разнообразные, разрозненные сведения о сущности переводческого процесса и о работе переводчика с текстом на разных стадиях его осмысления и перевода. В частности, подробно излагается теория Р.К. Миньяра-Белоручева о пятиступенном «информационном запасе» переводчика, а также о семантическом и ситуационном видах информации, приводятся отдельные высказывания видных отечественных и зарубежных учёных о различных сторонах перевода — значимости адекватного понимания оригинала, его смыслах и приёмах их передачи на ПЯ, в том числе случаях преодоления разных степеней «неопределённости любого текста», возникающей

«как часть коммуникативной интенции автора» или «вследствие речевой небрежности автора». Критическое отношение к большинству суждений известного философа Г.-Г. Гадамера о различных аспектах категории понимания, о сущности так называемых «широкозначных слов», «неопределённости текстов в силу многозначности любого слова», а также к общему пессимистическому отношению Гадамера к возможностям перевода и т.д. обусловлено, на наш взгляд, определённой эпистемологической оторванностью концепции авторов от основ современной философской герменевтики. В этой связи заметим, что палмеровское изречение, приводимое авторами статьи, — «Феномен перевода есть самое сердце герменевтики», в настоящее время следует, по-видимому, несколько переиначить: феномен герменевтики есть самое сердце перевода! Поэтому мы вполне солидаризируемся с важным наблюдением Сдобникова и Петровой: “...неслучайно герменевтический аспект упоминается многими авторами при описании процесса перевода” [там же, с. 172, 173 и др.].

2. В.Г. Локтионова в своих лапидарных заметках о герменевтических аспектах теории перевода не без оснований пишет, что «герменевтическое направление переводоведческих исследований в общей теории **перевода** является относительно новым». Но по только автору понятным мотивам сущность новизны сводится в работе исключительно к толкованию важной, но не единственно определяющей для герменевтики категории «понимание». К сожалению, экскурс, содержащий в основной своей массе репрезентативные тезисы о роли, месте и сущности категории «понимание» как необходимой составляющей переводческого процесса, резюмируется явно неадекватной ссылкой, констатирующей, что «как и любая интерпретация, письменный перевод всегда сопровождается непониманием, недопониманием (sic! — Э.М.) и реинтерпретацией». А поскольку в статье вообще не толкуется понятие «интерпретация», то мы можем только предположить, что для автора термины «понимание» и «интерпретация» суть полные синонимы (см.: [Локтионова, с. 4]).

Как пишет известный отечественный философ Л.А. Микешина, «XX век дал много новых когнитивных практик или предложил нетрадиционное философское осмысление старых. Среди них: так называемый «лингвистический поворот»... феноменологический подход к познанию; герменевтический опыт, выраженный в общей теории понимания и интерпретации» [Микешина, 2002, с. 49—50]. На естественный вопрос, а почему на «обыденный язык» (и от себя добавим — на «перевод» как одну из разновидностей «языковых игр», по Витгенштейну) философы не обратили внимание раньше и усмотрели в нём «дом бытия» только с появлением трудов Хай-

деггера, можно привести шуточный ответ Гадамера: «Language, like health, remains invisible (Heidegger would say “inconspicuous” [“unauffällig”]) until attention is focused on it” and “...it remained for Husserl and Heidegger to make language a key part of the lifeworld”» — «Язык, как здоровье, невидим (Хайдеггер сказал бы “неприметен”), пока на нем не сконцентрируешь своё внимание» и «только на долю Гуссерля и Хайдеггера выпало придать языку ключевую роль миросуществования» (см.: [Palmer, 2000, p. 381]).

Далее в «герменевтико-методологическом круге» переводческих процедур вкратце осветим категории «предпонимание», «понимание» и «интерпретация».

Проблему **предпонимания** М. Хайдеггер, а за ним и Г.-Г. Гадамер рассматривали в тесной связи с категорией «понимание». Они определяли «предпонимание» как «первичное понимание», «предварительный набросок смысла, или прообраз смысла текста, смысловое ожидание, вырастающее на почве усвоенных традиций». В процедурном плане это выглядит следующим образом: после ознакомления с текстом прообраз смысла сопоставляется с тем смыслом, который образовался в результате его прочтения. Затем осуществляется корректировка предварительного проекта смысла. В результате «понимание» представляется как переход от предпонимания к новому пониманию и т.д. Движение от предпонимания к пониманию являет собой «герменевтический круг» [Философия..., 2011, с. 168—169].

Суть процесса предпонимания мы ассоциируем с так называемым предпереводческим анализом. На этой стадии уточняются границы «переводческого пространства» оригинала, идентифицируются референты, когнитивный, лингвокультурологический и прагматический фон, хронотоп, вид, жанр и идиостиль авторского текста. Другими словами, предпринимается «расшифровка» избранного для перевода речевого произведения, проводится предварительный поиск речемыслительного соответствия текстов в собственном сознании и сравнение с чем-то аналогичным — при наличии такового — в предыдущем переводческом опыте.

Предпонимание толкуем как процесс «интернализации» наблюдаемых в тексте речевых, поведенческих ситуаций, героев, персонажей и т.д. Переводчик как бы «вчувствуется», проникает мысленно в ситуативное поле и хронотоп произведения.

Как работает переводчик с текстом? Известна переводческая шутка: первый раз он читает оригинал очень медленно, а второй раз — еще медленнее! Неудивительно, что внимательнее читателя, чем переводчик, трудно сыскать.

Для герменевтической концепции перевода, на наш взгляд, более полезно кантовское отношение к автору произведения, согласно

которому интерпретатору текста надо понимать автора лучше, чем он сам себя понимает. Очевидно, что переводчику куда полезнее «понимать автора, его намерения, используемые понятия, поставленные им проблемы полнее, а значит лучше, с новой стороны, а главное — выявлять скрытые, «неизвестные» или, по разным соображениям, непроведённые последовательно автором идеи» [Кант, 1994, с. 226], чем принимать концепцию «смерти автора», оставляющую переводчику только авторский текст.

Проникая в дискурс автора произведения, переводчик анализирует «внутренний голос», «язык писателя», исходя из конкретного контекста его «звучания» в речевом регистре. Еще Э. Бенвенист заметил, что специфику авторского творения нужно определять по личным местоимениям, наречиям места, времени и образа действия, а также, добавим от себя, по спектру любимых междометий и словечек, речеигровым пристрастиям и т.п. Другими словами, авторский дискурс есть одна из важнейших составляющих апробирующей рефлексивной интроспекции и интуиции переводчика на стадии предпонимания и порождения своего внутреннего или «внешне контурно очерченного» чернового «подстрочника». Далее он переходит на стадию **понимания** текста и формирования «своего» переводческого «вторичного текста» (нередко в поливариантном виде), который после окончательной **интерпретации** и «доведения до оптимума» на всех уровнях переводческих трансформаций выльется в окончательный «третичный текст» для реципиента, отчуждаемый от переводчика-интерпретатора на «самостоятельную жизнь».

По ходу дела заметим, что исследователей творчества писателей всегда интересуют авторские черновые наброски, вариативная правка текста и т.д., и весь этот «предтекст» обязательно включается в собрания сочинений гениев пера. Полагаем, что переводческой критике не мешало бы внимательно изучать «черновой» ход мысли переводчика, сохранившийся в виде билингвальных набросков и пробных вариантов, другого оставшегося «сырья» из творческой лаборатории «звездных переводчиков». Это могло бы помочь в какой-то мере глубже понять «таинство иноязычного перевоплощения текста».

«Понимание» в логико-философском толковании рассматривается как одно из центральных понятий герменевтики и трактуется как «универсальная операция мышления, представляющая собой оценку объекта (текста, поведения, явления природы) на основе некоторого образца, стандарта, нормы, принципа и т.п. Понимание предполагает усвоение нового содержания и включение его в систему устоявшихся идей и представлений» [Ивин, 2006, с. 663]. Но для гуманитарных наук и переводоведения в том числе важно,

что при всех различиях и нюансах трактовок понимания, все они, в конечном счёте, рассматривают его как извлечение из текста системы смыслов последнего. Движение по «герменевтическому кругу» от целого к части и наоборот есть собственно процесс понимания смысла текста. Задача каждой из гуманитарных наук заключается в частности в том, чтобы создать оптимальные методики для постижения смысла текста. В теории и практике перевода понимание рассматривается с когнитивно-психологической, лингвостилистической и коммуникативной точек зрения. Разумеется, Ю.А. Сорокин прав в своем утверждении, что в широком речемыслительном плане «переводческая деятельность и её конечный продукт есть не что иное, как частный случай процессов и результатов смыслового восприятия текста и его оценки» [Сорокин, 1998, с. 8].

Общую гипотетическую стратегию понимания текста предложил Е.Г. Кузнецов, суть которой сводится к следующим аспектам. В теорию вводится понятие «общее семантическое значение языкового выражения». Оно является комплексным образованием, зависящим от развитости общего «смыслового горизонта» носителей языка (концептуальный аспект); от соотношения с действительностью, т.е. объектами, фактами, явлениями, событиями, о которых идёт речь в данном языковом выражении (истинностно-денотативный аспект); от принципов языкового отражения действительности (интенционально-десигнативный аспект); от структуры языка (логико-грамматический аспект); от контекста употребления (коммуникативный аспект); от социокультурных условий, делающих необходимой постановку вопроса о значении данного языкового выражения (прагматический аспект). Отсюда следует, что «понимать языковое выражение — значит знать общее семантическое значение его. Так как текст представляет собой непустое множество элементов, связанных друг с другом структурными отношениями, то понимать текст — значит, знать общее семантическое значение каждого входящего в него элемента, знать свойства структурных отношений и зависимость анализируемого текста от контекста. С другой стороны, если представить процесс понимания как структурно организованное целое, то в нём можно условно выделить пять этапов, обладающих относительной временной самостоятельностью:

— *первый этап* связан с выявлением синтаксической формы текста, и здесь действуют два условия понимания. Первое предполагает умение отличить грамматически правильные элементы от неправильных, узнавать образования данного языка в представляемых знаковых структурах. Текст пока ещё не предстаёт перед нами как система связанных предложений. Второе условие соот-

носится с выявлением смысла логических констант и с их употреблением в данном тексте с общепринятыми нормами логики. Оба условия в совокупности составляют то, что называется логико-грамматическим владением текста;

— на *втором этапе* происходит выявление семантически значимых, смысловых структурных единиц и решение вопроса об их общем семантическом значении;

— на *третьем этапе* выявляется «знание о значении структурных единиц»;

— на *четвёртом этапе* проводится «учёт контекста употребления». При этом «контексты могут быть языковыми и неязыковыми. Последними могут служить реальные положения дел, о которых идет речь, возможные (мыслимые) положения дел, исторические факты и события, знание, учитывающееся при интерпретации текста («фонное знание»). Языковые контексты служат, как правило, для устранения многозначности выражений. Неязыковые контексты также могут устранять многозначность и, кроме того, уточнять значение структурных элементов и всего текста в целом»;

— на *пятом этапе* осуществляется «учёт прагматических моментов, от которых зависит употребление данного выражения» [Кузнецов, 2007, с. 428—429].

В свете вышеизложенных постулатов гипотезы поэтапного понимания текста мы хотим ещё раз подчеркнуть важность «коммуникативного аспекта понимания» как процесса по активному проникновению переводчика в систему смыслов высказывания/текста и авторский план его реализации. Разумеется, переводчику всегда интересны повод, причины, обстоятельства и мотивы порождения данного текста, характеристика личности автора, его жизненной позиции в обществе и т.д. Ну а если между автором текста и переводчиком-интерпретатором существует историческая дистанция, то следует учитывать различия культур, исторических эпох, языков и прочего, как советует современная философия науки.

Работая с текстом, пишет В.Г. Локтионова, «переводчик осуществляет ряд специфических действий, таких, как выбор языковых средств и способов выражения в языке перевода, замена и компенсация безэквивалентных единиц. Мыслительно-речеактовое содержание действий по установлению переводческих соответствий может быть описано с помощью речевых эквивалентов мыслеречевых действий переводчика. Речевые эквиваленты мыслеречевых действий переводчика, решающего проблемы установления соответствий на лексическом уровне, соответствуют содержанию следующих (не эксплицируемых в переводящем тексте) перформативных высказываний:

1) Я **идентифицирую** референцию — связь между словом и обозначаемым предметом; 2) Я **проверяю**, используется ли слово в прямом или переносном, известном или новом значении; 3) Я **выбираю** в языке **перевода** полный или частичный эквивалент, связываю его с другими словами и проверяю, соединяется ли оно с ними по смыслу; 4) Я **замещаю** отсутствующий в языке **перевода** полный или частичный эквивалент близким по смыслу словом или создаю новое слово; 5) Я **связываю** избранное переводческое соответствие — межъязыковой синоним, близкое по смыслу или вновь созданное слово или словосочетание на языке **перевода** с другими словами во фразе (сверхфразовом единстве).

Приведённые перформативные высказывания объединяет направленность на достижение успешного **перевода**. Поэтому процесс перевода можно охарактеризовать как интерпретативный мыслительно-речевой процесс поиска и принятия оптимального решения методом «проб и ошибок» (см.: [Локтионова, с. 3—4]).

Что касается собственно категории «интерпретация», то, несмотря на многовековой опыт её исследования, описания и практического применения, согласия по её трактовке в научном сообществе до сих пор нет [ср.: Shi, A., с. 2—3].

Тем не менее независимо от характера научной дисциплины «интерпретация» обычно рассматривается как «общенаучный метод с фиксированными правилами перевода формальных символов и понятий на язык содержательного знания», а в конкретных науках — в нашем случае гуманитарных — интерпретация понимается как «истолкование текстов, смыслополагающая и смысло-считывающая операции, изучаемые в семантике и эпистемологии понимания» [Ивин, 2006, с. 325].

Перевод, как известно, вошел в XX веке в круг постоянных интересов философии, семиотики, культурологии и других гуманитарных наук, и его фундаментальные проблемы — «это давно уже глубоко философская тема, аспект более общей проблематики и интерпретаций» [Артемьева, Микешин, 2010, с. 193].

П. Рикёр, рассматривая понимание и интерпретацию как способы постижения смысла текста, особо подчёркивал, что смысл текста имеет много уровней, а поэтому следствием толкования многоуровневой системы смыслов является возможность конфликта множества интерпретаций. И это является одной из причин поливариативности переводов одного и того же текста.

Вполне очевидно, что качество и результативность перевода во многом зависят от личности переводчика-интерпретатора, который по уровню своей общекультурной подготовки должен быть в состоянии критически осмыслить «противоположенный ему текст как языковой объект» и «реконструировать исходный (так называ-

емый «правильный» смысл текста, порождённого «авторским замыслом» или объективными параметрами текстовой структуры» [Новейший философский словарь постмодернизма, 2007, с. 181].

Нам представляется, что за первичную основу толкования категории «понимание» в рамках подступа к переводческим стратегиям можно принять наработки В.Г. Локтионовой, которая рассматривает её с когнитивно-психологической, лингвистической и коммуникативной точек зрения. Очевидно, что автор вводит нас в более широкий философско-эпистемологический контекст толкования концептуальных основ категорий «текст», «смысл», «аксиология» и т.д. Из трёх указанных В.Г. Локтионовой ракурсов наибольший интерес представляет «коммуникативный аспект понимания», трактуемый как «глубокое проникновение переводчика в смысл высказывания/ текста и замысел его автора (продюцента)». Понимание содержания переводимого текста достигается постепенно через предпонимание и собственно понимание.

В этой связи С.А. Азаренко подчёркивает, что «практика извлечения смыслов из текстов» и их переводческое переложение осложняется отсутствием полной эквивалентности между единицами кода каждого из них <...> При переводе с одного языка на другой происходит не подстановка одних кодовых единиц вместо других, а замена одного целого сообщения другим. Переводчик перекодирует и передает сообщение, полученное им из какого-то источника. Как и любой получатель вербального сообщения, переводчик является интерпретатором. Нельзя интерпретировать ни одного языкового явления без перевода его знаков в другие знаки той же системы (например, в случае так называемого «внутриязыкового перевода». — Э.М.) или в знаки другой системы. В таком случае интерпретатор — лицо, способствующее переводу одних знаков в другие, с целью прояснения существа понимаемого» [Азаренко, 1996, с. 222, 227].

Другими словами, толкуя оригинал, переводчик стремится как можно полнее сделать непонятное, особенное в тексте понятным, т.е. ставит себе задачу «преодоления чуждости сообщения» [Артамонова, 2007, с. 205]. В повседневной жизни человек довольно часто сталкивается с проблемой «преодоления чуждости сообщения». Например, интуисту на борту аэробуса доходчиво истолкуют краткие англоязычные свето-сигнал и надпись на спинке кресла “Fasten seat belt while seated” как «Застегните ремень безопасности и оставайтесь пристёгнутыми до конца полёта!» Очевидно, что здесь ситуативное смысло толкование адекватно доносит до реципиента необходимую информацию, которая в денотативно-референциальном декодировании была бы менее доходчивой», ср.: «Сидите пристегнутыми ремнями, пока сидите». Всякий перевод,

подчёркивает Г.-Г. Гадамер, «уже является истолкованием, можно даже сказать, что он является завершением этого истолкования» [Гадамер, 1998, с. 447].

Особенно важно уметь интерпретировать (хотя бы косвенным образом) элементы «бессознательного», «абсурдного», «бессмысленного» в текстах художественных, философских, сакральных и др. Эти способы автор стремится использовать для мотивации некоторых «иррациональных» поступков и действий героев, исторических или мифологических личностей, охарактеризовать «внутреннюю сумятицу» в душах своих персонажей, их особый психический склад, образ мышления и формы проявления этих аномалий. Эту сложную методологическую задачу нередко решают с помощью так называемой «косвенной интерпретации», требующей особых вербальных средств (ср., например, «бессмыслицы» в произведениях Л. Кэрролла, бесконечное неудобовоспринимаемое употребление частицы «как бы» в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, вычурный язык русских поэтов-символистов, которых высмеял В. Соловьев в своем четверостишии:

Мандрагоры имманентные
Зашуршали в камышах.
А шершаво-декадентные
Вирши — в вянущих ушах.

Осознавая, что «бессмыслица», «абсурд» и т.п. выполняют определённую функцию в тексте — экспрессивную, магическую, фоническую и т.д., переводчик должен адекватно интерпретировать эти фрагменты текста, неподдающиеся «нормальному пониманию» и подобрать специфические средства «от себя» для их компенсации в ПТ. В этой связи бесполезно заметить, что современная философия, расширяя область своих исследовательских интересов за счет лингвистической и переводоведческой тематики, моментально отреагировала на «осмысленный абсурд», подчёркивая, что так называемое «бессмысленное» даже в своих крайних проявлениях, остаётся со строем и духом своего языка. Об этом говорят, в частности, переводы «бессмысленного» с одного языка на другой. Такие переводы реально существуют, но один из них может быть лучше другого» [Философия. Энциклопедический словарь, 2006, с. 94].

Переводчик как мифологический Гермес — толкователь и передатчик божественных откровений смертным, чьё имя увековечено в «земной науке» — герменевтике, выполняет высокую духовную миссию по донесению через переводы до читателя аромата иноязычной культуры (цивилизации), а не обездушенного суррогата (типа цикория вместо кофе, как это рисовалось А. Шопенгауэру) и он вовсе не подсовывает читателю «сухую неживую карту ланд-

шафта вместо самого цветущего ландшафта», как по этому поводу огорчился Г.-Г. Гадамер (см.: [Нестерова (а), с. 5—7; Нестерова (б), с. 235]).

Хотя всё-таки следует признать, что в итальянской шутке «traduttore — traditore», построенной на паронимии, есть своя доля шутки и своя доля истины, ибо в переводе звуковое подобие темы и ремы передать не удаётся. А чтобы не допустить «пустоты» в тексте развернутого высказывания, русскоязычный переводчик может с определённой натяжкой предложить свою сходную игру, но уже на базе омонимии: «мой муж переводит... не книги, а продукты!» (из жалобы подруге на своего супруга).

Подводя итог макро- и микрогерменевтическому анализу способов и приёмов предпонимания, понимания и интерпретации текстов оригиналов с целью отбора оптимальных стратегий и тактик их перевыражения на ПЯ, мы констатируем, что современная герменевтическая парадигма перевода адекватно синтезирует эпистемы большинства известных «классических» моделей перевода и позволяет подвести плодотворную основу под разнообразные переводческие практики со всей палитрой текстов разных типов, видов и жанров, находящихся в когнитивно-культурном обращении в современных цивилизованных социумах [аналитический обзор «классических» моделей перевода см.: Garbovsky, Kostikova, 2012].

А собственно переводческий процесс как предмет исследования в рамках данной парадигмы верифицируется нами как своеобразная разновидность речевой деятельности, представляющей собой уникальную феноменологическую, семиотико-интерпретационную языковую игру в сфере межкультурной коммуникации в виде поливекторного межъязыкового посредничества с целью смыслового перевыражения текста ИЯ в знаках и символах ПЯ на максимально достижимых уровнях соответствия — когнитивно-эвристическом, этнопсихолингвистическом, образно-креативном, лингво-дискурсивном и некоторых других в зависимости от текстотипа и жанра оригинала.

3. Герменевтический подход к перекодированию (перевыражению/переложению) иноязычных текстов на ПЯ позволяет по-новому рассмотреть проблему «переводимости — непереводимости» с теоретической и практической точек зрения.

Как известно, П. Рикёр в своей лекции «Парадигма перевода» предлагает «отбросить теоретическую альтернативу *переводимость/непереводимость* текста и заменить её другой, вытекающей из самой практики перевода, то есть альтернативой *верность/неверность* перевода своему источнику».

Не возражая в принципе против аргументации автора в пользу тезиса о «переводимости», мы, однако, задаёмся вопросом: почему

он, как бы сомневаясь в собственной правоте, на протяжении всей лекции вновь и вновь возвращается к тезису о «непереводимости»? Приведём несколько цитат, а также интертекстуальных пассажей из корпуса лекции: 1) «Действительно, хотя теоретически перевод представляется делом невыполнимым (из-за «несоответствия между языковыми уровнями — подсистемами различных языков»), он всё же осуществим практически; однако за это приходится платить нашими сомнениями относительно его *верности/неверности* своему источнику»; 2) «Итак, совокупность мировоззренческих представлений, свойственных носителям какого-то определённого языка, оказывается чуждой и непонятной для носителей другого языка, чьи отношения с миром выглядят иначе. Приходится, таким образом, согласиться с тем, что взаимное непонимание между людьми является нормой, что перевод теоретически невозможен...»; 3) «Главное, что мешает нам перейти границу чужого языка, это его естественная потребность представлять из себя тайну, загадку, это его склонность к всевозможным ухищрениям, это его тяга к закрытости, к заумности и, в конечном итоге, к антикоммуникативности»; 4) «Формула «понять — значит перевести», таким образом, замыкается на себе самой, становится вещью в себе, и мы опять оказываемся лицом к лицу с проблемой непереводимости текста»; 5) «Истинно и то, что высокая поэзия Поля Селана практически непереводима...»; 6) «Я, признаться, в растерянности <...> Я отчетливо вижу и противоположную сторону проблемы (т.е. «переводимости». — Э.М.) — работу языка над собой. Не в ней ли кроется причина всех сложностей, связанных с переводом? Но если бы мы не соприкасались с этой тревожащей нас областью невыразимого, то откуда нам было бы знать, что такое «непереводимая тайна языка?»» [Рикёр, 1998, с. 3—10].

Отдавая должное глубокой логике ученого, попытаемся представить проблему в несколько иной плоскости и предложить вариативный выход из «умозрительного тупика», по выражению П. Рикёра, в который нас вольно или невольно всё-таки заводит автор.

Альтернативу «верности/неверности перевода своему источнику», выдвигаемую П. Рикёром, в противовес альтернативе «переводимость/непереводимость», следует соотносить лишь с первой частью последней — «переводимостью». Тогда вся аргументация в пользу определения критериев качества перевода выглядит вполне репрезентативной и убедительной. П. Рикёр безусловно прав, когда утверждает, что «не существует абсолютного критерия хорошего перевода. Ведь мы не можем сопоставить источник и перевод с неким третьим текстом — носителем того тождественного значения, которое предполагается перенести из источника в текст перевода. Отсюда следует парадокс <...>: хороший перевод может и должен

стремиться лишь к относительной равноценности источнику, ибо из-за отсутствия своего чёткого «эквивалента» эта равноценность никак не может быть полностью найдена и обоснована... А единственно возможная критика чужого перевода... состоит в том, чтобы предложить свой перевод, столь же сомнительный по своей удачности, но будто бы лучший или будто бы иной. И это как раз то, чем постоянно занимаются профессиональные переводчики» [там же, с. 6—7].

Из контекста лекции видно, что П. Рикёр вполне отдавал себе отчет, что качество перевода напрямую связано с текстотипами и их жанрами, хотя прямого указания на суть проблемы в его работе нет.

Отечественный учёный и профессиональная переводчица И.А. Алексеева, разрабатывая теорию «транслатологии текста», выявляет три ступени «меры переводимости» текстов различной типологии, которые она разносит соответственно по трём группам: группа I включает тексты с «высокой мерой переводимости», группа II включает тексты со «средней мерой переводимости», а группа III — соответственно тексты с «низкой/малой мерой переводимости» (см.: [Алексеева, 2008, с. 44—74]).

Впрочем, любая классификация «хромает». И.С. Алексеева, например, справедливо замечает, что «традиционно философский текст относится к наиболее сложным типам текста для письменного перевода, считается своего рода камнем преткновения для переводчиков». Но тем не менее в заключении она безапелляционно относит его «к разряду примарно-когнитивных, обладающих в принципе высокой мерой переводимости». Оговорка «в принципе» и фраза сомнения («ограничена она» может быть лишь степенью субъективности терминологии») [там же, с. 90—91], тем не менее, выдает, как нам кажется, внутренние сомнения автора в корректности своего вывода. А сомневаться есть в чём. Приведём, например, мнение К.А. Свасьяна — одного из переводчиков, а также автора комментариев и редактора переводов «умопомрачительной» монографии Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»: «Читатель, — пишет комментатор, — знакомый с оригиналом, сразу же согласится, что перевод “Заратустры” — вещь весьма условная. Это настоящая сатурналия языка, стало быть, языка не общезначимого, не присмирённого в рефлексии, а сплошь контрабандного, стихийного и оттого безраздельно тождественного со своей стихией <...> лучше всего охарактеризовало бы его то именно, что не подлечит в нём переводу, его непереводимость, именно, трехступенчатая непереводимость». К.А. Свасьян трактует как «непереводимые» в оригинале «лексико-семантический слой», «эвфонический слой» и «эвритмический слой» немецкого языка (подробнее см.: [Свасьян, 1990, с. 771—777]).

А.С. Пушкин почему-то жалуется: «Шишков, прости, не могу перевести!»

Яркий пример непереводимого текста — когнитивно-шуточного каламбура А.П. Чехова (который весьма предубеждённо относился к возможности перевода своих и других художественных произведений) под названием «Словотолкователь для барышень» приводится в статье «О метатрансляционных аспектах художественного перевода» [Мишкурин, 2010, с. 22].

И здесь, отдавая должное автору монографии, мы выражаем полное согласие с правильностью разнесения различных видов и жанров художественных произведений по группам переводимости — I, II, III [Алексеева, 2008, с. 70—71] с той оговоркой, что над многими из них частично или полностью нависает «мрак непереводимости».

Поверим советам В.Я. Брюсова, как переводить поэзию: «Переводчик обычно стремится передать лишь один или в лучшем случае два (большею частью, образы и размер), изменив другие (стиль, движение стиха, рифмы, звуки слов). Но есть стихи, в которых первенствующую роль играют не образы, а, например, звуки слов (“The bells” Эдгара По) или даже рифмы (многие из шуточных стихотворений). Выбор того элемента, который считаешь наиболее важным в переводимом произведении, составляет метод перевода» [Брюсов, 1995, с. 188—189], то есть «непереводимым» можно сознательно пренебречь.

Заметим также, что И.С. Алексеева все же прибегает к понятию «непереводимость», когда описывает переводные тексты (ПТ) «по степени объективной возможности передачи в них компонентов содержания ИТ». Согласно её классификации «вторичных текстов», «в первой группе окажутся тексты, где отсутствуют компоненты “непереводимости” (экзотизмы, реалии-меры и т.п.) и нет конфликта формы и содержания. Вторая группа будет представлена текстами, где компоненты непереводимости встречаются и при переводе в результате описательной (или транскрибирующей, но с пояснениями) передачи происходит увеличение объёма текста и доли когнитивной информации. Наконец, в третью группу войдут тексты, отмеченные неполнотой передачи компонентов содержания: из-за конфликта формы и содержания, из-за наличия большого числа интертекстуальных вставок или из-за вида перевода». Описывая конкретные случаи непереводимости, И.С. Алексеева констатирует: «...непереводимыми, то есть не имеющими лексического соответствия, считаются фрагменты текста, содержащие так называемые “ситуативные реалии”, концепты, отражающие свойственное данной культуре членение действительности; экзотизмы (куда в широком смысле относятся и реалии-меры, и реалии-деньги, и имена собственные, и междометия, и некоторые откля-

нения от литературной нормы языка, например, диалектизмы и др.). «Непереводимость» отмечается также в случаях «конфликта формы и содержания», например, в художественных текстах, где в конфликт могут вступить рифма и звукопись, синтаксический параллелизм и отдельные образы. Названные примеры касаются поэзии, и неслучайно именно поэтические тексты чаще всего в разные времена признавали непереводимыми» [Алексеева, с. 66—67 и др.].

Перечень «непереводимого» И.С. Алексеевой, дополненный «непереводимым» в монографии С.И. Влахова и С.П. Флорина «Непереводимое в переводе», помноженный на свидетельства профессиональных переводчиков о непереводимости текстов философских, теологических, а также разнообразных «языковых игр» [см.: Мишкурин, 2012 (а), с. 349—356; 2012 (б), с. 5—15], а также многочисленные научно-теоретические рефлексии на данную тему побуждают нас по-новому взглянуть на принцип «непереводимости», как на равноправный антитезис в апории «переводимость».

«Непереводимость» может квалифицироваться как «**нулевая переводимость**» текста или его фрагмента различной величины, если речь идёт о поиске «своих» средств «обходного маневра» для передачи в тексте перевода искомой информации (смысла) «чужого» путём описания внутренних и внешних комментариев, «свободного переложения» (как сказал бы Шлейермахер) или других «игровых протезов» — смысловых, формальных, звукоподражательных, фоноимитирующих и т.п.

Из практики перевода известно, что «нулевую переводимость» можно постулировать как **неотъемлемую часть** фактически любого оригинального текста на уровне его отдельных структур, их частей различной протяжённости — фраз, абзацев, сверхфразовых единств или их компонентов (слов, словосочетаний, фразеологизмов или их фрагментов) и т.д.

Следовательно, проблему «непереводимости» нельзя «смазывать» и более того — бесповоротно отринуть ни теоретически, ни практически.

Читатель перевода должен понимать, что граница между родным и иностранным языками существует, рассматривать его как феномен «языкового гостеприимства» — принятия «другого, удовольствия проживать в чужом языке и удовольствия принять в своём доме чужую речь», по остроумному выражению П. Рикёра. Можно также напомнить, что Х.Ф. Гельдерлину (1770—1843) — выдающемуся немецкому поэту и мыслителю, оказавшему огромное влияние на философский язык и стиль мышления знаменитого М. Хайдеггера, — пришлось «смириться с крушением своей амбициозной мечты, представлявшей ему как слияние немец-

кой и греческой поэзии в единую сверхпоэзию, в которой была бы устранена разница между идиомами». Переводчик должен помнить, — подчеркивал П. Рикёр, — что «работа над переводом, наравне с проблемами интеллектуальными, теоретическими или практическими, содержит в себе... проблему этическую» [Рикёр, 1998, с. 7].

В данном контексте нам представляется крайне удивительным то обстоятельство, что за прагматикой переводимости П. Рикёру всё же не удалось рассмотреть высокую философичность и романтизм «непереводимости».

Современная герменевтическая парадигма перевода позволяет снять «конфликт интерпретаций» и предоставляет широкий спектр средств перекодирования, преобразования, перевыражения, переложения и т.п. произведений любого типа и жанра без потери инвариантной смысловой инфраструктуры и своеобразия её когнитивно-аксиологической и эмоционально-экспрессивной рефлексии и апперцепции. Для примера приведём два перевода, выполненных в разной герменевтико-эквивалентной манере, но реализующих в полной мере своё художественно-эстетическое и культурно-познавательное предназначение — 49-й сонет Шекспира в трактовке С. Маршака и стихотворение самого Маршака в переводе У. Мея.

W. Shakespeare

Against that time, if ever that time come,
When I shall see thee frown on my defects
When as thy love hath cast his utmost sum,
Called to that audit by advis'd respects;
Against that time when thou shalt strangely pass,
And scarcely greet me with that sun, thine eye,
When love, converted from the thing it was,
Shall reasons find of settled gravity;
Against that time do I ensconce me here,
Within the knowledge of mine own desert,
And this my hand, against myself uprear,
To guard the lawful reasons on thy part:
To leave poor me thou hast the strength of laws,
Since why to love I can allege no cause.

С. Маршак

В тот чёрный день (пусть он минует нас!),
Когда увидишь все мои пороки,
Когда терпенья истожишь запас
И мне объявишь приговор жестокий,
Когда, со мной сойдясь в толпе людской,
Меня едва подаришь взглядом ясным
И я увижу холод и покой
В твоём лице, по-прежнему прекрасном, —
В тот день поможет горю моему
Сознание, что я тебя не стою,
И руку я в присяге подниму,
Всё оправдав своей неправотою.
Меня оставить вправе ты, мой друг,
А у меня для счастья нет заслуг.

Анализируя перевыражение 49-го сонета Шекспира С. Маршаком, мы хотим обратить внимание на следующие сопутствующие теоретические положения, касающиеся проблемы гомологического и алломорфического соответствия текста перевода тексту оригинала. Известно, что практическая недостижимость абсолютного тождества текста перевода тексту оригинала осознавалась ещё первыми переводчиками, понимавшими, что в переводе сталкиваются асимметричные системы. Скорее, следует говорить о некотором подобии образа прообразу при известном упрощении и изменении

системы смыслов, заключённых в оригинале, т.е. об отношении гомоморфизма. На практике следует признать отношения между ИТ и ПТ, рождающиеся в процессе его перевода, гомоморфными можно только с известной долей условности. Другими словами, должно быть все то, что есть в тексте перевода. Но из реальной переводческой практики хорошо известны примеры, когда система смыслов, заключённая в тексте перевода, не только утрачивает отдельные смыслы ИТ, но и дополняется новыми, привнесёнными в процессе перевода. В этом случае отношение между интерпретируемой системой смыслов и интерпретирующей движется в сторону алломорфизма. Как изоморфные можно охарактеризовать отношения между оригиналом и переводом при переводе поэзии [Гарбовский, 2004, с. 244—245]. Л.С. Бархударов, говоря о переводе на уровне текста, приводил пример вышеприведённого перевода С. Маршаком 49-го сонета У. Шекспира, в котором эквивалентными оказываются лишь три слова и ни одно предложение оригинального текста, взятое изолированно от текста, неэквивалентно ни одному предложению русского варианта. Но «несмотря на отсутствие соответствий между их частями, русское стихотворение в целом может считаться эквивалентным английскому, ибо оба они передают, в основном, одну и ту же смысловую и художественную информацию» [Бархударов, 1975, с. 184—185]. С. Маршак, комментируя свою переводческую деятельность, утверждал, что он не переводит, а преобразует оригинал. То есть его творческий подход можно вполне определённо охарактеризовать словами Жуковского: «Переводчик прозы — раб, переводчик поэзии — соперник».

Обратную картину мы наблюдаем при переводе стиха С. Маршака «Усердней с каждым днем...» на английский язык, выполненный Уолтером Мейем, ср.:

I probe the dictionary deeper every day, Beneath its columns sparks of feeling gleam. Within its wordy vaults art gropes its way, With secret torch flicks on its frequent beam.	Усердней с каждым днем гляжу в словарь. В его столбцах мерцают искры чувства. В подвалах слов не раз сойдет искусство, Держа в руке свой потайной фонарь.
Upon each word events have stamped their gauge. And not for naught words yielded man reply. I read: "An age. Of ages. Last an age. Reach ripe old age. Too young an age to die.	На всех словах — события печать, Они дались не даром человеку. Читаю: «Век. От века. Вековать. Век доживать. Бог сыну не дал веку.
A ruthless age, an age of tooth and nail." In words ring blame and rage, and conscience cries. No, not a dictionary page before me lies, It is an ancient fragmentary tale.	Век заедать, век заживать чужой...» В словах звучит укор, и гнев, и совесть. Нет, не словарь лежит передо мной, А древняя рассыпанная повесть.

В отличие от перевода С. Маршака его стих был переведён У. Мейем с оптимально возможным гомологичным соответствием,

говоря словами Э. Бенвениста. Данный перевод выполнен с учётом строфической организации, совпадением числа строк, метра и размера, чередованием рифм и их характером. Смысловый контент, лексико-фразеологический и идиоматический состав ИТ и ПТ близки по своим семантико-стилистическим признакам. В целом считаем, что данный перевод отличается высокой степенью герменевтической эквивалентности.

Можно конечно и «эквивалентно пошутить», передавая звучание и мысль, рифму и разум, как поступил В.В. Набоков в последних строках своей английской поэмы “An Evening of Russian Poetry”:

Bessonitza, tvoy vzor oonyl i strashen;
Lubov moya, otstupnika prostee.
(Insomnia, your stare is dull and ashen,
My love, forgive me this apostasy).

И всё-таки при переводе, как говорил Гёте, следует добираться до непереводаемого, и только тогда можно по-настоящему познать чужой народ и чужой язык!

* * *

Вместо преждевременных выводов по заявленной концептуальной проблеме — «герменевтический поворот» в современной науке о переводе позволим себе только «проанонсировать тезис о том, что сводный системно-синергетический анализ достоинств и недостатков, известных на сегодняшний день «традиционных» и «инновационных» моделей перевода, которые, скорее всего, найдутся между собой в отношениях дополнительной дистрибуции, можно эффективно провести в настоящее время только в рамках репрезентативной «переводческой картины речевой деятельности» — герменевтической парадигмы перевода.

Список литературы

- Автономова Н.С. Интерпретация и перевод — современные проблемы эпистемологии // *Философия познания. К юбилею Л.А. Микешинной: Сб. статей.* М.: РОССПЭН, 2010. С. 112—121.
- Автономова Н.С. Философия и филология (О российских дискуссиях 90-х годов) / http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=15148&binn_rubrik_pl_articles=121 13 с. [05.11.12].
- Азаренко С.А. Интерпретация // *Современный философ. словарь.* М.; Бишкек; Екатеринбург: Глав. ред. Кыргыз. энц., изд-во «Одиссей». 1996. С. 222—227.
- Алексеева И.С. Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008. С. 90—91.
- Артамонова Ю.Д. Интерпретация // *Словарь филос. терминов.* М.: ИНФРА-М, 2007. С. 205—206.

- Артемяева Т.В., Микешин М.И.* Перевод времени, или непереводаемая игра понятий // *Философия познания. К юбилею Л.А. Микешинной: Сб. статей.* М.: РОССПЭН, 2010. С. 194—211.
- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Брюсов В.* Избр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1955.
- Влахос С.И., Флорин С.П.* Непереводаемое в переводе. 3-е изд., испр. и доп. М.: Р. Валент, 2006. 448 с.
- Войниканис Е.А.* Проблема сознания в философии позднего Витгенштейна и современное правовое мышление // *Философия сознания: история и современность: Мат-лы науч. конф., посвящ. памяти А.Ф. Грязнова.* М.: Современные тетради, 2003. С. 339—352.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Гарбовский Н.К.* Герменевтический аспект перевода // *Тр. Высшей школы (ф-та) Моск. ун-та. Кн. 1, 2005—2010 гг.* М.: ВШП МГУ, 2010. С. 112—122.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Герменевтические аспекты перевода / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. Теория перевода. М.: Восток—Запад, 2006. С. 172—199.
- Ивин А.А.* Понимание // *Философия. Энциклопед. словарь.* М.: Гардарики, 2006. С. 663—665.
- Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
- Кузнецов Е.Г.* Понимание текстов // *Словарь филос. терминов.* М.: ИНФРА-М, 2007. С. 427—430.
- Локтионова В.Г.* Герменевтический аспект перевода // http://webcache.googleusercontent.com/search?client=safari&rls....pdf%2Вгерменевтика+перевода&oe=UTF-8&redir_esc=&hl=ru&ct=clnk 5 с. [18.05.12].
- Микешин Л.А.* Философия познания. Полемиические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
- Миронов В.В.* Философия: Учебник. М.: Проспект, 2006. 240 с.
- Михайлов А.В.* Вместо введения. I. От переводчика читателям. С эпиграфами ко всей книге // Хайдеггер М. Избр. тексты. М., 1993. <http://anthropology.rinet.ru/old/library/hdg-izb-vstup.htm>
- Мишкурин Э.Н.* (а) Переводческая интроспекция «языковых игр» в поливекторных дискурсах // *Русский язык и культура в зеркале перевода. Мат-лы III Международной научно-практич. конф. (25—29. IV.2012): Греция (Салоники).* М.: ВШП МГУ, 2012. С. 456—468.
- Мишкурин Э.Н.* (б) Язык, «языковые игры» и перевод в современном лингвофилософском и лингвокультурологическом освещении // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода.* 2012. № 1. С. 5—15.
- Мишкурин Э.Н.* О метатрансляционных аспектах художественного перевода // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода.* 2010. № 3. С. 17—26.
- Мишкурин Э.Н.* История арабоязычной переводческой традиции: начало пути (VIII—XIII вв.) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода.* 2008. № 2. С. 3—17.
- Нестерова Н.М.* (а) Оригинал и перевод: проблема межтекстовых отношений // *Languages & Literatures / Тюменский гос. ун-т (ф-т романо-германской филологии).* № 22. <http://frgf.utmn.ru/mag/22/41> [16.11.12]. 9 с.
- Нестерова Н.М.* (б) Наука о переводе: герменевтика vs деконструктивизм // УДК.801.73: Статья, представленная в редакцию журнала «Филол. науки» (8.02.2005). С. 235—238.
- Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современ. литератор, 2007. 816 с.
- Пружинин Б.И., Шедрина Т.Г.* Наука и её язык (философско-методологические рассуждения) // *Философия познания. К юбилею Л.А. Микешинной.* М.: РОССПЭН, 2010. С. 96—111.
- Рикёр П.* Парадигма перевода. Лекция, прочитанная на факультете протестантской теологии в Париже в октябре 1998 г. / Пер. М. Эдельман. <http://www.belpaese2000.narod.ru/Trad/ricoeur.htm> [18.09.12]. 10 с.
- Свасьян К.А.* Примечания // *Ф. Ницше. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Пер. Ю.Н. Антоновского.* Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 770—777.
- Сдобников В.В., Петрова О.В.* Теория перевода. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 448 с.
- Сорокин Ю.А.* Перевод и его телеологические рамки [Текст] // *Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы.* Волгоград: Перемена, 1998.
- Философия познания. К юбилею Л.А. Микешинной: Сб. статей. М.: РОССПЭН, 2010. 663 с.
- Философия. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2006. 1072 с.
- Garbovsky N., Kostikova O.* Science of Translation Today: Change of Scientific Paradigm // *Meta. Vol. 57, n° 1 (Montréal).* Mars 2012. P. 48—66.
- Palmer, R.* Gadamer's recent work on language and philosophy: On "Zur Phänomenologie von Ritual und Sprache" // *Continental Philosophy Review.* 2000. No 33. P. 381—393 (2000 Kluwer Academic Publishers. Netherlands).
- Shi A.* Hermeneutics and Translation Theory. <http://www.translationdirectory.com/article115.htm> [22.09.12]. 7 p.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

И.И. Валуйцева,

доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета; e-mail: irinaiv-v@mail.ru,

Г.Т. Хухуни,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; e-mail: khukhuni@mail.ru

ВОЗМОЖЕН ЛИ ПЕРЕВОД ПРИ ДИГЛОССИИ?

В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с применением понятия «перевод» в ситуации диглоссии. Отмечается, что решение указанного вопроса в значительной степени зависит от дефиниции диглоссии. Не вполне однозначным в определённых случаях оказывается и применение термина «перевод». Исходя из коммуникативной функции языка, представляется целесообразным рассматривать подобные случаи как особый вид «межидиомной» трансформации, отношение которой к собственно межъязыковой передаче может быть достаточно сложным.

Ключевые слова: перевод, диглоссия, идиом, язык, внутриязыковой, трансформация.

Irina I. Valuytseva,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of the Theory of Language and Applied Linguistics, Moscow State Regional University, Russia; e-mail: irinaiv-v@mail.ru,

Georgy T. Khukhuni

Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of the Theory of Language and English Studies, Moscow State Regional University, Russia; e-mail: khukhuni@mail.ru

Diglossia: Is Translation Possible?

The present paper deals with some aspects of using the notion “translation” in the case of diglossia. It is noted that a solution to this problem often depends on the definition of diglossia itself that differs widely in linguistics. The same holds true for the term “translation.” Taking into account the communicative function of language, it may be justified to treat such cases as a special form of interidiom transformation whose relation to interlingual translation as such may be rather complex.

Key words: translation, diglossia, idiom, language, intralingual, transformation.

В классическом учебнике А.В. Фёдорова, положившем начало разработке лингвистической теории перевода в отечественной традиции, обращает на себя внимание следующее положение. Характеризуя понятие перевода, автор указывает, что «перевести — значит

выразить верно и полно средствами *одного языка*, то, что уже выражено ранее средствами *другого языка*» [Фёдоров, 1968, с. 10]. Однако далее, рассматривая виды перевода, А.В. Фёдоров отмечает, что перевод может осуществляться и «с *литературного языка на его диалект, с диалекта на литературный язык...*» [там же, с. 11] (курсив наш. — *И.В., Г.Х.*).

Спорить с последним утверждением, поскольку речь идёт о *практике общения*, не приходится — случаи, когда диалект и литературная (стандартная) формы языка (либо диалекты по отношению друг к другу) настолько сильно расходятся, что возникает потребность в межкоммуникативном посредничестве, общеизвестны. Более того, в истории известны случаи, когда «диглоссийные переводчики» приобретали официальный статус. Так, в работе В.М. Жирмунского упоминается о случае, относящемся к XVI столетию, когда французский король Франциск I «обращается к совету швейцарского города Солотурна с просьбой прислать ему опытного человека, который мог бы переводить королю различные диалекты немецких князей и городов. Совет посылает ему “доброе и честное человека” Пьера Шамбрие, чтобы переводить королю письма, получаемые из различных частей Германии, сперва на “общий немецкий язык” (gemeine Deutsch), а затем уже на французский» [Жирмунский, 1936, с. 231—232]. Ср. также используемое иногда по отношению к швейцарской идиоме (Schwizertütsch) понятие «полуязыка» (Halbsprache) или «культурного диалекта» (Kulturdialekte) [Клюева, 1999, с. 30]. Именно в плане наличия/отсутствия необходимости подобного посредничества противопоставлял русский и немецкий языки М.В. Ломоносов: «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургского швабского, хотя все того ж немецкого народа» [Ломоносов, 1980, с. 397].

Следует заметить, что упомянутая великим учёным «вразумительность» русских диалектных форм при «межидиомном» общении иногда бывает относительной. В качестве примера приведём выражение из псковского диалекта: «пахать шум бредовой метлой», т.е. «мести сор метлой из ивовых прутьев» [Откупщиков]. Различия могут иметь место не только на лексическом, но и на фонетическом и синтаксическом уровнях языка.

Однако для целей настоящей статьи существен другой вопрос — можно ли считать подобные случаи *переводом*? С одной стороны, процесс преобразования/трансформации языковой формы здесь присутствует; с другой — о межъязыковой коммуникации в соб-

ственном смысле слова речь в подобных случаях не идёт. Таким образом, как показывают приведённые примеры, само понятие «перевод» требует определённого уточнения.

Здесь следует упомянуть классификацию Р.О. Якобсона, предлагающую, наряду с межъязыковым и межсемиотическим, выделять и *внутриязыковой перевод (intralingual translation)*, или *переименование (rewording)*, который определяется как «интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка» [Якобсон, 1985, с. 362]. Однако более внимательный взгляд различает, что в указанной работе имеется в виду преобразование *внутри* одной и той же формы существования языка (в данном случае стандартной) — «при внутриязыковом переводе используется либо слово, более или менее синонимичное первому, либо парафраза» [там же, с. 362], тогда как описанные выше случаи выходят за её пределы.

За коммуникативными ситуациями вышеуказанного типа закрепилось понятие *диглоссии*, что делает понятным и вопрос, сформулированный в заглавии предлагаемой статьи. Но и этот термин не является вполне однозначным.

Так, в «Словаре социолингвистических терминов» имеется следующая дефиниция: «1. *Д.* внутриязыковая — владение разными подсистемами (как правило, территориальным диалектом и литературной формой языка) данного национального языка и использование их в зависимости от ситуации или сферы общения... 2. Реже под *Д.* понимается владение разными языками, но в отличие от билингвизма *Д.* в этом понимании обозначает владение двумя подсистемами различных национальных языков, каждая из которых используется только в определённой сфере общения» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 59—60].

Если обратиться к одному из наиболее популярных (хотя и не всегда отвечающих требованиям строгой научности) справочных интернет-изданий — англоязычной «Википедии», то диглоссия определяется там как “a situation in which two dialects or usually closely related languages are used by a single language community” [Diglossia]. Русская версия «Википедии» даёт несколько иную дефиницию: «...Особый вариант билингвизма, при котором на определённой территории или в обществе сосуществуют два языка или две формы одного языка, применяемые их носителями в различных функциональных сферах» [Диглоссия]. Несмотря на близость процитированных формулировок друг к другу, обращает на себя внимание один немаловажный момент. Английский текст, поскольку речь идёт о *разных языках*, подчёркивает, что обычно они являются *близкородственными* (т.е. грань между ними и диалектами оказывается достаточно тонкой), тогда как в русской версии указанное ограничение отсутствует. Именно такое понимание от-

ражено в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Компонентами диглоссии могут быть разные языки (например, французский и русский в дворянском обществе России XVIII в.)...» [Виноградов, 1990, с. 136]. В работе Н.Б. Мечковской утверждается: «Диглоссную ситуацию могут образовывать как родственные, так и неродственные языки», — хотя при этом отмечается, что «для диглоссии характерна функциональная иерархия языков, похожая на взаимоотношения “высокого” и “обиходного” стилей; при этом ситуация и сферы их употребления достаточно строго разграничены. Вот почему русско-французское двуязычие дворянской аристократии в России конца XVIII — первых десятилетий XIX в., как и сосуществование латыни и народных языков в средневековой Европе, — это не диглоссные ситуации» [Мечковская, 2000, с. 109—110].

Приведённое различие в трактовке диглоссии, на наш взгляд, носит принципиальный характер. В первом случае (*two dialects or usually closely related languages*) в чисто коммуникативном плане перевод, как таковой, может просто не требоваться, поскольку расхождение не исключает взаимопонимания. Вторая формулировка предполагает, что отказ от перевода будет носить принципиально-осознанный характер (недопустимость смешения того, что принадлежит разным сферам).

Данные соображения могут показаться сугубо теоретическими, а возможно, в какой-то степени схоластическими. Однако в ряде случаев отмеченная двойственность понимания терминов «перевод» и «диглоссия» может оказаться весьма существенной при решении ряда социолингвистических и лингвокультурных проблем.

Сказанное можно проиллюстрировать научной дискуссией, касавшейся языковой ситуации Киевской Руси. Речь идёт о предложенной Б.А. Успенским концепции, согласно которой указанная ситуация носила именно диглоссийный характер, и критике её рядом учёных, наиболее ярко представленной в работах М.И. Шапира. Следует подчеркнуть, что в предлагаемой статье мы рассматриваем только «переводческой» аспект данной проблемы, не касаясь собственно славистической стороны полемики.

Приведём мнение Б.А. Успенского: «Поскольку при диглоссии два языка воспринимаются как один, а контексты их употребления характеризуются дополнительным распределением (практически не пересекаются), перевод с одного языка на другой оказывается в этих условиях принципиально невозможным... в этих условиях невозможно функционирование соотносящихся друг с другом параллельных текстов с одним и тем же содержанием... Сказанное может быть проиллюстрировано как невозможностью перевода сакрального текста на разговорный язык, так и невозможностью обратного перевода, т.е. перевода на книжный язык текста, пред-

полагающего не книжные средства выражения» [Успенский, 1994, с. 7]. На этом основании делается вывод, что «члену языкового коллектива свойственно воспринимать сосуществующие языковые системы как *один язык*, тогда как для внешнего наблюдателя (включая сюда и исследователя-лингвиста) естественно в этой ситуации видеть *два разных* языка. Таким образом, если считать вообще известным, что такое разные языки, диглоссию можно определить как такую языковую ситуацию, когда два разных языка воспринимаются (в языковом коллективе) и функционируют как один язык» [там же, с. 6].

Возражая против подобной трактовки, М.И. Шапир писал: «Согласно Б.А. Успенскому, “не существует никаких переводов с церковнославянского на русский и с русского на церковнославянский или вообще каких-либо параллельных текстов на этих языках с одним и тем же содержанием”... Но как, в таком случае, интерпретировать те нередкие в летописях, мемуарах и эпистолярной литературе места, где устные высказывания и даже диалоги исторических лиц переданы по-церковнославянски..?» [Шапир, 1989]. В более поздней статье, развивая свою мысль, исследователь констатирует: «В древнерусских летописях нередки места, где монологи и диалоги исторических лиц переданы по-церковнославянски. Либо речи героев воспроизведены точно, и тогда церковнославянский был языком разговорного общения..., либо они славянизированы, и это значит, что “одинаковое” содержание выражалось разными способами и “переводилось” с языка на язык... В любом случае “параллельные тексты” на двух “языках” существовали. Например, слова Феодосия Печерского в летописи даны по-русски, в житии — по-церковнославянски» [Шапир, 1997]. Возражает он и против ссылки на то, что «воспринимается» членами языкового коллектива: «За редкими исключениями остается неverified и апелляция Б.А. Успенского к “языковому сознанию” древнерусских авторов... Методологически порочным кажется мне уже само желание объяснить более понятное и явное, а именно особенности средневековой письменности, через менее понятное и неявное, то есть через языковое сознание» [там же].

Комментируя оба сформулированных выше подхода, можно отметить следующее. Позиция Б.А. Успенского представляется — если говорить не только и не столько о специфической древнерусской ситуации, сколько о диглоссии в целом — несколько спорной. Во-первых, тезис о том, что при диглоссии *в принципе* невозможен какой бы то ни было перевод идиомы с одного языка на другой, не вполне соответствует реальности. Во-вторых, если даже признать, что постулат учёного об отсутствии переводов в собственном смысле слова с церковнославянского на русский (и наоборот)

справедлив, его можно объяснить и чисто коммуникативным фактором — тем, что соответствующие тексты, «будучи формально “иноязычными”, по существу не требовали перевода» [История русской литературы, 1980, с. 37]. Впрочем, если следовать гипотезе Н.С. Трубецкого (правда, не разделяемой большинством лингвистов), их и формально нельзя считать иноязычными, поскольку распад общеславянского языка датировался учёным уже послеписьменной эпохой: «Концом общеславянской эпохи я считаю XII век...» [Письма и заметки Н.С. Трубецкого, 2004, с. 2]. С французским по отношению к русскому или латынью по отношению к народным языкам ситуация выглядит принципиально иной (ср. приведённое выше замечание Н.Б. Мечковской).

Что касается позиции М.И. Шапира, то приводимые им примеры относятся не к цельным текстам, а фрагментам из них, к тому же передающим якобы прямую речь, что также делает постулируемое им положение излишне категоричным. Не говорим уже о том, что предположение, будто в древних письменных памятниках «речи героев воспроизведены точно» (да ещё в плане адекватной передачи языковой формы!) носит явно полемический характер. Скорее всего, это положение просто призвано опровергнуть положение Б.А. Успенского, согласно которому церковнославянский язык не употреблялся в качестве разговорного, путём своего рода *reductio ad absurdum*.

Поскольку подобные проблемы могут возникать и при рассмотрении других языковых ситуаций (как в диахроническом, так и в синхроническом аспекте), постольку считаем необходимым высказать несколько соображений по рассматриваемому вопросу, не претендуя на его окончательное разрешение.

Во-первых, сам термин «диглоссия» требует более точного определения, что позволит в некоторой степени исключить недоразумения, вызываемые его неоднозначным пониманием. С нашей точки зрения, целесообразно к исходному значению, предложенному Ч. Фергюссоном: «...“Две или более разновидностей одного и того же языка, используемые некоторыми говорящими при различных обстоятельствах” или, точнее, “две разновидности языка, сосуществующие в данном коллективе, каждая из которых играет определённую роль”» [Швейцер, с. 116]. Подобное понимание исключает возможность трактовать в терминах диглоссии случаи явного билингвизма типа отмеченных выше (латынь // народные языки в средневековой Европе, русский // французский в дворянской среде XVIII—XIX столетий, среднеанглийский // нормано-французский после нормандского завоевания и т.п.) и тем самым позволит чётче определить предмет исследования. Иными словами, компонентами диглоссии являются разные *идиомы*, образующие

данную социально-коммуникативную систему, но они не рассматриваются как разные *языки*. Поэтому утверждение, что диглоссия представляет собой «особый вид несбалансированного двуязычия» [Мечковская, 2000, с. 108], на наш взгляд, терминологически не вполне удачно. Остальные факторы (функциональное распределение, неравноправие и т.п.), при всей их важности, рассматриваются как дополнительные моменты, поскольку в принципе они могут иметь место и при билингвизме.

Во-вторых, уровень *коммуникативной близости* идиомов может быть различным, что и определяет необходимость передачи с одного из них на другой в процессе общения или, напротив, отсутствие подобной необходимости. Не лишено основания и утверждение, согласно которому «понимание или непонимание — это не абсолютные понятия, а относительные: всегда существует *степень* понимания» [Вахтин, Головки, 2004, с. 44].

В-третьих, не отрицая трудностей, связанных с критерием «языкового сознания» (особенно в диахроническом аспекте), о чём говорится в приведённом выше рассуждении М.И. Шапира, приходится признать, что отказ от него вряд ли возможен. Именно оно (вместе с явлениями этнополитического порядка) нередко является определяющим фактором разграничения понятий «язык»/«диалект», когда собственно лингвистические критерии оказываются недостаточными. Наглядным примером может служить, в частности, судьба сербохорватского языка в государствах бывшей Югославии, где «языковым» статусом после распада страны наделили не только хорватский, но и боснийский с черногорским, традиционно рассматривавшиеся как диалекты. При этом реальная потребность в собственно переводах — если не считать разницы в системах письма — здесь в ближайшее время вряд ли возникнет.

В-четвёртых, представляется целесообразным — для ответа на поставленный в заглавии данной статьи вопрос — уточнить понятие внутриязыкового перевода. Предлагается дополнить формулировку Р.О. Якобсона указанием на то, что названный вид перевода может быть как «внутриидиомным», так и «междиомным». В первом случае трансформация осуществляется посредством знаков, принадлежащих к той же форме существования языка (именно так, трактуется данный термин у Р.О. Якобсона). Во втором случае знаки относятся к разным идиомам (диалект — литературный язык, две формы одного литературного языка, два диалекта и т.п.), но последние рассматриваются как *части единой языковой системы*. Причём при «междиомной» трансформации текст может преобразовываться не в меньшей степени, чем при межъязыковой, т.е. приближаться к собственно переводу.

Список литературы

- Вахтин Н.В., Головки Е.В. Социоллингвистика и социология языка: Учеб. пособие. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2004. 236 с.
- Виноградов В.А. Диглоссия // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136.
- Диглоссия [Электронный ресурс]. [Сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E8%E3%EB%EE%F1%F1%E8%FF> (дата обращения: 21.11.2012).
- Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Л.: Гослитиздат, 1936. 297 с.
- История русской литературы X—XVII веков: Учеб. пособие / Под ред. Д.С. Лихачева. М.: Просвещение, 1980. 458 с.
- Клюева Т.В. Швейцария. Люксембург. Лихтенштейн: Учеб. пособие по страноведению на немецком языке. М.: НВИ — Тезаурус, 1999. 90 с.
- Ломоносов М.В. Избранная проза. М.: Сов. Россия, 1980. 512 с.
- Мечковская И.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с.
- Откупщиков Ю.В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии [Электронный ресурс]. [Сайт]. URL: <http://profismart.ru/web/bookreader-140172-16.php> (дата обращения: 21.11.2012).
- Письма и заметки Н.С. Трубецкого. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
- Словарь социоллингвистических терминов. / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. Институт языкознания; Институт иностранных языков. М., 2006. 312 с.
- Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
- Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Для институтов и факультетов иностранных языков: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1963. 303 с.
- Шапир М.И. [Рец.]. Б.А. Успенский, Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 239 с. (Язык; Семиотика; Культура). // Philologica 4 (1997). [Электронный ресурс]. [Сайт]. URL: http://www.rvb.ru/philologica/04rus/04rus_uspenskiy.htm (дата обращения: 21.11.2012).
- Шапир М.И. Теория «церковнославянско-русской диглоссии» и её сторонники (По поводу книги Б.А. Успенского История русского литературного языка (XI—XVII вв.)). // Russian Linguistics 13 (1989). [Электронный ресурс]. [Сайт]. URL: <http://danefae.org/djvu/diglossia.htm> (дата обращения: 21.11.2012).
- Швейцер А.Д. Современная социоллингвистика: теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1976. 176 с.
- Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.
- Diglossia [Электронный ресурс]. [Сайт]. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Diglossia> (дата обращения: 21.11.2012).

Л.А. Манерко,

доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: wordf2000@yahoo.com

СТРУКТУРЫ ЗНАНИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

В статье раскрываются вопросы, связанные с выявлением знаний и их структур в двух основных типах дискурса — дискурсе художественного произведения и академическом дискурсе. Автор уделяет внимание не только разнице между двумя типами дискурса, но и показывает, что понятие дискурса отличается от понятия текста. Дискурс рассматривается им как динамическая система речемыслительной деятельности человека.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, функциональный подход, текст, дискурс, тип дискурса, знание, структуры знания, дискурс художественного произведения, академический дискурс.

Larisa A. Manerko,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of the Theory and Practice of Teaching the English Language, Higher School of Translation and Interpretation of Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: wordf2000@yahoo.com

Knowledge Structures Embodied in Fictional and Academic Discourse

Issues related to the identification of knowledge and its structures are discussed in the article in connection with the study of two types of discourse: fictional and academic. The author focuses on the difference between these two types on the basis of the notions “text” and “discourse.” Discourse is presented as a dynamic system of speech and a human being’s cognitive activity.

Key words: cognitive linguistics, functional approach, text, discourse, type of discourse, knowledge, knowledge structures, fictional discourse, academic discourse.

1. Вводные замечания. Знание и языковая деятельность человека

В последние десятилетия, в связи с развитием когнитивно-коммуникативного направления в лингвистике, мы все чаще возвращаемся к истокам понимания человеческого мышления и познания, знания и значения, языка и коммуникации. Мы пытаемся увидеть то ценное, что может подвести нас ближе к представлению знания, связав его с не менее важными явлениями языка и речи. Еще философия Платона в ранний период строилась на восхвалении знания как неизменного гимна разуму. Древнегреческий философ указывал: «Знание есть прекрасное и ему свойственно управлять человеком» [Платон, 1999, с. 352].

Опираясь на точку зрения Платона и показывая иной подход в понимании знания на протяжении истории человеческой мысли, учёные последующих поколений и новых времен рассматривали знание в зависимости от уровня развития науки, связывали его изучение «с переломными этапами человеческой истории». Подобные преобразования означали «трансформацию не только образа человеческого мира, но и продуцируемых им типов личности, их отношения к действительности, их ценностных ориентаций» [Стёпин, 2002 (2), с. 151]. Если в период *классической* науки внимание исследователей акцентировалось на отношении объекта и знания, на поисках истинности как ценности познания, то в период *неклассической* науки на первый план выдвигалось отношение между субъектом и объектом познания, признавался относительный характер истины. В *постнеклассический* период рациональности знание понимается не только как проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой результат процесса познания, находящий адекватное их отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий, но и учитывается «соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами» [Стёпин, 2002 (1), с. 634]. В этот период происходит трансформация средств познания в систематическое производство для их дальнейшего применения в индивидуальной и коллективной научной деятельности, когда становится возможным качественное развитие эмпирического опыта во многообразии существующих теорий в рамках одной парадигмы научного знания или в полипарадигмальной системе научных координат. Нетрудно заметить, что сущность знания меняется настолько, что данное понятие оказывается довольно трудно описать, учтя все его особенности. Вместе с тем следует согласиться и с мнением специалиста в области психолингвистики А.А. Залевской, которая отметила, что «до настоящего времени не имеется единой и непротиворечивой классификации знаний, выделяемых по разным (нередко пересекающимся) основаниям. Это объясняется сложностью рассматриваемого феномена» [Залевская, 2009, с. 14].

Осмысление и объяснение информации происходит на основе конкретной практической деятельности, причём для человека характерен творческий подход в понимании и разработке новых образов мира через разнообразные виды знания. Конкретный индивид, группа людей или некоторое лингвокультурное сообщество создают свою собственную картину мира, осмыслив поступающую информацию и сделав её знанием, эффективно используемым в конкретной деятельности. Специализированное (в том числе научное, лингвистическое, религиозное и др.) знание рассматрива-

ется как одна из составляющих мышления человека, где важным всегда признавалось логико-рациональное познание, существенно влияющее на процессы представления и описания знания в конкретной деятельности людей. Вместе с тем учёные также доказывают, что научное как разновидность специализированного знания также опирается на обыденное мышление индивида и человеческий фактор. Построение лингвистического, научного и других видов знания на новом этапе развития языкознания предполагает создание единой теории языка и мышления, строящейся на антропологических началах. Описание специализированного знания опирается на социокультурные, исторические и ситуативные условия его использования [Манерко, 2006 (1), с. 17].

Специалисты в области науки о языке подчёркивают мысль о том, что знание отличается от информации, понимание знания и структур сознания оказывается чрезвычайно важным в описании языковой деятельности человека. Мысль о том, что рассмотрение взаимосвязи языка и знания является необычайно сложной областью изучения, отмечают как отечественные, так и зарубежные учёные. Следует привести точку зрения Б. Джозефсона и Д. Блэра, которые указывают, что «наука, имеющая объектом своего изучения естественный язык, должна рассматриваться, по крайней мере, в трех иерархических плоскостях: а) язык и разум (знание); б) знание и структуры сознания (категоризованная информация и концепты); в) информация и знак (общесемиотическая система значения), не забывая при этом, что адекватное понимание объекта достижимо при *целостном подходе к языку*» [Josephson, Blair, 1982, с. 11]. Указанные аспекты, отмеченные зарубежными лингвистами, перекликаются с точкой зрения Е.С. Кубряковой. Она подчёркивает, настолько серьёзной является разработка проблемы взаимоотношений языковой деятельности и знания, при этом она акцентирует внимание на том, что языковед должен изучать именно язык, языковые средства и на их основе, показывать то, как они функционируют в речемыслительной деятельности человека. Через языковые выражения определяется выраженное в них знание о мире действительности. Она также указывает, что систему языка следует понимать как проекцию «познанного человеком, как рефлекс его размышлений о мире и о языке, как совокупность средств, служащих описанию всего этого. Знание о языке и знание языка предполагает выделение разных единиц и категорий как составляющих системы. Они опосредуют его роль (т.е. языка. — Л.М.) в понимании мира и в фиксации структур опыта и знаний, мнений и оценок, в их хранении и возможности оперирования ими в сознании человека» [Кубрякова, 2004, с. 22—23].

2. Основы описания текста

Так как внимание современной лингвистики направлено не только на сам язык, но и прежде всего на исследование речемыслительной деятельности, то следует напомнить, что в России основы изучения ораторского искусства (то есть риторики) были заложены одним из первых отечественных деятелей науки, М.В. Ломоносовым. Он ясно осознавал необходимость развития наук и появления учёных нового поколения. Это процесс невозможен без создания учебников и руководств, способствующих приумножению знаний во всех сферах деятельности человека. Особое внимание он уделил риторике как науке «о всякой предложенной материи красно говорить и писать, то есть *оную избранными речьми представлять и пристойными словами изображать* на такой конец, чтобы слушателей и читателей о справедливости её удостоверить. Кто в сей науке искусен, тот называется ритор» [Ломоносов, с. 23]. М.В. Ломоносов отмечал, что хорошего («совершенного») оратора отличает глубокое знание во многих науках, он писал об этом так: «И для того, кто желает быть совершенным ритором, тот должен обучиться *всем знаниям и наукам*, а особливо истории и нравоучительной философии» [Ломоносов, с. 24]. Умение правильно говорить и писать является исключительной особенностью оратора, он неоднократно подчёркивал, что говорящий или пишущий должен глубоко разбираться в том ремесле, о котором он решил сказать или написать. По этому поводу он указывал: «Материя риторическая есть все, о чем говорить и писать можно, то есть все известные вещи на свете, откуда ясно видеть можно, что *ритор, который большее познание имеет настоящего и прошедшего света*, то есть искусен во многих науках, тот изобильнее материи имеет к своему сладкоречию» [Ломоносов, с. 23].

Важной для современных учёных является мысль М.В. Ломоносова о том, что среди разнообразных произведений следует выделять их разновидности в соответствии с их характеристиками. В своем «Кратком руководстве по риторике» он предложил подразделить создаваемые произведения на поэтические и прозаические, сопроводив каждое чётким выделением их особенностей, о чем он написал следующим образом: «...Предлагаемое слово может быть изображено прозою или поэмою. В *прозе* располагаются все слова обыкновенным порядком, и части не имеют точно определённой меры и согласия складов. В *поэме* все части определены известною мерою и притом имеют согласие складов в силе и звоне. Первым образом сочиняются *проповеди, истории и учебные книги*. Последним составляются оды и других родов стихи. Риторика учит сочинять слова прозаические, а о сложении поэм предлагает поэзия» [там же].

Развитие риторики и появление более глубоких изысканий в области языкознания и филологии как отдельных наук знаменовало XIX и последующее XX столетие. В XIX веке, когда появляется наука о языке, она занимается не только сопоставлением фонетических и грамматических форм в родственных языках, но и рассмотрением разных типов произведений. Она традиционно пыталась показать важность и нерасторжимость единства плоти — ткани текста, то есть словесной материальной организации, с одной стороны, и лишь значительно позже учёные обратились к изучению духа текста, то есть к отражению его содержания и смысла.

XX век внёс коррективы в теорию и практику словесности, размежевав внутри филологии литературоведческий и лингвистический аспекты анализа текста. «Текст одной своей стороной повернут к литературоведению, а другой к языкознанию», — указывала Н.А. Слюсарева [Слюсарева, 1982, с. 4]. Это противопоставление литературоведения и лингвистики нашло отражение в «вертикальном представлении двух путей анализа художественного текста» [там же]. Первый предполагает подробный, тщательный анализ языковых средств «под лингвистическим микроскопом» с целью выявления их роли и функций в идейно-тематическом содержании текста (т.е. путь от слова к содержанию). Второй путь направлен от анализа идейно-тематического содержания — через творчество автора, общелитературный и социальный контекст к языковым средствам и приёмам.

В структурной лингвистике XX в. основной единицей языка становится не слово и не предложение, а текст, так как текст — это словесное речевое произведение, в котором реализуются все языковые единицы (от фонемы, морфемы, слова до предложения). По мнению Б.М. Гаспарова, текстом является любое языковое высказывание, краткое или пространное, художественное или нехудожественное, мимолетная реплика или масштабное повествование. Он указывает на структурную сторону текста, называя его «языковым артефактом, созданным из известного языкового материала при помощи языковых приёмов» [Гаспаров, 1996, с. 318].

Лингвистика текста как отдельное направление в науке о языке обращает внимание на «некое упорядоченное множество предложений, объединённых различными типами лексической, логической и грамматической связи, способное передавать определённым образом организованную и направленную информацию. Текст есть сложное целое, функционирующее как *структурно-семантическое единство*» [Тураева, 1986, с. 11]. Важным в этом определении нам представляется указание на то, что текст является не просто набором упорядоченных элементов, а именно единством,

в котором на стыке конструирующих элементов возникает смысл, не присущий каждому элементу в отдельности.

Значительной работой, посвящённой описанию текста и текстовых категорий, является работа И.Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования». В ней была предпринята попытка проанализировать и описать «интуитивно воспринимаемые признаки текста, возвести их в ранг грамматических категорий и показать их взаимозависимость и взаимообусловленность, которые обеспечивают акт коммуникации в его прагматической направленности» [Гальперин, 2007, с. 15]. По мнению И.Р. Гальперина, текст — произведение речетворческого процесса, обладающее завершённой, объективированное в виде письменного документа, литературно-обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда сверхфразовых единств... имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку [Гальперин, 2007, с. 18].

Итак, благодаря исследованиям, выполненным в рамках лингвистики текста, были выявлены следующие свойства текста: текст признан структурно-смысловым единством, обладающим связностью, цельностью, законченностью и системностью. Системность текста проявляется в том, что его организация осуществляется по моделям, заданным языковым кодом на основе единиц языка и отношений между ними, он обладает индивидуальностью (создается отдельной языковой личностью), целенаправлен на определённую аудиторию. Но вместе с тем особенностью лингвистики текста являлось то, что большинство авторов рассматривали текст не в жизни — *in vivo*, а обособленно от того, что влияет на его создание. Получалось, что текст изучался *in vitro*.

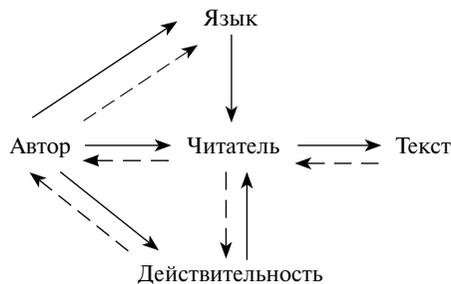
Переворот в изучении и понимании текста в лингвистике происходит, с того момента, когда высказываются мысли о том, что исследование текста должно вестись «на границах лингвистики, философии и других гуманитарных дисциплин. Текст — это первичная данность всех этих дисциплин и вообще всего гуманитарно-филологического мышления» [Бахтин, 1975, с. 481]. Сложность явления, называемого «текстом», создает основу для множественности его определений, описаний и разнообразных интерпретаций. Неудивительно, что в последние десятилетия текст (устный или письменный) определяется не в рамках лингвистики как отдельной научной дисциплины, а целого содружества гуманитарных дисциплин — языкознания, литературоведения, текстологии, источниковедения, палеографии и других наук, изучающих духовную культуру человека. Именно такое определение мы находим в фундаментальном издании по языкознанию: текст во всей сово-

купности своих внутренних аспектов и внешних связей — «исходная реальность филологии» [Языкознание, 1998, с. 544]. Столь широкое понимание текста позволяет выявить и осознать многогранность текста и текстовой деятельности.

Многочисленные учёные отмечают те или иные особенности текста. Они признают, что текст создается ради того, чтобы объективировать мысль автора, воплотить его творческий замысел, передать знания и представления о человеке и мире, вынести эти представления за пределы авторского сознания и сделать их достоянием других людей. Следует помнить, что отношения между автором и текстом позволяют вести речь о содержании текста, специфической форме кодирования, проявляющейся в текстовом пространстве. Отношения между текстом и его реципиентом указывают на смысл текста. Воспринимающий сообщение выстраивает в своем сознании модель ментального пространства, в пределах которого он оперирует с элементами текста и затекстовой информацией.

Эмиль Бенвенист отмечал, что текст — это «всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определённым образом воздействовать на второго» [Бенвенист, 1974, с. 375]. Кроме того, текст не автономен и не самодостаточен — он основной, но не единственный компонент речемыслительной деятельности человека. Важнейшими составляющими её структуры, помимо текста, являются автор (адресант текста) и читатель (адресат), а также сама изображаемая действительность, знания о которой передаются в тексте, и языковая система, из которой автор выбирает языковые средства, позволяющие адекватно воплотить творческий замысел, а читатель воспринять заложенные в текст смыслы.

Л.Г. Бабенко, Ю.Н. Казарин [Бабенко, Казарин, 2005, с. 14] сделали попытку представить структуру текстовой деятельности следующим образом (см. рисунок):

Связи между основными составляющими в структуре текстовой деятельности

Новое понимание текста рождается на основе множества составляющих, которые направлены на глубинные процессы, запечатлённые в речемыслительной деятельности человека. Густав Гийом подчёркивал, что «следует переместить внимание лингвистов с актов выражения, конструирующих речь к актам концептуальной репрезентации... Эта работа сознания в обобщенном виде представляет собой *когнитивный аспект текста*. Субъект строит структуру мира, и в процессе этого структурирования складывается *определённая картина мира*, то есть представляются свойства предметов в их отношениях друг к другу и к субъекту. Эта структура формируется в результате развертывания коммуникативного акта — *порождения текста*» [Гийом, 1999, с. 67]. Густав Гийом представляет текстовую деятельность как многосложную и многокомпонентную психолого-интеллектуальную сущность, тесно связанную с миром действительности, знания о которой выражаются в тексте, и которые находят воплощение в индивидуально-авторской картине мира. С другой стороны, текстовая деятельность связана с процессом порождения и понимания, творческим замыслом автора и раскрытием этих замыслов в конкретной передаваемой информации. Данные представления приводят к определению текста как информационного самодостаточного речевого сообщения с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на процесс понимания и интерпретации со стороны читателя/слушателя, т.е. человека, воспринимающего произведение. «Текст в сложившемся окончательно виде создаёт особую материальную протяжённость, последовательность связанных между собой предложений и сверхфразовых единиц, образующих семантическое, а точнее — семиотическое пространство. Физически такое пространство очерчено весьма точно, но семантически и семиотически — конечно, нет: если у любого знака есть интерпретанта, а текст может быть охарактеризован как сложный или даже сверхсложный знак, у него тоже должна быть своя интерпретанта — свой, разъясняющий данный текст новый текст» [Кубрякова, 2001, с. 80].

Понимание сущности текстового пространства через мыслительную деятельность отдельного индивида, преломление мысли создателя текста через универсальность и одновременно индивидуальность человеческого сознания, развитие воплощённых идей на основе влияния среды, её историко-культурного, этнического и духовного богатства, а также творческого потенциала и роли личности в этом мире, в зависимости от взаимодействия «говорящих сознаний» (М.М. Бахтин) в порождении и понимании текста, — все это, а также многое другое создает основу для более глубокого понимания коммуникации в лингвистике. Коммуникация становится возможной как динамический процесс, то, что называется

“a usage-based approach” [Nuyts, 2005, p. 70], когда связный текст описывается «в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социальными, психологическими и другими факторами, взятый в событийном аспекте [Арутюнова, 1998, с. 136]. В этом случае показывается, какие структуры существуют в языке, что в них является универсальным или особым, какие конкретные интенции говорящего пересекаются со знанием слушающего в зависимости от дискурсивного контекста. Это «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [там же]. Вследствие этого, отечественная лингвистика заимствует термин «дискурс» из зарубежной лингвистики, наполняя его новым содержанием. Это не просто устная речь, устное общение или беседа как французский термин *discours* и не лекция, проповедь, разговор врача с пациентом как английский термин *discourse*, в котором проявляется связанность с ситуативными факторами, влияющими на применение говорящим/пишущим тех или иных жанровых характеристик [Sinclair, 2005]. В отечественном языкознании данное явление выходит за рамки чисто функциональной стилистики, где учитываются функциональные разновидности речи. Большое внимание начинает уделяться именно социопрагматическим факторам общения, входящим как часть в понимание коммуникации и ментальности общающихся, и в зависимости от этого рассматривающих использование языковых средств. Это также учёт мнений и знаний коммуникантов, которые зависят от цели сообщения. В описании такой коммуникации учитывается то, что исходит от отправителя и направлено как воздействие на адресата. Вследствие этого дискурс зависит от множества факторов, поэтому его понимание значительно шире, это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1998, с. 137]. Подобное видение дискурса очерчивает понимание, которое направлено на описание многомерности пространства с подвижной сеткой координат, включающей параметр реального времени [Кубрякова, 2012, с. 121—122]. Данное пространство может быть названо концептуально-смысловым пространством текста или дискурсом, в котором происходит отражение реального пространства на уровне человеческих представлений о нём [Манерко, 2004 (1); Тикунова, 2005].

3. Понятие дискурса и его связь с когнитивной лингвистикой и типами знаний

Итак, в связи с употреблением в отечественном языкознании термина «дискурс» наступает новый период в развитии науки, который выдвигает совершенно иные установки и принципы для анализа текста и дискурса. Данные установки были определены

когнитивно-коммуникативной лингвистикой, чье появление в нашей стране было стимулировано достижениями системного подхода к языку, успехами в психолингвистике и в исследованиях, посвященных роли человеческого фактора в языке, интересом к функциональным аспектам речевой деятельности человека. Когнитивная лингвистика исходит из понимания языка, как основного средства выражения знаний о мире. Вместе с тем, в когнитивной лингвистике текст оказывается тесно связанным с понятием дискурса. Текст существует как результат дискурсивной (речевой и мыслительной) деятельности человека, как сложный знак в единстве его трёх сторон: семантики, прагматики, синтактики. В тексте представлены разные типы знания: знание о мире, знания о коммуникативном событии и предполагаемые знания адресата, лингвистические знания, т.е. те знания, которые связаны с упорядочением языкового материала законами лексической и грамматической сочетаемости, формой сообщения.

Понятия текста и дискурса являются примером сложнейших образований лингвистического порядка, объективируемых с помощью языка и посредством языковых форм, они представляют собой одновременно результаты ментальной деятельности людей, живущих в определённом месте, в определённой среде и конкретных условиях.

На сегодняшний день развития когнитивно-коммуникативной лингвистики уже нельзя говорить о множественности интерпретаций понятия дискурс. Это явление, которое чётко определено и структурировано в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания. Коммуникативная и когнитивная функции по-разному преломляются в появляющемся дискурсе, а функции сообщения, эстетического воздействия и некоторые другие языковые функции в разной степени представлены в конкретном речевом событии. Языковая единица существует как элемент реальной коммуникации, она требует множества смыслов, которые, преломляясь в конкретной ситуации, способны раскрыть то, что в тексте выражено и то, что находится за текстом. Дискурс предполагает разные виды актуализации речевой деятельности человека, описание ментальных процессов и участия экстралингвистических факторов, он может быть передан и понят посредством множества факторов общающимися в коммуникативном семиозисе. Самое главное, что дискурс — это прежде всего событие когнитивное, то есть имеющее дело с передачей знаний и запросом о знаниях, с новой переработкой знания, или же оперированием знанием в определенных целях [Кубрякова, 2001, с. 10]. Языковые формы описываются в зависимости от разных форматов знания, организации ментального лексикона, результатов процессов категориза-

ции и концептуализации мира и сложившейся в сознании человека языковой картины мира.

В последние десятилетия в лингвостилистике учёные все чаще пишут не о функциональных стилях¹ или речевых стилях, хотя именно термин «стиль» является традиционным в описании разновидности литературного языка, например, функционального стиля художественной литературы, научной или общеупотребительной речи. Будучи более широким по сравнению с другими терминами, он достаточно чётко представляет то, о чем писал ещё М.В. Ломоносов. Тот же термин «стиль» в зарубежной англистике не имеет столь чёткого употребления, как в отечественной лингвистике. Он предполагает внимание к тому, где, в какой обстановке происходит общение (setting, contextual setting), какова форма и тема общения, и на какую аудиторию речь (коммуникация) направлена [Swann, 1997, p. 310]. Некоторые зарубежные лингвисты считают более приемлемым термин «регистр» для описания специфических или ситуативно обусловленных свойств употребления разновидностей языка, ввиду того, что характеристики регистра предполагают определённые параметры коммуникативной ситуации, ограничивающие выбор языковых средств [Гвишиани, 2000, с. 42]. М.А. Хэллидей и его коллеги в 70-е гг. XX в. отмечали, что «категория регистра необходима, когда мы хотим рассматривать, как люди меняют свой язык в различных ситуациях, так как лингвистические события отражаются в языковой деятельности» [Halliday, McIntosh, Strevens, 1964]. Будучи разновидностью, связанной с особым использованием языка, отдельной предметной областью или профессией, регистр накладывает определённые ограничения на значения в связи с выполнением определенных языковых функций. В.Е. Чернявская вслед за некоторыми зарубежными учёными считает, что помимо широкого понимания дискурса, данный термин может быть применён к «совокупности тематически соотнесенных текстов» [Чернявская, 2001, с. 19]. Подобный традиционный подход в понимании дискурса был выражен ещё в учебнике по стилистике И.Р. Гальперина, когда он ставил знак равенства между понятием регистра и типом дискурса [Galperin, 1985, p. 27].

В.И. Карасик указывает, что такое понимание дискурса как матричного образования позволяет выйти на изучение дискурсивных жанров и формул [Карасик, 2009, с. 271]. Эта мысль проходит через ряд работ зарубежных учёных, где учитывается тип речевого пове-

дения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, который определяется определенными социально-историческими условиями и существующими стереотипами организации и интерпретации текста. Эти данные подтверждаются контекстуальной теорией значения [Halliday, McIntosh, Strevens, 1964].

Но термин тип дискурса не должен становиться размытым, как термины «стиль» и «регистр». Дискурс как основополагающее понятие когнитивно-коммуникативной лингвистики, учитывает две основополагающие функции языка — когнитивную и коммуникативную, где важной характеристикой остаётся изучение ментальной деятельности людей, фиксирующейся в структурах знания и опыта, и осмысление человеком конкретных условий протекания речевого акта и происходящего события. Эта точка зрения раскрывается в работах зарубежных лингвистов, например Р. Ленэкера, Т. Зандерс, В. Спорен и некоторых других [Langacker, 2001; Sanders, Spooen, 2007].

Попытаемся раскрыть понятие «тип дискурса», с тем, чтобы выявить, чем художественный текст отличается от дискурса художественного произведения, а специальный текст от специального дискурса.

4. Дискурс художественного произведения и его особенности

Выделение разных типов дискурса следует связывать с вычленением отдельных динамических систем, в рамках которых можно обнаружить сходные и различные черты и отношения между элементами. Но не следует забывать не только о том, что понятие типологии дискурса связывается с типами речевой, но и мыслительной деятельности, и о том, что произведение живёт и существует не только в определённую эпоху, связано с определённым лингвокультурным сообществом, но и взаимодействует со многими экстралингвистическими компонентами в рамках конкретной ситуации и среды, тем более напрямую является отражением творчества конкретного писателя — языковой личности.

Художественный текст существует как результат коммуникативной деятельности человека. В.А. Пищальникова подчёркивает, что «художественный текст можно определить как коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявленной в процессе его восприятия» [Пищальникова, 1984, с. 3].

Подготавливая данную публикацию, я решила заглянуть в две книги, в заголовке которых стоит название «художественный текст», и к своему удивлению не обнаружила определения, что собой представляет именно данный тип текста [Бабенко, Казарин,

¹ Функциональный стиль — это разновидность литературного языка, когда «язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере» [Языкознание, 1998, с. 567], или «типологическая целостность, принцип организации художественного мира» [Эстетика, 2003, с. 429].

2003; Лукин, 2005]. В этих замечательных работах, посвящённых описанию художественного текста, можно обнаружить множество подходов к его определению, описаны его свойства и категории, которые подводят к пониманию того, что собой представляет текст. Авторы указанных работ предлагают два основных подхода — лингвосомиотический [Бабенко, Казарин, 2003] и филологический [Лукин, 2005] — в описании сущности текста.

В.А. Лукин связывает отсутствие достаточно чёткого определения художественного текста с «экспансией экспансионизма» если не вообще в лингвистике текста, то в области исследования художественного текста. Эта экспансия «привела к угрозе: лингвисты почти не в силах удерживать в рамках своей компетенции такой существенный параметр, как “художественность” текста — то, что определяет его типологическую специфику...» [Лукин, 2005, с. 17]. Вследствие этого любые описания художественного текста сводятся к представлению характеристик текста.

В отличие от термина «художественный текст» или «текст художественной литературы», который указывает на конечный результат коммуникативного события, термин «дискурс художественного произведения» следует понимать как явление динамичное, имеющее отношение к динамике понимания взаимодействия текстового и концептуального-смыслового пространства, помогает понять не только его семантику и семиотику, но и связать это явление с «вертикальностью» текста, показать возможность его интерпретации. Это дискурс, посредством которого реализуется обмен знаниями, эмоциями и ценностями.

Многомерность дискурсивного пространства художественного текста предполагает обращение к глубинным базовым процессам понимания текста, опоре читателя на имевшиеся у него ранее знания в сочетании с извлекаемыми непосредственно из дискурса данными, закладываемыми автором произведения. В разных аспектах своего функционирования дискурс может проявляться достаточно разнообразно. Он может быть показан как:

- 1) дискурс, опирающийся на текст произведения и учитывающий языковые средства на основе социально-обусловленной коммуникативной деятельности человека;
- 2) дискурс личности, связанный с осмыслением авторского замысла, общности знаний порождающего текст и воспринимающего его;
- 3) дискурс культуры, реализующий культурно детерминированные элементы образа мира носителей определённого языка [Тикунова, 2005].

Дискурс художественного произведения предполагает рассмотрение категориальных образований, подчиняющихся внутренним

взаимоотношениям многочисленных элементов в речемыслительной деятельности. Номинативная, или синтаксическая, единица, выносимая в заголовок текста, оказывается связанной со структурами знания, заложенными автором произведения. Она выделяется как категориальное образование, имеющая отношение к «фигуре». Фигура способна к перемещению по определённой траектории внутри другого категориального образования — дискурса, т.е. «фона» произведения. На основе когнитивно-ономасиологического моделирования номинативно-синтаксической структуры заголовка, анализа лингвистических структур знаний, извлекаемых из текста, а также разнообразного количества данных, получаемых из нелингвистических (пропозициональных, имплицативных и др.) источников, можно понять то, что повлияло на процессы формирования и взаимодействия «фигуры» и «фона». Применение термина «категория», а также «фигура» и «фон», помогает найти когнитивное обоснование и объяснение рассматриваемым явлениям. Они направлены на то, чтобы обнаружить, как писатель отбирает и распределяет информацию в тексте, каким образом он связывает языковые средства друг с другом в тексте и внутри оформляющегося категориального образования.

Концептуальное конструирование представлений о мире в виде фиксированных человеком смыслов нацеливают исследователя на анализ дискурса личности автора. Это не просто констатация фактов жизни, отражение особенностей творчества писателя и представление специфических характеристик его стиля, но и нацеленность на воссоздание ситуативной модели появления произведения, глубокое прочтение социально-исторического контекста периода создания произведения, отбор ценностно-эстетических характеристик употребления тех или иных языковых средств.

Проникновение в дискурс культуры помогает глубже осознать принцип концептуальной интеграции ментальных пространств в сознании писателя, особенности его мышления и воплощённость значений и смыслов языковых единиц в «ткани текста», учесть динамические конфигурации, включающие разные блоки знаний читающего и воспринимающего информацию.

Интегральные механизмы дискурсивного анализа позволяют объединить различные аспекты описанных видов речемыслительной деятельности и функционирования дискурса художественного произведения в единую системно-организованную и динамическую структуру основ понимания дискурса в целом. В этом случае дискурс художественного произведения противопоставлен нехудожественному, а специальный — неспециальному.

5. Особенности академического дискурса

В современной лингвистике следует вести речь о понятии «специального текста», указывающего на последующее выделение его типов. А.С. Герд пишет о специальном тексте так: «текст (устный или письменный) — основной объект любого филологического исследования. Специальный текст — это текст, главным содержанием которого являются те или иные теории, факты, сведения, рекомендации отдельных наук и отраслей знания. Сюда, прежде всего, относятся научные, технические и деловые тексты» [Герд, 1996, с. 68]. Далее обычно говорится о разнообразии специальных видов текстов: монографиях, статьях, учебниках, учебных пособиях, технических руководствах, патентах и других видах документации. В зарубежных источниках особенности специального текста раскрываются в зависимости от тех характеристик языка для специальных целей, которые необходимы для составления того или иного специального документа.

Для текста, относящегося к зрелому научному уровню знания, характерны четкая синтаксическая последовательность в организации предложений и изложения в целом, тщательный отбор лексики и терминологичность, строгость и точность объективной передачи информации, полнота высказывания, которая не дополняется знанием той или иной ситуации, а вытекает из значимости описываемого.

Вместе с тем, наряду с употребленным термином «специальный текст» следует говорить о разнообразии динамических и ментальных систем, которые подразумевают введение в лингвистический обиход термина «специальный дискурс» (*special, specialized discourse*). Эти вопросы раскрываются в трудах отечественных и зарубежных учёных (см., например, [Манерко, 2006 (2); Чернявская, 2001; Engberg, 2007; Manerko, 2007, 2011; Novodranova, 2011]). Именно отечественные учёные считают важным раскрыть когнитивную и коммуникативную функции языка и показать их взаимодействие на основе процессов категоризации и концептуализации — основополагающих принципов когнитивной лингвистики и когнитивного терминоведения. Специальный дискурс может быть представлен научно-популярным, научно-учебным и академический типами.

Академический дискурс связан как с устной, так и письменной формой выражения информации. Здесь учитываются в большей степени функция сообщения, когнитивная и коммуникативная функции.

Академический дискурс представляет собой уровень развития какого-либо отдельного участка в научной сфере деятельности общества. В зависимости от представленных знаний он может ука-

зывать на уровень и степень зрелости/незрелости научной области по отношению к сходным основаниям теорий в той же сфере деятельности учёных в других научных школах и странах. Знание становится научной информацией только в системе общественных научных коммуникаций. Такой вид текста оказывается наиболее комплексной информативной единицей естественного языка, концентрирующей творческое усилие научной мысли учёного, специалиста в определённой сфере деятельности, а дискурс отражает то, как осуществляется когниция и коммуникация конкретного индивида.

Вместе с тем, автор академического дискурса должен уметь убеждать читателя в достоверности создаваемых или излагаемых автором научных позиций и в истинности общенаучного и своего личного взгляда на суть научных понятий и устанавливаемых между ними взаимоотношений [Манерко, 2004 (2)]. Анализ подобного текста должен осуществляться на основе исследования лингвистической и нелингвистической сторон дискурса, когда необходимо показать связи между используемыми номинативными единицами (простые, производные, сложные слова и субстантивные словосочетания) и ментальными образованиями в рамках концептуальной картины мира. Каждая слово- и фразообразовательная терминологическая единица напрямую связана с категориями, указывающими на факты и понятия конкретной области знания, наименования единиц, оборудования, процессов и т.д. Пропозициональные отношения на уровне номинативных единиц интегрированы в сочетание общенаучной и специальной модели мира через инференцию, выводное знание, отношение автора к описываемым проблемам. Читатель или слушатель, знакомящийся с воспринимаемой информацией, заинтересован тем или иным образом в получении информации.

Таким образом, в данной статье последовательно раскрывались типы знания, используемые в дискурсивной деятельности человека, показывалась специфика термина «дискурс». Важный аспект, который затронут в статье, касался типологии дискурса. Каждая разновидность дискурса представляет собой динамическую систему человеческого познания и коммуникации.

Дискурс художественного произведения и академический дискурс выделяются на основе когнитивной и коммуникативной функций. Анализ двух важных типов дискурса продемонстрировал, что в них выявляются некоторые сходные черты, имеющие отношение к тому, как текст порождается и как он воспринимается и понимается. Каждый из типов дискурса создаётся в расчёте на своего читателя, получателя информации. Дискурс художественного произведения представляет реальный или вымышленный мир — мир, созданный писателем и рассчитанный на эмоцио-

нально-эстетическое воздействие на читателя. Организация знания состоит в убеждении читателя в правдивости излагаемых событий. Академический дискурс представляет мир, существующий реально, на основе экспериментального, теоретического или другого вида анализа, он основан на понятиях, фактах, теориях, которые объясняются учёным, он направлен на представление какого-либо отрезка действительности через убеждение читателя в правоте описываемых проблем и рассчитан на то, что описываемые данные могут быть проверены на другом материале.

И в том, и в другом типе дискурса фиксируются номинативные единицы разной степени сложности, которые могут анализироваться посредством ментальных пространств, категорий, когнитивно-ономасиологического моделирования, фреймовой семантики и других методов когнитивной лингвистики. Создатель того или иного произведения участвует в лингвистическом наполнении семантического пространства, он имеет представления о форме и стиле, функциональности создаваемого произведения, каждое из которых обладает целым рядом отличительных характеристик. Читатель или слушатель воспринимает текст и создаёт в своём сознании динамическую некую модель, учитывающую разнообразные знания и их структуры, привнося в понимаемое своё эмоционально-ценностное видение мира.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1998. С. 136—137.
- Бабенко Л.Г., Казарин Ю.Н. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта, 2006. 496 с.
- Бахтин М.М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) // М.М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. литература, 1975. С. 447—483.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 477 с.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС, 2007. 137 с.
- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового повествования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
- Гвишиани Н.Б. Современный английский язык. Лексикология (новый курс для филол. ф-тов ун-тов). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 221 с.
- Залевская А.А. Проблема знания в различных ракурсах // *Studia linguistica cognitive*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 4—64.
- Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
- Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. 261 с.

- Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. М., 2001. С. 72—81.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Ломоносов М.В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // <http://feb-web/feb/lomonosov/texts/lo0/lo7/LO7-781-.HTM#2>
- Манерко Л.А. Концептуально-смысловое пространство текста // Теория и практика германских и романских языков. Ульяновск, 2004 (1). С. 131—138.
- Манерко Л.А. Фрейм речи Нобелевского лауреата в сценарии события (на примере языка физики) // *Вопр. Филологии*. 2004 (2). № 3 (18). С. 6—14.
- Манерко Л.А. Наука о языке: парадигмы лингвистического знания. Рязань: Изд-во РГУ им. С.А. Есенина, 2006 (1). 216 с.
- Манерко Л.А. Специальный текст как ступень формирования новых типов знания // *Вестник МГЛУ*. Вып. 512: Лексическая система как результат и инструмент познания. Серия. Лингвистика. М.: Изд-во МГЛУ, 2006 (2). С. 176—190.
- Платон. Избранные труды: В 4 т. Т. 1. М., 1999.
- Пищальникова В.А. Проблемы лингвоэстетического анализа художественного текста. Барнаул, 1984.
- Слюсарева Н.А. Лингвистика речи и лингвистика текста // *Аспекты общей и частной лингвистической теории*. М., 1982.
- Стёпин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2002 (1). 744 с.
- Стёпин В.С. Философия как рефлексия над основаниями культуры // *Субъект. Познание. Деятельность: к 70-летию В.А. Лекторского*. М.: Канон+ ОИ «Реабилитация», 2002 (2). С. 139—158.
- Тураева В.Н. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. М.: Просвещение, 1986. 126 с.
- Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // *Текст и дискурс: Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр.* СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 11—22.
- Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь. М.: Астрель, АСТ, 2003. 575 с.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1998. 685 с.
- Engberg, Jan. Specialised knowledge as an evolving entity — The case of concepts from Consumer Credit Law of the EU // *The XVIth European Symposium on Language for Special Purposes (LSP) “Specialised Language in Global Communication”*: Book of Abstracts. Hamburg, 2007. P. 34—35.
- Galperin, I.R. *Stylistics: A textbook*. М. 1985.
- Halliday, A., McIntosh, A., Strevens, P. *The Linguistic Sciences and Language Teaching*. L.: Longman, 1964.
- Josephson, B.D., Blair, D.G. *A holistic approach to language*. Department report. Cambridge Univ., Dept of Physics, Theory of Condensed Matter Group, 1982 // www.cogprints...ling/199809001

- Langacker, R.W.* Discourse in cognitive grammar // *Cognitive Linguistics* 2001. N 12. P. 143—188.
- Manerko, L.A.* Cognitive Aspect of Terminology Description as a Means to Understanding Specialised Discourse // The XVIth European Symposium on Language for Special Purposes (LSP) “Specialised Language in Global Communication”: Book of Abstracts. Hamburg, 2007. P. 118—119.
- Manerko, L.A.* The Conceptualizing Basis of Term Research in Cognitive Terminology // The 18th European Symposium on LSP “Special Language and Innovation in Multilingual World”: Book of Abstracts. Perm, 2011. P. 97—98.
- Novodranova, V.F.* Semantic Modifications in Medical Discourse // The 18th European Symposium on LSP “Special Language and Innovation in Multilingual World”: Book of Abstracts. Perm, 2011. P. 103—104.
- Nuyts, Jan.* Brothers in arms? On the relations between Cognitive and Functional Linguistics // *Cognitive linguistics : internal dynamics and interdisciplinary interaction* / Ed. by Francisco J. Ruiz de Mendoza Ibarnez, M. Sandra Pena Cervel. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. 432 p.
- Sanders, T., Spooren, W.* Discourse and Text Structure // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / Ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford Univ. Press. 2007. P. 916—943.
- Sinclair, J.* The phrase, the whole phrase, and nothing but the phrase // *Phraseologie 2005: La phraséologie dans tous ses états: Colloque interdisciplinaire* / Editors C. Cosme, C. Gouverneur, F. Meunier, M. Paquot. Louvain-la-Neuve: Université Catholique de Louvain, 2005. P. 19—23.
- Swann, J.* Style shifting, Codeswitching // *English: history, diversity and change* / Ed. by D. Gradoll, D. Leith, J. Swann. L. N.Y.: Routledge, 1997. P. 301—337.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК. СЕРИЯ 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА» В 2008—2012 гг.

№ 1 2008

V.V. Mironov, PhD, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ГУМАНИТАРНОЙ СУЩНОСТИ ФИЛОСОФИИ

The present article deals with the specific character of philosophy as a field of knowledge and cognition. Philosophical research is focused on a human being, which determines its approach and methods. Philosophical study is represented by a dialogue of two parties, and it is not aimed at absolute objectivity and accuracy. Philosophical dialogue is a dialogue of texts, and the comprehension of a text can be achieved only by individual interpretation, hence multiple ways of understanding are possible. A dialogue as a method is inherent in other disciplines of the humanities. For instance, history can be perceived as the dialogue of a source text (e.g. a chronicle) and a researcher, who interprets facts or, rather, primary narration of facts; and history can be regarded as a collection of texts. In general, the object of the humanities is a text as a system of signs. Texts include particular facts, events and phenomena as well as complex systems (e.g. science, arts, religion, etc.). Philosophy is a hermeneutical activity; it is an interpretation of interpretations. Philosophical interpretation is an independent creative process of meaning search and creation; it can be considered as the consciousness of culture which determines the values of human existence.

N.K. Garbovskiy, PhD, Professor, Dean of the Faculty of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. ВЕК XXI: ОТ ЭМПИРИЗМА К РАЦИОНАЛИЗМУ

The article deals with the philosophy of translation as a particular type of speech activity. It particularly focuses on the translator's personality and the freedom of decision-making. The theory of translation is represented as an interdisciplinary field of studies that goes far beyond the limits of linguistics.

M. Ballard, Professor, Director of Research Centre “Lettres et Langues”, Artois University, Arras (France)

BASIS OF REALISTIK. METHODOLOGY IN TRANSLATION STUDIES

Translatology has been defined as the scientific study of translation. In order to carry out this program the present paper proposes to study translation from the translators' productions, in other words the study of translation corpora, as the best basis for an objective observation of the process. This approach supposes the implementation of specific tools for the observation and analysis of the translation process: the unit of translation and comparative textual analysis as a device to trace back to the translator's choices and motives. Such an approach involves as well the taking into account of multiple translations and the re-enactment of the process by the researcher himself as a participant in a collective act of comprehension and rewriting. This kind of approach should eventually lead to a qualified estimation of the share and weight of the individual, the collective and the unconscious in the accomplishment of the act of translating; it should also allow a related exploration of the limits of the predictability (in terms of deduction) of the process and integrate, within the inevitable portion of imprevisibility, an analysis of its sometimes (apparent) erratic nature.

O.I. Kostikova, Associate Professor, Vice-dean of the Faculty of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University

К ОСНОВАНИЯМ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КРИТИКИ

The article deals with the history of translation criticism. It proves that the theory of translation criticism is to have the same semiotic foundations as the theory of translation and demonstrates that it is necessary to establish the principle categories of this field of knowledge. The article emphasizes that it is essential to differentiate between the subject of literary criticism and that of translation criticism.

B.L. Boiko, PhD, Professor of the Military University. Moscow, Russia

ЕДИНИЦЫ СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВОГО ДИАЛЕКТА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИХ КУЛЬТУР (на материале русского и немецкого военного жаргона 1941—1945 гг.)

Cultures in contact create special scopes in their languages with accumulated knowledge of each other. These scopes are at the same time instruments for forming the national world view and parts of it. The contacts of cultures and subcultures are realized through texts produced by witnesses and interpreters. The interpreter owes to be ethical in his attitude towards both the author and percipient of translation. The interpreter's ethic means perfectly done work in form and content. Errors in translation disturb the language world view of cultures in contact. The extracts of belles-lettres translated from German into Russian shows some mistakes in interpreting the German military slang.

O.V. Koveneva, Teacher at the Faculty of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University; French Master's degree in Sociology

ТАИНСТВЕННЫЙ МИР КОННОТАЦИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ И ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

The paper explores various approaches to the problem of “connotations” in linguistics and in the theory of translation. Starting with a set of definitions presenting “connotations” as an additional hazy, obscure, vague meaning, we launch into a historical outline of the development of this category, first in medieval scholasticism (*Alexander Halensis*, *William of Ockham*) and logic (*J.St. Mill*), then in linguistics (*Arnauld* and *Lancelot*, *K.O. Erdmann*, *L. Bloomfield*, *L. Hjelmlev*, *R. Barthes*, *C. Kerbat-Orecchioni*, *I.M. Kobozeva*, *O.S. Akhmanova*, *H.G. Komlev*, *L.S. Barkhoudarov*, *V.N. Telia*, *Y.D. Apresyan*). The analysis reveals the ambiguity of the category and the intensity of debates relating to it. Whereas some authors consider connotations as a component of word's meaning, others regard them as an extra-semantic phenomenon, as a “pragmatic meaning”, as ideas, associations, values and patterns of behavior related to the word and its context, or even as “a semiotic system”. While some scholars insist on the socio-cultural nature of the connotations, others emphasize their individual and unique character. But whatever the de-

bates about “connotations” may be, what is essential to the theory of translation is the answer to the question “Should connotations be translated or not and how?” Floating G. Mounin’s polemical statement “When one says that translation is impossible, nine times out of ten, one refers to *connotations*”, our article continues with an analysis of the debates about the “translatability” of connotations in modern theory of translation (*M. Lederer, E. Nida, C.R. Taber, J.-R. Ladmiral, G. Mounin, J. Delisle, H. Meschonnic, A.D. Schweitzer, V.N. Komissarov*). The article leads to a moral and political perspective, suggesting that the question of “translatability” of connotations is not only a “linguistic” question: it is directly related to the attitude that one maintains to *the Other*, to the Stranger, to Another Culture. Following *A. Berman, P. Ricoeur, J.-R. Ladmiral* and *J.-L. Cordonnier*, we assume that translation should be “open-minded” and “hospitable” to the strangeness. The “translatability” of connotations has to do with the will of the translator to make efforts to understand the *Other* in all his complexity and plurality and to translate the relevant information of his message to the representatives of his own culture. Only when approaches to connotations will cease to be ethnocentric and speculative, the question of their “translatability” will be put into *practice*: into the practice of *translating* and into the practice of *translation teaching*.

B. Gasek, Master’s degree in Slavonic Philology, Teacher at the Institute of Slavonic Philology, Wrocław University (*Poland*)

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ
В ПРОЦЕССЕ УСТНОГО ПЕРЕВОДА: ЗНАЧЕНИЕ
ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ИНТЕРФЕРЕНТОВ
(на материале польского и русского языков)**

The article aims at giving an approximation of the interference phenomenon in the stage of a translation by an interpreter on the lexical-semantic level. It is the case of closely related languages like Polish and Russian, where a lot of phonetic/spelling or even semantic equivalents exist that should facilitate the task, however, in fact they can embarrass the process because they misguide an interpreter suggesting a loan translation or pretending to be “*translator’s false friends*” (e.g. (pol.) *nudny* and (rus.) *nudnyj*). The term *potential positive interferents* is proposed to call this phenomenon.

O.S. Zharkova, Teacher at the Faculty of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University

**ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СКОРОПИСИ
В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
ПЕРЕВОДЧИКОВ**

The present article focuses on teaching notation in consecutive interpretation. The key question to deal with is whether it is necessary to teach notation systematically or students can learn it from experience. In the author’s opinion, general principles (such as the analysis of the source text, abbreviations, symbols and the arrangement of elements) should be presented, discussed and trained in class. Nevertheless, nothing can be imposed on students; they are to have choice and to devise their individual approach to notation through exercise and experience. At the same time, monitoring their progress and comparing their results and notation samples after regular test interpreting sessions may give valuable material and contribute to understanding of a consecutive interpreter’s activities and efforts.

G.-Y. Bang, PhD, Professor at the Graduate School of Interpretation and Translation Hankuk University of Foreign Studies (*Korea*)

**ПРЕПОДАВАНИЕ ПЕРЕВОДА И АНАЛИЗ
ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЮ
В КОРЕЕ**

I examined the recent scientific trend of Korean translation and interpretation research by the contents analysis on two representative reviews, *Interpretation & Translation Investigation* and *International Conference Interpreting & Translation*. From 1996 to 2006, Korean I & T researchers conducted their scientific activities to 1) the deductive and descriptive studies (75%) more than the inductive ones (25%), 2) to the pragmatic approaches (51%) more than the structural ones (36%) and others, 3) quantitatively on the Interpretation (43%) and on the translation (57%), 4) to the interdisciplinary studies with the literary theories & Humanities (88%) much more than psychology and sociology (12%).

Э.Н. Мишкuroв, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mishkurov@inbox.ru

ИСТОРИЯ АРАБОЯЗЫЧНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: НАЧАЛО ПУТИ (VIII—XIII вв.)

The paper deals with the study of historical and ontological premise and conditions of coming-to-be and maturity of the Arabic traditional principia of translation in the Arab Caliphate during the 8th-13th centuries. The problem is explored with regard to the political, religious, socio-cultural and language situation in the Mediterranean-area region. The peculiarities of the Standard Arabic functioning as a target language and then as a source language have been under discussion. The fixed features peculiar to the translation boom over there testified that one of them consisted in an active participation of polyglot scientists in different fields of knowledge and state professional translators who had been rendering for lots and lots of years ancient manuscripts from Greek, Syrian, Persian, Sanskrit and other languages into Arabic. The epoch of translation of the Arabic manuscripts into Latin in Spain and other West-European countries has been taken up as well. Of a thorough evaluation is the civilizing influence of the medieval Arab-Moslem scientific and cultural heritage on Christianity.

Р.А. Матасов, преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: rmatasov@mail.ru

СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ

The Nuremberg Trial (1945—1946), in which the International Military Tribunal tried high Nazi officials for the crimes they had committed during World War II, marked the beginning of simultaneous interpreting era. The proceedings were held in English, Russian, French, and German. This paper examines the context and the course of the Trial, the way the interpreting teams were formed, their working conditions, and the scope of challenges the interpreters had to face when exercising their duty.

О.В. Оришак, начальник кафедры французского языка Военного университета МО РФ; e-mail: c_you@inbox.ru

ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТОВ “ВОЙНА” И “LA GUERRE” В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

A war represents specific complex socio-political phenomenon liable to its laws and playing a highly important role in the life of society. The “war” concept being an abstract name finds numerous manifestations in semantics of lexical and phraseological units in the form of universal war indication, having a wide reflection in the Russian and the French images of linguistic world. The conceptualization is effectuated in general directions, testifying the universal character of that phenomenon to both cultures. The similarity can be found in fundamental values of morality and usability. The difference has to do with the expression, distribution and combinatorial norms, with their actualization degree for the compared images of the world. The translation practice gives us numerous examples of contradictions, full and partial asymmetry in concepts enclosed in the linguistic forms of original and translated texts. The universality of the most general in concepts developed in different national cultures. Taking into account the cultural characteristics in translation is the indispensable term of successful intercultural communication.

О.В. Ковенева, магистр социологических наук (французская степень), преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, докторант Высшей школы социальных наук (EHESS, Париж). Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова. Высшая школа социальных наук (EHESS, Париж); e-mail: okoveneva@mail.ru

ОТ “ПАМЯТНИКА ПРИРОДЫ” К “MONUMENT NATUREL”? МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К АСИММЕТРИИ КОНЦЕПТОВ (на материале французского и русского языков)

The paper examines the legitimate forms of evaluation which support the constitution of public categories and cultural concepts in the Russian and French languages. Following cultural semiotics and pragmatic sociology of “orders of worth” (L. Thévenot, L. Boltanski), the author conducts a comparative analysis of the Russian and French terms “monument naturel” and “monument naturel”. The study is based on a cross-cultural comparative research on environmental conflicts in both

countries and makes use of linguistics as well as historical and sociological methods.

С.Г. Ушаков, преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: sergeypenseur@rambler.ru

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В ВОПРОСАХ ПЕРЕВОДА

The present article's subject was case category in the French language. The French language, being an inflexional language with a highly developed analytical forms, is very often considered as a language with no case category. Nominally, French substantives, adjectives and pronouns do not have case wordforms. However, it is not appropriate to speak about case category absence in French as certain linguistic phenomena are evidence of its existence. This article providing a sort of systematization may be used by translators.

И.Е. Абрамова, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков гуманитарных факультетов. Петрозаводский государственный университет, юридический факультет. Республика Карелия; e-mail: bram@onego.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЙ АКЦЕНТ КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР В УСТНОМ ПЕРЕВОДЕ

The purpose of this paper is to consider the nature of strong phonetic accent and its confusing role in the process of Interpreting. It critically examines Russian-influenced English pronunciation of Russian students, specializing in Interpreting. First it gives a brief overview of the scientific literature on the topic, analyses such notions as “bilingualism”, “phonetic accent”. Then the paper goes on to describing the main issues of the work. Two experiments were conducted. In Experiment I the production accuracy of six English consonants (t, d, p, b, k, g) by bilinguals is tested. In Experiment II the differences in perception of targeted English consonants by native speakers and bilinguals are analysed. Current findings add substantially to our understanding of the causes for misunderstanding in communication and interpreting. Finally, some conclusions are made.

С. Бальдо, руководитель магистерской программы LEA (I и II курсы) в Университете Эври-Валь д'Эссон (Франция)

ADAPTATION: A PROPÆDEUTIC METHOD FOR LEARNING HOW TO TRANSLATE

My research focuses on the main benefits of subtitling and I intend to show all the advantages of this original training as one method of teaching translation. In this paper, I briefly present the different kinds of classes chosen for the master which I run, and give the reader the results of a survey that I carried out on adaptation.

С.А. Усова, аспирант кафедры перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации Иркутского государственного лингвистического университета; магистрант Университета Марка Блока (ITI-RI, Страсбург II). Иркутский государственный лингвистический университет; Университет Марка Блока (ITI-RI, Страсбург II); e-mail: ola_lana@list.ru,

В.Е. Горшкова, доктор филологических наук, профессор кафедры перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации. Иркутский государственный лингвистический университет; e-mail: gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРЕДМЕТНОЙ СФЕРЫ НАЛОГОВОГО ПРАВА РОССИИ И ФРАНЦИИ

In the article term words reflecting the generic term “tax” in the Russian and French tax codes are compared; the scheme of their possible contextual translation equivalents is given. The comparative analysis follows the brief historical review of taxes origin and taxation evolution in the two countries.

№ 3 2008

Р.А. Матасов, преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: rmatasov@mail.ru

ИСТОРИЯ КИНО/ВИДЕО ПЕРЕВОДА

This article is an overview of the history of film translation which could be divided into several periods, each characterized by one or several distinctive features. The silent period (1895—1927) is notable for

(1) live narrators' intersemiotic translation, (2) intertitling, and (3) the unique Japanese phenomenon of the *katsuben* commentary accompanying screenings of silent films. In the time span between 1927 and 1976, dubbing and subtitling spread worldwide. The period 1976–today is often referred to as the home video era or, in the USSR and Poland, the era of voice-over translations done by a single voice artist. The advent of DVD (1995) gave viewers the freedom of choice between various modes of film translation as well as the opportunity to combine those modes when watching a movie.

Е.В. Бречалова, преподаватель кафедры истории и филологии Дальнего Востока Института восточных культур и Античности (ИВКА) Российского Государственного гуманитарного университета (РГГУ), аспирантка Института языкознания РАН (сектор урало-алтайских языков); e-mail: evbrechalova@gmail.com

КОРЕЙСКО-РУССКИЙ ПЕРЕВОД: НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО И СИНТАКСИЧЕСКОГО ТИПОВ ПРИ АНАЛИЗЕ ТЕКСТА И ПРИНЦИПЫ ЕЕ УСТРАНЕНИЯ

The present paper is an attempt to classify grammatical features of Korean phrases, which can be sources of ambiguity that arises in the process of Korean text formal analysis. Such sources of ambiguity can be classified into two main groups: (1) morphological features and (2) syntactical features. Morphological features can be the following: (a) the homonymy of affixes which can be combined both with nominal and predicative stems, and (b) the polysemy of predicative affixes. The second group of syntactical features consists of (a) phrases which contain morphologically ambiguous affixes, (b) the way of marking relations between a subject or an object and a predicative in main and embedded clauses, (c) the functioning of some verbs both as main and auxiliary, (d) such arrangement of embedded clauses that makes it difficult to distinguish the left boundary of an embedded clause in a sentence. The paper examines the cases of resolving morphological ambiguity by means of formal context. The paper also shows some examples of syntactic ambiguity of Korean sentences and the ways to resolve it by means of formal syntactical analysis. The research demonstrates that the scope of formal analysis is not enough and in some cases it is better to use lexical meaning of the stem in order to resolve the ambiguity questions.

А.А. Корниенко, доктор филологических наук, профессор; e-mail: sental@mail.ru

СУБЪЕКТЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НАРРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

This article focuses on text-forming categories that are used in making up of modern French novelistic text and on the types of narration typical for such text from the point of view of translation. There are four distinctive novelistic structures, whose uniting conceptual principle is “communicative situation”: the situation of a real conversation of narrator-character with himself, a conversation between narrator-character and another-character a conversation between characters when narrator is absent or a participant. The main text-forming categories are commentating tenses and adverbs, core and peripheral punctual symbols and psychosomatic language.

Ю.В. Норманская, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН; e-mail: julianor@mail.ru

СЛОЖНОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАЗВАНИЙ ОСНОВНЫХ ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЙ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Translating the main color names from one language into another is a tall order. The translator should identify various objects, the description of which is unique in different languages (the objects 1) that radiate the light and 2) whose color description is conventional). In the present article this conclusion is shown on the material of some ancient Indo-European languages.

Е.А. Чагинская, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков переводческого факультета АФСБ РФ; e-mail: burnout4@yandex.ru

В ПОМОЩЬ ПЕРЕВОДЧИКУ: О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «ИСКУШЕНИЕ» И «СОБЛАЗН»

The problem at issue is the differing lexical meaning of semantic doublets originated in the Russian / Church Slavonic diglossia which can imply misunderstanding or loss of some peculiar senses when in translation; the reasoning is demonstrated with translations from Russian into Spanish and vice versa.

В.А. Дорошенко, кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков и переводоведения, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Краснодарского государственного университета культуры и искусств; e-mail: helen.krasnodar@mail.ru

О ТРАНСФОРМАЦИЯХ И ДЕФОРМАЦИЯХ В ПЕРЕВОДАХ ИЗ Р. ФРОСТА

Translation of any text is inevitably bound to all sorts of transformation into a target language. Translators are seldom aware of the amount of damage they unwillingly do to the source language. The article offers a detailed analysis of five translations of the American poem “Stopping by woods on a snowy evening” by R. Frost. After O.I. Kostikiva, the author distinguishes between transformations and deformations and points up some apparent semantic deformations in Russian version when authenticity has not been reached.

Линн Виссон, синхронный переводчик с русского и французского на английский в ООН, доктор философии

SIMULTANEOUS INTERPRETING AT THE UN: OR GOING TO SCHOOL FOR LIFE

The work of a simultaneous interpreter at the United Nations and other international organizations presents specific requirements as well as a set of fascinating challenges. The author makes use of her 24 years of experience in the English section of the UN interpretation service to discuss issues of working into a native vs. a foreign language, as well as the language abilities and combinations, education, training and examinations needed to become a UN interpreter. The article also deals with the areas of knowledge covered by UN meetings, the interpreter's workload and job stress, on the job training, difficulties and rewards. The interpreter must constantly keep up with developments the working languages and with current events; for better or for worse, a UN interpreter has enrolled in school for life.

№ 4 2008

М.Н. Есакова, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: maria-esakova@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА (на материале произведений М. Булгакова)

The pragmatic aspects of translation have traditionally been one of the subjects of traductology. However, they are usually understood as nothing but the necessity to achieve in the target text a communicative effect similar to one intended by the author of the original text. In the present article we analyze another feature of the literary text: the so-called “intralingual pragmatics.” By this term we understand the relations of the characters, i.e. the actants, of the literary work to various signs. We have no intention of studying here the degree to which such relations correspond to the author's relation to various signs, since we believe it to be an issue of a different level. We try to determine the pragmatics in the situations that are described in the original text. We also try to reveal interlingual divergences in terms of the author's relation to the actant “object” in the original as well as target texts in both the author's speech and characters' speech. Moreover, we try to determine the pragmatic relevance of the verbs that designate major activities in the sphere of nutrition. Lastly, we try to determine the pragmatic aspect of the “frame” (we call this aspect “normative”), i.e. an aspect that brings the Subject's activities into correlation with the generally accepted norms of behavior in the sphere of nutrition which is one of the paramount spheres of human existence.

Н.К. Гарбовский, доктор филологических наук, профессор, декан Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: garok46@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ КАК СВОЙСТВО ПЕРЕВОДА

Literary translation is not a mirror reflection of the original text. And the translator is not a “transparent window pane”. With all due respect to the author, the translator, though painstakingly trying to preserve the niceties of the original text, creates a new work, guided by his/her own outlook on the world which the target text is a part of. Translation becomes “interpretation of the interpreted”. It is at the level of this secondary, i.e. translational, interpretation that the individual essence of the literary text shines through.

Ю.Н.Кольцова, кандидат культурологии, доцент, преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: koltsova-73@mail.ru

КОНЦЕПТ КАК КАТЕГОРИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Concept is one of the cognitive forms, which reflects, in a general way, the phenomena of the real world and the relations between them. In distinction from *notion*, which appears as a result of a rational reflection of the reality and contains only the main, essential features of the reflected objects, a concept appears as a result of both rational and sense knowledge and absorbs the maximal amount of essential as well as inessential features of an object. This predetermines the important potencies of the concept as a category of the translator's understanding of the original text and his/her establishing of analogies when building a system of meanings in the target text. The concept contains evaluative, modal and historical characteristics of the reflected object, i.e. the people's attitude toward the object in a given historical epoch. Those characteristics may vary in different cultures as well as in the culture of the same people throughout different historical periods.

Ю.Ю. Позгосова, кандидат философских наук, зав. кафедрой русского языка и литературы Фракийского университета им. Демокрита (Греция); e-mail: ipogkoso@bscc.duth.gr

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА С ГРЕЧЕСКОГО НА РУССКИЙ ГАЗЕТНОЙ ЛЕКСИКИ (по материалам греческих СМИ)

The paper deals with an analysis of the basic problems that arise during the translation of newspaper lexicon from Greek into Russian. Such problems arise as a consistency of differences in lexical, grammatical and stylistic structure of both languages. In this analysis the author tries to estimate not only the translation process and the translation process methodology but also the Greek language particularities that can comprise some difficulties during translation. The translation process is shown as some kind of transformation that conserves an original context but can change the form of this context expression. Such an understanding of the notion "correspondence" corroborates the correspondence between language components, the possibility of its translation from one language into another and at the same time permits to keep ethnic particularities of the Russian and Greek languages.

Би Юз, аспирантка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: sunshine20006@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ ЗОЛОТОГО ВЕКА (на материале стихотворения Ли Бо «Подношение Ван Луню»)

The article is an attempt to interpret the work of the great Chinese poet Li Bo (701—762) and some problems of its reception by Russian readers. Our investigation suggests a classification of interpretative approaches in translation by analysing different Russian translations. In the article we offer a cultural and literary commentary to one of the most famous poems by Li Bo, «To Wang Lun», highlighting difficulties and peculiarities of its perception by Russian readers.

Б. Чович, доктор филологических наук, профессор философского факультета Новисадского университета, Сербия; e-mail: covicb@mail.ru

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СИНОНИМЫ В ИНТРА- И ИНТЕРЪЯЗЫКОВОМ ПЕРЕВОДАХ

This survey of the actual state of translation theory and science and perspectives of their further development represents an attempt to give complex and philosophical perspective of this complex problem. The starting point has been Jakobson's theory of omnipresence of translation and its various manifestations which can be seen in many and varied intertwining and overlapping especially in the sphere of inter- and intra-translation (or inter- and intra-linguistics according to Jakobson's terminology) on the one hand and inter-semiotic (or transmutation according to Jakobson) on the other.

№ 1 2009

O.I. Kostikova, Associate Professor. Vice-dean the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University

TRANSLATION AND THE DEVELOPMENT OF LITERARY LANGUAGE IN THE AGE OF PETER THE GREAT

In many European countries, the development of literary languages was closely connected with translation activity. Translators were engaged in developing and disseminating national languages, and their mission

was often supported at the highest level by monarchs' enlightenment aspirations. Russia was no exception. The article describes major transformation of the Russian language stemming from Peter I's reforms. In the 17th and 18th centuries the Russian literary language underwent radical change, since it was necessary to assimilate a lot of foreign literature, which was mostly scientific and technical, but the scope of the late 17th century written Russian language was quite limited.

T.B. Gurtuyeva, Doctor in Literature, Professor at Fatih University, Turkey; e-mail: tamara@fatih.edu.tr

LITERARY TRANSLATION AS A COMPONENT OF CULTURAL DIALOGUE

Demand for the best representatives of Russian culture in the field of art and literature is the definite proof of the necessity of dialogue in the spiritual sphere. In this process, an important role is played by the translator who builds a bridge between two foreign poetic cultures. Thus, translation is the most important link in the process of interrelations of literatures. High-grade translation of any text from one language into another means not only a simple translation of separate words and sentences, it also assumes adaptation and interpretation taking into account the distinction not only between languages, but also between their respective cultures. The world of sensations and associations constitutes an important part of any culture. During the work on the original text, the translator goes through a number of perception phases, from acquiring outline background of the original text to the high level when this perception becomes systematic. Such an approach makes it possible to enter the area of typological signs of psychology of translational activity and at the same time to consider a literary translation as a factor of formation of international poetics. The thoughts put forward in the theses are specified on the material of the translation of Boris Pasternak's poem "Winter night" into the Turkish language.

Liu Tiemei, Master of Philology, Professor of the Russian Language at Da Lian University of Foreign Languages (China)

THE CONCEPT OF 'HOUSE' IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUISTIC PICTURES OF THE WORLD AND ITS TRANSLATION

The article explores the concept of 'house', which is one of the key concepts in Russian and Chinese cultures. The comparative analysis of this concept reveals differences in its content within Russian and

Chinese cultures and allows to establish why Chinese learners of Russian misunderstand the Russian concept of 'house'. The differences in meaning of this concept in Russian and Chinese cultures are particularly evident when one is trying to translate accurately all the meanings of the Chinese word 'house' into Russian. The article illustrates with examples the difficulties of the translation, which arise from the asymmetry of languages and cultures.

R.A. Malinina, Dr. phil., the senior lecturer, the teacher of German language; the senior lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation (Lomonosov MSU); e-mail: r_malinina@mail.ru

CATEGORY OF POLITENESS AS A SUBJECT MATTER OF PRAGMALINGUISTICS AND A COMPONENT OF TRANSLATOR'S LINGUISTIC COMPETENCE

The subject matter of this article is the communicative essence of the category of politeness and the possibility of its verbal and non-verbal representation (on the material of the German language). Politeness is an obligatory component of a dialog, in which communication vectors, related to the social status of interlocutors, are distinguished. A combination of vectors and aspects of politeness imposes the choice of either standardized or free means of expressing politeness, introduced in this work. Since the knowledge of social and cultural norms and functions of speech acts of politeness is part of the translator's linguistic competence, the ability to structure a communicative situation, using all possible means of expressing politeness, is one of the strategies to make translation adequate.

L.I. Razdobudko-Čovič, PhD, Professor of the Faculty of Philosophy, Kosovska-Mitrovica State University, Serbia; e-mail: covicb@mail.ru

TRANSFORMED PROVERBS AND SAYINGS IN THE SHORT STORIES BY MITROV LJUBIŠA (Culturological Aspect of Translation)

The article is focused on translation and interpretation of sayings and other idiomatic expressions which are polifunctional semantic units. Sayings are closely connected to history, culture, and geographical position of the speakers of the given language. Interpretation of proverbs is

generally a difficult task. The difficulty is in finding equivalent elements in terms of semantics, style, aesthetics and pragmatics; especially when the sayings are transformed in the literary text to serve as dialogues between cultures and between original and translated texts. Proverbs and sayings that have a strong local character, like the ones in “The Narration of Vuk Dojcevic” present another level of difficulty. The author comes to the conclusion that the problem is not in finding the Russian proverbial equivalents, but in translating transformed sayings and idiomatic expressions of folklore origin that reflect the linguistic image of this part of the world, and that requires a complex analysis of the sub layer of the text.

N.K. Garbovskiy, PhD, Professor, Dean of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University

TRAINING TRANSLATORS AND INTERPRETERS IN THE TWO-LEVEL SYSTEM OF HIGHER EDUCATION

The present article examines the issue of training professional translators and interpreters within the two-level system of higher education which implies a combination of the teaching methods, worked out in the traditional Russian one-level system, with those of western institutions of higher education. The author puts forward a didactic model of training translators and interpreters in the realities of the new educational reform.

Lynn Visson, Simultaneous interpreter from Russian and French into English at the United Nations, PhD

THE PROBLEM OF TEACHING SIMULTANEOUS INTERPRETATION FROM A NATIVE INTO A FOREIGN LANGUAGE

While in Russia and particularly in the USSR there was a definite preference for interpretation from native into foreign, in the United Nations and several other international organizations the preference is for interpretation into native language. Today’s global commercial markets, however, generally require interpretation in both directions. Making use of her experience teaching interpretation at the UN, the

Monterey Institute of International Studies and Columbia University, the author discusses problems facing Russian students working into English. The stress of the booth can lead to incorrect grammar, misuse of articles and verb tenses, and wrong choice of register. Exercises are proposed for such students, and stress is placed on the importance of immersion in the foreign linguistic environment through study programs and exchanges.

Maria Dolores Olvera-Lobo, Professor, Ph. D. In documentation; Professor at the Faculty of Translation and Interpreting of the Granada University; e-mail: molvera@ugr.es,

Enrique Quero-Gervilla, Professor, Ph. D. Slavonic Filology; Professor at the Faculty of Translation and Interpreting of the Granada University; e-mail: efquero@ugr.es

THE REPRESENTATION OF REMOTE WORK MODEL FOR INTRODUCTION INTO THE PRACTICAL TEACHING THE TRANSLATION IN ACCORDANCE WITH THE REQUIREMENTS OF BOLOGNA DECLARATION

Information and communication technology has not only modified the working conditions of many professions — and translation has by no means gone unaffected — but it has also introduced new challenges and opportunities into teaching. This has been the starting point for an innovative teaching project that we have called **Aula.int** and which has been financed by the University of Granada (Spain) Vice-Rectorate for Planning, Evaluation and Quality. Our objective has been to complement formal teaching input in a range of subjects within the University’s first degree program in Translation and Interpreting with a student-centred cross-curricular approach. Specifically, we have integrated into compartmentalised course modules a sequence of tasks for which students studying on different courses form teams and perform tasks directly related to the course they are following that simultaneously fulfil an essential function in the overall team task. Thus, the project approaches the objectives of the Bologna Declaration in as much as it offers profession-oriented teaching, is studentcentred, focusses on the volume of work required, and promotes participants’ understanding of learning objectives. Moreover, **Aula.int** contributes by bringing real modes of production into the classroom and by supporting the internalization of real work routines that later gives students a competitive advantage when entering the labour market.

ON THE PLACE OF TERMINOLOGY AND LEXICOGRAPHY IN TRANSLATOLOGY

The article examines the role of terminology and lexicography in translation. It tries to show the following points: a) a terminological database comprises units of translation belonging to a domain; consequently, the principles of Database creation form an integral part of the translation; b) on the contrary, the terminography, through its multilingual thesauri, presents universal conceptual classifications, and it does not form part of translation; c) the lexicographical units are mainly units of language; however, certain lexicographical units (mono-semantic lexemes, proverbs, etc) are also units of speech (i.e. they are likely to have the same translation in the majority of the contexts) and must be explored in translation.

N° 2 2009

Svetlana V. Vlasenko, Cand. Sc. (Philology), Ass. Professor, Doctor's Degree Applicant, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Ass. Professor, Russian Academy of Law under the Russian Federation Justice Ministry; e-mail: svetsign@stream.ru

TRANSLATION ACROSS PROFESSIONAL COMMUNICATION DOMAINS: PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS OF DECODING LEXICAL LACUNAE (english-russian translations compared)

The article explores topical issues of translation theory and practices across professional communication domain in the English–Russian pair. An advocated viewpoint suggests that there are many approaches to translating/interpreting complex texts whose perception and comprehension is obscured by lacunae; the latter being manifested in texts via their speech and/or language markers, lacunifers. Such units are either non-transparent in terms of meaning, or are difficult to verbalize in the receptor language due to a non-linear and multistage procedure required for so doing. The proper decoding of complex texts with highly specialized and/or interdisciplinary (multidisciplinary) subject matter is treated as

disambiguation of relevant contexts aimed at making the communicative message transparent and comprehensible for communicants. The article contains English–Russian translations of lexemes varying from commonly used to highly specialized terminology from various fields and knowledge domains; the translation effort associated with them implies a real need for the translator/interpreter to refer to broad domain-specific macro-context for tracing and identifying prototypical events actualized in the text under translation.

Irina Y. Shabaga, Cand. Sc. (History), Ass. Professor, Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation and Department of History (Lomonosov MSU)

TRANSLATING ANCIENT LANGUAGES: FROM LITERAL TO LITERARY TRANSLATION

The methods of translation from Ancient Greek and Latin into Russian are considerably different from those of the translation from modern Western European languages. In the former case, the hermeneutical stage of translation does not consist in interpretation of the source text only, but in its literal translation as well. Besides, there are many peculiar syntactic constructions not present in modern Russian language (such as *Nomi-nativus/Accusativus cum infinitivo*, *Nominativus/Accusativus cum participio*, *Genetivus/Ablativus absolutus*) but typical for the periodic speech in the ancient languages. Based on the analysis of five different works (biographic, on natural science, publicistic (exhortatory and eulogistic speeches), and epistolary) the process of proper translation from the above mentioned languages is shown.

M. Ballard, Professor of Research Centre “Lettres et Langues”, Artois University, Arras (France)

PROVERBE ET TRADUCTION

The article is devoted to the translation of proverbs. The author reviews formal and semantic characteristics of proverbs and their social meaning. He notes that the main principle is to look for possible variants in the lexis of the target and source languages. Using the French and English languages, the author shows the main ways of attaining equivalence in translating proverbs and systematizes difficulties.

E.M. Kirsanova, Cand. Sc. (Philology), Ass. Professor, Department of English, Faculty of Translation, MSLU; e-mail: elena.kirsanova@mail.ru

ON THE IMPACT OF ETHNOCULTURAL STEREOTYPES ON THE TRANSLATION PROCESS

On the example of alimentary stereotypes as an integral part of the national culture, the article regards the problem of misinterpretation and considerable losses of information caused by the translator's traditional conceptual inertia and a simplified interpretation of the original.

Rimma A. Malinina, Cand. Sc (Philology) Ass. Professor of the Department of Translation Theory and Methodology (Lomonosov MSU); e-mail: r_malinina@mail.ru,

Tatiana V. Pushkaryova, Cand. Sc (Philosophy). Ass. Professor of the Department of Culturology, Russian State Social University; e-mail: ap-bib@yandex.ru

GEDÄCHTNIS — ERINNERUNG — ERINNERUNGSKULTUR IN THE MODERN HISTORICAL PERCEPTION OF GERMANY. PROBLEMS OF TRANSLATION

This article deals with problems of historical memory at different levels of the German

historical consciousness (first of all, scientific and ideological). Revealing peculiarities of the use of concepts “Gedächtnis” (memory), “Erinnerung” (memory, recollection) and “Erinnerungskultur” (culture of recollections) with concrete examples from the modern scientific, publicistic, school educational German literature, the authors come to the conclusion that the concept “Erinnerung” (having a more dynamic and subjective character, considering the individual dimension) is used much more often than concept “Gedächtnis” (having a static and objective character, more of the social dimension). Recollections (“Erinnerungen”) are understood as a certain sample of solid historical memory (“Gedächtnis”) which can be socially useful at a certain historical stage and in which the human dimension must be expressed. The experience in creating a system of socially useful historical memory of the recent past, based on the coordinated civil version of this past, is expressed through the concept “Erinnerungskultur” (there is no adequate translation equivalent in Russian today). The variety and peculiarities of the use of the German vocabulary relating to the concept “historical memory” reflect the specificity of the memorial branch in the Humanities in Germany, i.e. politicalization and great attention to paid to the problems of the XX-th century.

M.A. Marusenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Romance Philology, St. Petersburg State University; e-mail: mamikhail@yandex.ru,

A.V. Shabalina, Post-graduate student, Department of Romance Philology, St. Petersburg State University

THE FRENCH LANGUAGE AS THE INTERNATIONAL LANGUAGE OF DIPLOMACY: HISTORICAL FACT VS. DYNASTIC FICTION

The article studies the history of the use of the French language as the language of international diplomacy. Despite the traditional point of view according to which this period started in 1714, the first international diplomatic document to be written in French was, in actual fact, the treaty of the devolution of the French crown to the King of England that was signed by the King of England, Edward III and the King of Navarra, Charles II the Angry 1 August 1351. The authors explain why this fact has been ignored by the official French historiography.

D.G. Estoeva, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Ingush State University; Applicant (Seeker) for the Department of Romance languages of Kabardino-Balkarian State University; e-mail: shomakhova@rambler.ru

THE STRUCTURAL AND SEMANTIC PARADIGM AS A MEANS OF APPROPRIATE TRANSLATION OF THE LINGUOCONCEPT “HONESTY” IN THE LANGUAGES WITH DIFFERING SYSTEMS

This article analyses the structural and semantic paradigm as a means of appropriate translation of the linguoconcept “honesty” in the languages with differing systems. This article exposes the semantic components of the Source Text (ST) and Target Text (TT) which structure linguoconcepts in Modern Russian and German. It also reveals the peculiarities of the linguoconcepts in the languages under consideration. The semantic and cognitive model of the linguoconcept of the ST and TT representing the semantic and cognitive expression of linguoconcept in the languages under consideration. The semantic and cognitive model of the linguoconcept “honesty” is structured considering the paradigmatic relations nucleus ↔ periphery, which contribute to a more precise and complete translation of the semantics of lexical units.

A.I. Yandieva, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Ingush State University; Applicant (Seeker) for the Department of Romance languages of Kabardino-Balkarian State University; e-mail: shomakhova@rambler.ru

THE SEMANTIC-COGNITIVE AREA OF THE CONCEPTOSPHERE “DUTY” IN THE PARADIGM OF THE SEMANTIC TRANSLATION THEORY

This article is a comparative study of the relations between the notions “meaning ↔ concept” from the point of view of the semantic translation theory in interaction with the progress of conceptual semantics. The analysis of the problem at the level of the target text helps to differentiate these notions and shows that the structural content of the linguoconcept is in the semantic sphere of the concept in which the seme is an elementary particle of the meaning. The space model of the concept “duty” space can be presented in the form of spherical hierarchy: nucleus ↔ periphery.

M.O. Alekseyeva, Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation (Lomonosov MSU); e-mail: monorime@mail.ru

SEMASIOLOGIC ASPECTS IN STUDYING ORTHODOX TERMINOLOGY

The article deals with a number of specific issues in studying the semantic of terms, relating to the Russian Orthodoxy. Such phenomena as monosemy, ambysemy, polysemy, and eurysemy in religionyms are researched. The peculiarities of homonymy and synonymy, and a number of other aspects of studying the semantic of confessional terms are explained. Quantitative and qualitative analysis of polysemic Orthodox terms is carried out.

№ 3 2009

Nikolay K. Garbovskiy, PhD, Professor, Dean of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University,

Olga I. Kostikova, Associate Professor. Vice-dean the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University

CONFESSION OF THE GREAT TRANSLATOR OR THE FIRST EUROPEAN TREATY ON TRANSLATION

The article deals with St. Jerome’s treaty “On the best method of translation”. It is the first in the series of original materials about the prominent stages in translation history and the translation into Russian.

Maria V. Korolyova, Chairman of the Gaelic Society of Moscow, Senior Lecturer in ESP at the Faculty of Economics, the Lomonosov State University of Moscow, Russia; e-mail: mairi@mail.ru

THE TRANSLATION AND LANGUAGE OF FOIRM NA N-URRNUIDHEADH

The article focuses on the historic impact of Bishop Carswell’s Gaelic translation of the *Book of Common Order* — *Foirm na n-Urrnuidheadh* (1567), stressing the role this first Gaelic book in print played in setting the future standard for the written Scottish Gaelic of today. An attempt has been made to cover the issues of primary interest concerning the translation, contents and the language of *Foirm na n-Urrnuidheadh* together with a historic commentary supplied where relevant. The conclusion is that the choice of the Classical Gaelic as the language of translation — the common literary tongue shared by the Gaels of Scotland, Ireland and the Isle of Man — set the highest possible standard for the future translations into Gaelic and determined the continuity of the Gaelic prose up to the Modern times.

Yulia A. Bogatikova, PhD, Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, the Lomonosov State University of Moscow, Russia; e-mail: bogatikova@gmail.com

**«HYPERTEXT» AS A LITERARY DEVICE
AND THE PROBLEM OF TRANSLATION
WITH COMMENTARIES IN THE NOVELS
BY V. NABOKOV**

The article deals with the term “hypertext” as a literary device in contemporary novel and in its connection with the term “intertext”. The example of V. Nabokov’s *Pale Fire* shows the functions of the academic device in fiction. Nabokov borrows the pragmatic academic way of textual organization into high literature, giving it a new aesthetic meaning. In connection with this the traditional form of translator’s commentary and its influence on the original textual meaning is discussed.

Polina P. Dashinimaeva, candidate of philology sciences, associate professor, honoured worker of higher education of the Russian Federation, associate professor at the chair of translation and intercultural communication Buryat State University; e-mail: polinadash58@mail.ru

**FROM SPEECH ANTHOLOGY TOWARDS
TRANSLATION MODELING
(after word to ye.f. tarasov’s lectures)**

The author’s position consists in the belief that the foundation of interpretation methodology is speech onthology. So, a preliminary translation act sequence $\langle \text{exteriorization-1} \Rightarrow [\text{decoding-1} \Rightarrow \text{exteriorization-2}] \Rightarrow \text{decoding-2} \rangle$ is modeled on the basis of the six finite psycholinguistic presuppositions of speech production and perception. These presuppositions are as follows: a correlation between thought and word, interior intermediate code, stable and movable ethnic mind constituents and the specifics of individual associative verbal net.

Yelena Yu. Bulygina, Director of the Institute of Philology, Mass Information and Psychology, PhD in Philology, Professor at the Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Russia

Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Professor at the Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Russia

**URBAN SPACE IN THE EUROPEAN LANGUAGE PICTURE
OF THE WORLD: STRATEGY OF THE APPROPRIATE
TRANSLATION**

In the current article the authors explore a thematic group of urban nominations in lingua-culturological aspect, supposing the comparison of several languages. Investigation of the urban spaces’ names provides us with new information about the semiotic system “City” within different language pictures of world. Such investigations become highly significant for the theory and practice of translation. The translator’s activities can be complicated because of the culture-specific (nonequivalent) vocabulary, semantically shifted parallel nominations as well as differences in the pictures of the world of different nations, explicated in the urban lexics.

Tatyana N. Gorokhova, Graduate Student at the Institute of Asian and African Studies, the Lomonosov State University of Moscow, Russia

**RUSSIAN TRANSLATION ADEQUACY ISSUES
FOR JAPANESE BACKCHANNELS**

The article contains a definition for “backchannels” and specifies its usage features in case of Japanese oral and written backchannels. It is a well known fact that backchannels in Japanese are commonly used, but some of them continue to remain difficult for foreigners’ correct understanding. The examples of backchannel’s translation from Japanese into Russian are carefully examined in attempt to clarify the situation.

Inna Kh. Khuntkuzheva, Senior Lecturer at the Chair of Romance Languages, Kabardino-Balkarian State University, Russia

THE STRUCTURAL-SEMANTIC ASPECTS OF THE TRANSLATION OF CONCEPTOSPHERE «LANGUAGE» IN LANGUAGES OF DIFFERENT SYSTEMS

The article is devoted to the structural-semantic aspects of the translation of conceptsphere “language” in different lingo-cultures which are presented by the Russian, the French and the Kabardian-Cherkessian languages. To our mind, the key problem is the attainment of equivalence at communicative collusion of two or more languages. The great interest the linguists show to that problem leads to the necessity to differentiate the notions *sense* and *meaning*. The semantic component “language” which we singled out is particularly productive in the formation of phraseologisms of the three investigated languages and it demonstrated the high level of congruence of concepts which we revealed in a process of the structural-semantic search from the point of view of the translated text.

Marianna O. Alekseeva, Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation (Lomonosov MSU); e-mail: monorime@mail.ru

THE PECULIARITIES OF THE SPACE OF SENSE IN THE RUSSIAN ORTHODOX TERMINOLOGY

The article discovers the Russian orthodox terminology from the point of view of semiotics. The meanings of categories “sense” and “sign” are being disclosed. Complicated structure of sense of religionyms and symbolic part of confessional lexicon are studied. Verbal and non-verbal semiotically important elements of orthodox terminology are stressed.

№ 4 2009

T.A. Alekseitseva, Head, Interpretation Laboratory, Saint-Petersburg State University

EXPLICITATION OR ENDLESS SEMIOSIS

This paper deals with shifts between implicit and explicit information in literary translation. Explicitation entails multiple risks since it relies on the translator’s subjective judgment and on the endless interpretation

of meaning. Explicitation is considered as being partial by definition, though in a specific context it may in fact turn out to be necessary and sufficient or, on the contrary, redundant and inadequate.

Svetlana V. Vlasenko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of English at the Law Department, State University — Higher School of Economics; e-mail: svetsign@stream.ru

TRANSLATION ACROSS PROFESSIONAL COMMUNICATION DOMAINS FROM A PSYCHOLINGUISTIC PERSPECTIVE: PERCEPTION AND COMPREHENSION OF SPECIALIZED TEXTS THROUGH MATCHING ENGLISH-RUSSIAN TRANSLATION CASES

The article outlines the author’s views on translation in professional communication domains in terms of relevance for both translation theory and practice from a psycholinguistic perspective. Technical texts intended for communities of experts and/or professionals in various fields of knowledge and sector-specific activities are considered as complex in terms of perception and comprehension for translators or interpreters both with and without philological and non-philological backgrounds. Referential relations between textual units and real-life situations are considered as fundamental for generating meaning in translation, i.e. for translation/interpretation semantics, since these are crucial for the translator’s perception of denotational situations. They are deemed “real” for the translator’s comprehension of beyond-the-text reality “fragments” represented in texts via specific speech and/or language elements. A “fragment” of the real-life situation actualized in the text is held to be semantically consistent with a denotational situation; this is exemplified by English—Russian translation cases as alternative cross-language renderings of decoded phrasal units.

Anna Kostikova, PhD, Associate Professor, Deputy Dean, Philosophy Faculty, Lomonosov Moscow State University

P. RICOEUR’S PHILOSOPHY OF METAPHOR

The article analyzes a philosophical concept of Paul Ricoeur. Ricoeur’s interests include history, sociology, culture studies, psychology, neuropsychology, ethics, politics, law, and philosophy, i.e. the entire range of the humanities. Ricoeur expressed and applied his method of philosophic creation. Metaphor invention, i.e. interpretation, is the

production of new meanings (zdes' slovo "meanings" nuzhno, tak esli skazat' "senses" eto sozdaet putanitsu s angliiskom znacheniem etogo slova "chuvsto" — LV) and represents a "semantic innovation" beyond logical and verbal control.

Vladimir V. Mironov, Doctorate, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

PHILOSOPHY AS SENSE INTERPRETATION

The article describes philosophy as a science that, in contrast to specific sciences, is not aimed at accuracy. Philosophy's overarching characteristic is that it is less unequivocal and has a flexible system of concepts. The result of philosophical reflection is a text that represents the philosopher's personal interpretation; thus, multiple philosophical perceptions of the same problems are possible. This is manifested in the "untranslatability" of a philosophical text into another language. A philosophical text is a language system rich in senses and meanings; its translation, therefore, is always an interpretation and adaptation to the receiving culture. After the translator has completed the work of interpretation and adaptation, though the target text may remain externally similar to the original, it may differ considerably from it in terms of sense and meaning.

Eduard N. Mishkurov, Professor, Dr. Habit. Arabic Studies, Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University

THE MEANING OF TRANSLATION AND TRANSLATION OF MEANINGS (socio-historical, logical/philosophical and linguo-cultural essays)

The paper deals with the study of the correlation between an ideal (eto — ne poangliiski, ne poniatno i zvuchit smeshno. Predlagaiu: "a socially targeted concept") of translation, a concrete "social proposal" for translation and the real process of translation of certain meanings and implications in the light of A.N. Leontyev's well-known maxim, "It is not the meaning but life that generates sense". As a factual basis for this investigation the author makes use of translations of the sacral (Biblical and Koranic) texts done at different times from Hebrew, Greek and Arabic into Latin, Slavic and Russian. It is especially noteworthy that most of them were the work of outstanding translator-scholars (philosophers-theologians, teachers of religion, orientalist-philologists etc.).

Taking into account that the translator's "liberty of choice" is rigorously restricted within the semantic, semiotic, historic, linguistic, social, psychic and other boundaries of translation competence (N.K. Garbovsky), the author nevertheless does not see a translator's personality as an "invisible intermediary"; on the contrary, he perceives him as an active subject of the translation process whose creative, linguo-cultural and ethno-social potential and mentality are inevitably reflected in the choice of interpretative examples, forms, devices and in the manner of sense expression in a translated discourse.

Vera S. Naumova, Student-master, Russian State Humanities University, Department of history and philology

CRITICISM OF POETIC (slovo "poetical" imeet drugoe znachenie chem. "poetic" — LV) TRANSLATION FROM THE PERSPECTIVE OF ADEQUACY (based on a German translation of Vladimir Mayakovsky's poem "Take that!")

In this article, translation criticism is considered as a science closely connected to the translation process and having its own objects, tasks, research subjects and research methods. From the perspective of both theory and practice, the author researches the concept of pre-translation analysis using the example of Vladimir Mayakovsky's poem «Hare!» (Take that!) and its German translation "Da habt ihr" by H. Huppert. From the perspective of adequacy, translation criticism is researched at four language levels: communicative, lexical, syntactical and phonetic. Conclusions regarding the degree of compliance with the translation norm are based on the result of a multilevel pretranslation and comparative analysis of the two poems.

Natalya M. Nesterova, PhD, Professor, Department of Foreign Languages, Linguistics and Cross-cultural communication, Perm State Technical University; e-mail: nest-nat@yandex.ru

SENSUM DE SENSU: SENSE AS THE OBJECT OF TRANSLATION

The paper deals with the problem of defining "sense" as a fundamental category in translation studies. Though traditionally "sense" has been considered as the object and the invariant in any translating process, an analysis of the nature of sense shows that it cannot be the invariant because it is an attribute of the recipient, not of the text. Such

an understanding of sense means that in the process of text perception the sense is not “extracted” from the text, but is rather “ascribed” to it by the reader (the translator), and therefore is always subjective. This means that some semantic shift is unavoidable, for this is an ontological characteristic of translation.

Marina Yu. Nikitina, Student, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University; e-mail: nikitinamarishka@mail.ru

DIFFICULTIES IN TRANSLATING FICTION TITLES (based on Russian, English, and Greek examples)

In translating fiction the importance of the title should not be neglected, since this significant item is the first thing the reader sees. It is important that the translated title produce the same impression as the title of the original work. The translator, however, may encounter a range of difficulties. A polysemantic word, an archaism, a lexico-grammatical category typical of the SL but not used in the TL, a specific contextual meaning, etc., may appear in titles. The question therefore arises as to how translators cope with the translation of fiction titles.

Olga V. Orishak, Cand. Sc. (Philology), Head, French Language Department, Military University of the Russian University

SENSE ACTUALIZATION IN TRANSLATION

The paper examines the main stages and characteristics of the translation process. Comprehension of the text, which is predicated on transformation and empathy, provides the key to a successful translation. It is also linked to the interpreter’s specific thinking and depends on the distinctive psychological features of his/her personality. The second stage of the translation process includes the sense actualization of the original text in the new speech message. During the complex psycholinguistic process of translation, the meanings of separate elements of the statement and the meaning of the statement as a whole are thus transformed through comprehension of the general sense, into new meanings in the interpreter’s consciousness

Yelena A. Chaginskaya, Cand.Sc. (Philology), Assistant Professor, Department of Romance Languages, Academy of the Federal Security Guard Service of the Russian Federation; e-mail: melemma@inbox.ru

CONVERSIONS OF SENSE: LOOKING THROUGH THE PRISM OF THE COMPARATIVE-EXEGETIC METHOD

The present article focuses on a linguistic method that consists in the comparison of synoptic fragments of the Bible in different translations. This method allows for the study of sense variations characteristic of different translations through an analysis of the process of the choice of lexical means of expression. The same sense changes given exposure to different nations as a result of their specific mentality and values, which can thus be described with considerable objectivity. In treating the concept “sense”, the author has been guided by Alexei F. Losev’s philosophical concepts.

№ 1 2010

Boris L. Boiko, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Military University, Moscow, Russia; e-mail: borisboiko@gmail.com

UNTRANSLATABILITY ISSUES (based on military texts)

There are no blind alleys in translation. Each interpreter knows how to transfer some tongue and ethnic singularity from one language into another. The lexical units of military text belonging to belles-lettres or to lexicography can be expressed or interpreted in the same manner as a political, scientific text or a text from any other walk of social life.

Vera E. Gorchkova, Dr.Sc. (Philology), Professor at the Department of Translation, Translation Studies and Cross-cultural Communication, Irkutsk State Linguistic University, Russia; e-mail: gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

FILM DIALOGUE TRANSLATION IN THE LIGHT OF GILLES DELEUZE’S CONCEPTION

Relying on the philosophical notions “movement image” and “time image” proposed by G. Deleuze, the author attempts to expand the technology of film images by introducing the notion “sense image.” Such interpretation makes it possible, on the one hand, to create an integral representation of cinematographic image, and, on the other hand, to take into account a verbal component of the film — the film

dialogue, which is not reflected in the French philosopher's conception but is of paramount importance as a subject-matter of cinema translation. The author's theses are instantiated by a solid body of illustrative material.

Irina Y. Shabaga, Cand.Sc. (History), Ass. Professor, Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation and the Department of History, Lomonosov MSU, Russia

THE TREATISE "ON CORRECT TRANSLATION" BY LEONARDO BRUNI

Translation of the critical treatise "De interpretatione recta" (1420), written in Latin by the famous Italian humanist Leonardo Bruni, is analysed in this article. Some criteria of "correct" translation, based on the analysis of mistakes made by many other translators and on his own experience of translation from ancient Greek into Latin, are suggested in his work.

Yulia A. Bogatikova, Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia; e-mail: bogatikova@gmail.com

LONDON: THE BIOGRAPHY BY P. ACKROYD: TRANSLATING COCKNEY

Chapter 14 about Cockney was removed in the Russian edition of *London: The Biography*. This elimination distorts both structural and cognitive form of the narration, cuts out authorial innovations to the genre of biography. The suggested strategy of translating the chapter allows not only to restore the original documentary information but also reconstructs the literary devices used by the author in his innovative form of biography.

Bogumil G. Gasek, MoA, Employee at the Department of the Russian Language, the Institute for Slavic Philology at the University of Wrocław, Poland; e-mail: bogdan156@rambler.ru

SPECIFIC CHARACTER OF *LEXICAL AND SEMANTIC INTERFERENCE* IN TRANSLATION INTO NATIVE LANGUAGE (based on russian and polish examples)

The author of the present article attempts to present the specific character of *lexical and semantic interference* in translation into native language. Within the conducted research such possible sources of the aforementioned phenomenon as the reception of a source text unit in

the context of the native language and/or culture and the problem of the incomplete understanding of the text in the foreign language have been revealed and analyzed. During the analysis of the latter phenomenon, special attention was paid to colloquial vocabulary and obscenities for two reasons: first, due to the activation of colloquial vocabulary and obscenities in Polish and Russian at the end of the 20th century and in the beginning of the 21st century; second, due to objective difficulties in establishing equivalents caused by insufficient representation of a given range of problems in the bilingual lexicography and an insufficient allowance of such range of problems in the process of teaching a foreign language and translation training.

Bachyt N. Zhanturina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Foreign Languages Department, Moscow Pedagogical State University, Russia; e-mail: uvaursi@inbox.ru

COLOUR TERMS IN TRANSLATION

Some hermeneutic aspects inherent in the translation of poetic diction are discussed; the skeleton of the vista and its geometrical perspective, marked by colour terms, in Emily Dickinson's poem play as crucial a role in the verbal presentation of initial and target landscapes as it does in visual arts.

Rimma A. Malinina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Chair of Translation Theory and Methodology, the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia; e-mail: r_malinina@mail.ru

EXPERIMENT OF TRANSLATION OF LEXICAL UNITS WITH LARGE SEMANTICS

This article, based on German and Russian sources, is devoted to the translation of lexical units of wide semantics using semantic modeling. Referential correlation of such lexemes and structures with a considerable quantity of designated realities allows to distinguish generalizing semantic components in the semantic structure of languages compared. These components structure the semantics of lexical units analyzed in the article along with differential semantic characteristics. In the translation process equivalents are revealed and comparison of their semantic structures shows that generalizing semantic components remain constant while the set of additional semantic characteristics may differ from language to language. It happens due to the fact that the volume of meanings of a word is determined by the language it belongs to.

Marina Yu. Palazhchenko, Cand. Sc. (Culture Studies), Senior Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia

ON CERTAIN WAYS OF TRANSLATING POLITICALLY CORRECT LEXEMES

The article analyses different ways of translation of the politically correct lexemes, questions challenging the translators, and difficulties to be overcome. Special attention is paid to the cultural differences which, on the one hand, make the translation irrelevant and on the other — give a new substance to the borrowed lexemes.

Yelena A. Kozhanova, Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia; e-mail: eklenushka@gmail.com

EXTRALINGUISTIC FACTORS OF METAPHORIC PROCESS IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

The article deals with the principle role of metaphors in the process of nomination. It illustrates how metaphoric constructions shape the linguistic worldimage. The dominant spheres of economy, politics and high technology provide new metaphors. The metaphoric constructions present a framework for viewing how the language changes along with the society and the world.

Larisa A. Manerko, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia; e-mail: wordf2000@yahoo.com

ENGLISH SCIENTIFIC DISCOURSE: STEPS OF SHAPING THE SUBJECT

Main stages of the English scientific discourse are presented in this article. The author focuses on the appearance of the English scientific prose, shows how the vocabulary of the language is enlarged and enriched by Arabic, Latin, Greek, French, and other languages' words, how phrases and sentence become part and parcel of the larger syntactical units of the written communication. Borrowings were often adopted from translated books written in other languages. The development of various spheres of human activity was based on experiments of scholars, the appearance of new ideas; it was associated with the expanding scientific outlook provided by empirical and theoretical knowledge. Gradually, having covered such a long path from the 14 up to the 18th centuries in English there appeared not only a special scientific style, but also a specialized scientific discourse.

Victoria Yu. Nemonezhnaya, Cand.Sc. (Philology), Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia; e-mail: vika_ne@mail.ru

FOREIGN DISSEMINATIONS AND THE STYLE OF NARRATION (based on the historical novel “The white Company” by Arthur Conan Doyle)

This article is devoted to the problem of foreign disseminations impact on the style of narration and its adaptation, spotting instances when the form of the statement is more important than the meaning.

Marianna O. Alekseyeva, Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia; e-mail: monorime@mail.ru

STUDYING ORTHODOX TERMINOLOGY AS ONE OF THE ASPECTS OF TEACHING TRANSLATION TO FOREIGN STUDENTS (Theoretical Premises)

The article studies the necessity of including the Orthodox terminology into the lexicographic course of Russian language for foreign students. Not only is the Orthodox terminology a specific vocabulary that serves an important sphere of life of the Russian society; it is part of the national language and accumulates a significant part of cultural and historical information. The most interesting aspect of studying the orthodox terminology is emotionally expressive, national, cultural, and ideological connotations.

№ 2 2010

Boris L. Boiko, Dr.Sc. (Philology), Professor at the Military University, Moscow, Russia; e-mail: borisboiko@gmail.com

THEORY AND PRACTICE OF MILITARY LEXICOGRAPHY: A STUDY BASED ON MILITARY GERMAN—RUSSIAN DICTIONARIES OF 1941—1945

This article is dedicated to the analysis of the military German—Russian dictionary used throughout the Great Patriotic War of 1941—1945. Its construction reflects the lexicographical culture of specialized dictionaries: vocabulary, which comprises over 35 thousand words and phrases as well as abbreviations surrounded by the author's introduction, instruction for users, alphabets, supplementary information about the symbols of staff departments and the strength of German units. Each

dictionary entry has its own unique structure: entry word or headword, word-groups and phrases accompanied by some information on the German military forces.

Nikolai K. Garbovsky, Dr. Sc. (Philology), Professor, Dean of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow Russia,

Eduard N. Mishkurov, Professor, Dr. Habit. Arabic Studies, Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: mishkurov@inbox.ru

MILITARY TRANSLATION IN THE MODERN WORLD: THEORETICO-METHODOLOGICAL, LINGUISTIC, HISTORICAL AND POLITICO-SOCIAL ASPECTS

The article deals with a variety of issues relating to the theory, methodology and history of military translation, as well as the specificity of military parlance. The authors analyze the changes the Russian language underwent during the Great Patriotic War along with the basics of the modern theory of military translation and the place of military terminology research in the science of translation. A special emphasis is put on quality training of military translators/interpreters.

Vladimir S. Gall, Senior political training officer for hostile forces and population of the Soviet Army political department at the times of World War II, now retired

FROM THE MEMOIRS OF A TRUCE ENVOY

The article is dedicated to an envoy's recollection of an interesting episode, which took place shortly before the victory in the Great Patriotic War. This event describes the liberation of Spandau — a fortress in the suburbs of Berlin. The Soviet troops made every effort to prevent the storm of the fortress, which would have resulted in bloodshed. There were peaceful inhabitants there: the elderly, women and children. So, their destiny depended on the bearers of the flag of truce, who showed outstanding courage and saved many innocent lives.

Ramuntxo Garderes, Employee at the Administration of Military Doctrine and Higher Military Education of the Ministry of Defense of the French Republic, President of Inter-Army Committee on Military Terminology

HISTORIQUE DES “INTERPRÈTES MILITAIRES” FRANÇAIS

The article is dedicated to the history of military interpreters in France: from the Napoleonic Wars up to the present day. The authors shows military interpreters' functions in times of war, analyzes the

structural changes the detachments of military interpreters underwent in the course of human events, tells the stories of the most outstanding French military interpreters and provides some information on military interpreters' associations.

Roman A. Matasov, Cand. Sc. (Philology), Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia; e-mail: rmatasov@mail.ru

SIMULTANEOUS INTERPRETERS AT THE NUREMBERG TRIAL: HUMANI NIHIL A ME ALIENUM PUTO

The author of this article invites the reader to look at the Nuremberg Trial against leading Nazi war criminals through the eyes of the simultaneous interpreters who worked at the “six-million-word trial” so as to better understand the thoughts and emotions they experienced during the court sessions. Contrary to the common misconception about simultaneous interpreting as a purely mechanical activity, the interpreters worked creatively and selflessly. Every once in a while their complex feelings became apparent in various ways, which proves that the simultaneous interpreters did not work like soulless automatons. They were thinking human beings with their own principles, high moral qualities and even somewhat peculiar sense of humor.

Izjum-Erik S. Rachmankulova, Dr. Sc. (Philology), Professor at Moscow State Pedagogical University (Chair of Linguistic Studies), Moscow, Russia; Reconnaissance Department Interpreter at the Front Line and the Home Front

THE WAY TO THE FRONT LINE

A woman at war: an interpreter and an intelligence agent. This article reveals a hard and long way of an alumna of the Military Institute of Foreign Languages during the Great Patriotic War and her work as a professor of German at various higher schools after the War as well as her scientific work in the field of translation theory and practice.

Victor M. Sukhodrev, Alumnus of Military Institute of Foreign Languages (1956); Personal Interpreter of Nikita Khrushchev, Leonid Brezhnev and Mikhail Gorbachev

MY TONGUE IS MY FRIEND (FROM THE MEMOIRS OF AN INTERPRETER)

The article is dedicated to the difficulties of the job of an interpreter who has to serve as a mediator in the process of mass communication at

the highest political level (talks between heads of state, the UN General Assembly sessions, etc). It shows specific features of interpretation, such as the skills of delivering the right meaning of an utterance in the context of interstate and interpersonal relations of high-ranking officials. To be acquainted with realities of a given country and its language along with translation techniques is not enough. It is equally important to be capable of understanding a person's psyche and the subject matters of negotiations. The article puts an emphasis on the interpreter's readiness to encounter terminological, idiomatic (e.g. the infamous expression "Кузькина мать") and physiological difficulties.

Yevgeny G. Torsukov, PhD, Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: evg65987514@yandex.ru

THE ALMA MATER OF MILITARY TRANSLATORS AND INTERPRETERS

The article is dedicated to the problems of training of military translators. It tells the story of one of the oldest military higher schools in Russia. It shows the main stages of the formation of this institution, the activities of professors and teachers in training and bringing up military translators. The translators were highly required in the years of the Great Patriotic War as well as in the post-war period, in the course of some local wars and armed conflicts.

Mikhail Ya. Tsvilling, Dr.Sc (Philology), Professor, Head of Chair of Translation Critics and History at Moscow State University of Linguistics

HOW I LEARNT THE GERMAN LANGUAGE

The article focuses on the process of training of military interpreters at the Military Institute of Foreign Languages and their further work at the front line. The author dwells on both the question of the post-war development of military interpreters' training and the flourishing of all kinds of interpreters' activities related to the German language as well as scientific and pedagogical work in Germanic Studies.

№ 3 2010

Nikolai K. Garbovsky, Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok1946@mail.ru

TRANSLATION AS ARTISITC CREATIVITY

The article discusses literary translation as artistic creativity on the examples of French translations of Anton Chekhov's *Seagull* made at different periods and reflecting different translation strategies. The article contrasts decisions taken by A. Adamov, M. Duras, A. *Markovic and F. Morvan* as well as F. Courvoisier, A. Vitez, E. Triolet. Suggested solutions are analyzed and an attempt is made to justify their transformations and deformations of Chekhov's text.

Eduard N. Mishkurov, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: mishkurov@inbox.ru

ON THE METATRANSLATION ASPECTS OF LITERARY TRANSLATION

The author considers literary translation as a metatranslation and polysynthetical action of figurative intellectual creative work for the purpose of generating a tertiary discourse-perlocutive literary text addressed to a potential recipient. The literary text presented as a result of re-expressing the source text in the form of a tertiary linguopoetical sign system contrasts with the secondary sign system of translated non-literary (occupational) texts. The pre-translation stage in the translator's literary work is characterized as a stage of generating a secondary text "for himself"; on its basis, the translator makes a decision concerning the means and forms of verbalizing a final tertiary text (quasi-translation) for the outer recipient.

Larisa I. Razdobudko-Chovich, Dr. Sc. (Philology), Professor, Dean of the Faculty of Philology, Pan-European University, Banja Luka, Bosnia and Herzegovina; e-mail: covicb@mail.ru,

Branimir Chovich, Academician, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Faculty of Philology, Pan-European University, Banja Luka, Bosnia and Herzegovina; e-mail: covicb@mail.ru

ON INTERLINGUAL AND INTERSEMIOTIC TRANSLATION AS A PREREQUISITE FOR INTERMEDIAL REALIZATION OF THEATRE PLAYS: FROM THE LITERARY-AESTHETIC TO STAGE AND CINEMATOGRAPHIC ARTS (Based on the Play *Uncle Vanya* by Anton Chekhov and Its Translation into Serbian)

In this study, we set three main objectives. *First*, each of us tried to illuminate the complex phenomenon of translation in its multiple manifestations: from inter- and intralingual translations and to intersemiotic. We studied possible cultural shifts in the translation of remarks in the play *Uncle Vanya* by A.P. Chekhov into the Serbian language (very closely related to Russian) with all the consequences arising from the setting on stage or adapting the play in the original and/or target language. That is why the *second* objective of this work was understanding different socio-cultural informative remarks in *Uncle Vanya* in the original text as well as in its translation, which eventually facilitated a better understanding of two cultures in contact: Russian and Serbian. Finally, and this was our *third* objective, we compared pragmatic features and cultural traditional means of nonverbal communication in Russian and Serbian.

Olga I. Kostikova, Associate Professor, Deputy Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok@list.ru

SLATION CRITICISM: TRANSPARENCY VS REFLECTION

The article studies two metaphorical images, namely “transparent glass” and “mirror”, used in translation criticism along with the notions of *transparency* and *reflection* for describing the characteristics of translation in terms of interrelation between the “own” and the “foreign.” The author analyses Henri Meschonnic’s critical essay on the French translation of Anton Chekhov’s *Seagull*.

Nadezhda N. Mironova, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: nnmironova@yandex.ru

TOWARDS THE HISTORY OF LITERARY CRITICISM: “DER KRISCHGARTEN” – THE CHERRY ORCHARD BY A. CHEKHOV IN GERMANY

The literary criticism of translated works by A. Chekhov presents quite a diverse picture of literary and theatre critics’ and translators’ opinions. Germany still takes an extraordinary interest in the great Russian writer’s drama: the recent premieres of *The Cherry Orchard* newly translated into German, are vivid illustrations of the play’s new reading in the new XXI century. The article contemplates the questions of interaction between different theoretical schools in their studies of foreign-language and foreignculture drama, demonstrated through the material of *The Cherry Orchard*. The national theatre Chekhovian traditions in Russia and Germany have been enriching each other since 1906. It is the influence of extralinguistic factors, including novelties of drama directors, on the translators’ decision, that the article is devoted to.

Natalya G. Asoskova, Teacher at the Chair of Translation Theory and Methodology, the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: talias@list.ru

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF CHEKHOV’S STORIES INTO FRENCH

The article studies peculiarities of the short story genre and the problem of translation of Chekhov’s short stories into French. One of the main characteristics of Chekhov’s short stories is the extensive usage of emotionally expressive and connotative words, which presents some difficulties for the translation into another language. The analysis of translations reveals how the translators manage to solve the problem.

Tatyana M. Gurevich, Doctor of Cultural Studies, Head of the Department of the Japanese, Korean, Mongolian and Indonesian Languages, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia; e-mail: tmgur@mail.ru

ANTON CHEKHOV IN JAPAN: FROM IMAGE TO WORD

The article is devoted to the assimilation of Anton Chekhov’s literary heritage in Japan. It describes the major periods of the spread of Chekhov’s literary works in Japanese literary life through translation; discusses

the influence of his works on the 20th century Japanese authors; provides specific examples of semasiological and onomasiological difficulties faced by translators when working on Chekhov's style as well as on images created by the great Russian writer and playwright.

Natalya E. Dodonova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Taganrog State Teachers' Training Institute, Russia; e-mail: dodonova-25@yandex.ru

TRANSLATING A.P. CHEKHOV: UNIVERSAL AND NATIONAL

The paper considers some peculiarities of Chekhov's works in translation and their perception abroad with the focus on the correlation of universal and national components. The adequate interpretation of Chekhov's works is not assessed in the framework of equivalency but in the key of text entity preserved in the target language and culture. The paper dwells on the role of "interpreted adaptation" translation carried out in the limelight of communicative-pragmatic approach. Literary translation heuristic strategies are pointed out as relevant ones.

Lilia Yu. Nazarenko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Czech Studies, J.E. Purkyně University in Ústí nad Labem, Czech Republic; the Department of Russian Language and Linguodidactics Charles University in Prague, Czech Republic; e-mail: li.nazarenko@gmail.com

CHEKHOV'S DRAMA IN CZECH TRANSLATION: THE HISTORY AND THE PRESENT

The history of Chekhov's plays translations into Czech is traced. Special attention to such aspects of translation as non-equivalent lexicon, interlingual homonyms, translation of steady phraseological combinations and words-realie is paid.

Sheng Haitao, Postgraduate, Associate Professor at Changchun University of Science and Technology, China; e-mail: shenghaitao2009@mail.ru

Vera V. Bashkeeva, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Chair of Russian Literature, Buryat State University, Russia; e-mail: oaclun@mail.ru

THE TRANSLATION OF A.P. CHEKHOV'S *THE BEAR* INTO CHINESE: TRANSFORMATION IN THE HEROES' CHARACTERS

This article studies the transformations in the heroes' characters as observed in Cao Jinghua's translation of Anton Chekhov's one-act play *The Bear*. Nuances of Chekhov's comical characters are in many ways

based on the conflict between different cultural layers and language styles. Difficulties of translation and national cultural differences weaken the figurative and metaphorical components while strengthening the rational component. This can even result in a change in the play's genre.

Zhang Jianhua, Cand. Sc. (Philology), Professor at Beijing Foreign Studies University, China; e-mail: zjh121559@mail.ru

A.P. CHEKHOV THROUGH THE EYES OF CHINESE TRANSLATORS AND CRITICS

This paper summarizes the translations and studies of A.P. Chekhov's works in China made in the last hundred years, during which interpretations and appraisals of his works have undergone remarkable changes. The first phase of translation and acceptance of Chekhov's works occurred in the first half of the 20th century. Translators and critics of that period were all famous Chinese writers, such as Lu Xun, Mao Dun, Ba Jin, Guo Moruo, and Jiao Juyin. In the following thirty years (1950–1970), because of the political atmosphere in China, critics of Chekhov's works shifted their focus to his ideology and how his works would transform the people's minds in China. In the recent thirty years (1980–2010), as the spiritual environment in China has been de-ideologized, interpretations of Chekhov's works have become diversified in an unprecedented way.

№ 4 2010

Svetlana V. Vlasenko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the English Language Department, Faculty of Law, State University — Higher School of Economics under the Russian Federation Government, Moscow, Russia; e-mail: svetsign@stream.ru

REFERENCE AND REFERENTIALITY IN INTERLANGUAGE TRANSLATION

The paper features reference in interlanguage translation in terms of psycholinguistic and cognitive psychology as a universal steering mechanism enabling translation as a process. Text referentiality is treated as its capacity to be projected onto the translator's mental imagery for recognizing and identifying the links and relations with beyond-the-text substances in the real/possible world. With the view of proving and furthering the hypothesis under study, English—Russian renderings of cross-genre subtexts are analyzed from the referential perspective; these include micro-syntactical (syntagmas) and macro-syntactical units—subtexts (superphrasal units), as well as phrasal units.

Georgy I. Prokonitchev, Senior Lecturer at the Department of Translation and Translation Studies of the Faculty of Foreign Languages, Moscow State Pedagogical University, Russia; e-mail: armiger@yandex.ru

CONCEPTUAL INFORMATION AND INTERPRETATION OF A POETIC TEXT

The article deals with the conceptual information conveyed in the process of interpretation. Text interpretation does not suppose simple replacement of signs of one language system by those of another, but expression, by means of one semiotic system, the conceptual image of a text, codified by another semiotic system. The analysis shows that when translating, an interpreter inevitably has to introduce some changes in the conceptual system of the text that is to be translated.

Dmitry G. Shatalov, DPhil student at the University of Oxford, UK; e-mail: dmitry.shatalov@hillfoundation.org.uk

IN THE IMAGE AND LIKENESS: CONCEPTIONS OF TRANSLATION OF RELIGIOUS TEXTS IN SIXTEENTH AND SEVENTEENTH-CENTURY RUSSIA

In this article I demonstrate that the sixteenth- and seventeenth-century Russian translators of religious texts (Maximus the Greek, Silouan, Evfimii Chudovskii, and Simeon Polotskii) understood translation in terms of their religious conceptions. The article covers the conceptualization of translation as the achievement of similarity to the archetype (the source text).

Anna A. Korosteleva, Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: korosteleva.a@gmail.com

ON VARIOUS TENDENCIES IN RUSSIAN AND POLISH TRANSLATION PRACTICES (based the translation of foreign films)

This paper shows the language communicative means' role in the process of creating characters in a translated movie, comparing Russian and Polish traditions, and identifies the different principles of Russian and Polish film dubbing schools.

Darya A. Mironova, Graduate Student, Teacher at the Department of Translation Theory and Practice, Chelyabinsk State University, Russia; e-mail: daria.mironova28@gmail.com

THE PECULIARITIES OF PRE-TRANSLATION ANALYSIS OF THE LANGUAGE PLAY BASED ON A TRANSFORMED PRECEDENT PHRASE

The article describes the distinctive features of pre-translation analysis of the language play based on transformed precedent phrases. The research focuses on the stages of decoding various types of transformed precedent phrases (at the levels of both horizontal and vertical contexts) as well as factors that determine the translation efficiency of these phenomena into the target language.

Polina V. Khonkina, Student at the Faculty of Humanities, Belarusian State University, Minsk, Belarus; e-mail: polblr@rambler.ru

TRANSLATING IDIOMATIC EXPRESSIONS IN THE MACHINE TRANSLATION SYSTEMS

The subject-matter of this article is the translation of idiomatic expressions in the machine translation systems. The topicality of the problem is researched, the existing methods of solving the problem of idiomaticity of translations made by means of electronic translators are considered, and the translation of an extract from a German text made in the PROMT system is analyzed.

Victoria A. Beresneva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Romanic and Germanic Philology of the Faculty of Linguistics, Vyatka State University of Humanities, Russia; e-mail: avis@novo.kirov.ru

ON THE PROBLEM OF TRANSLATION OF SYNCRETIC LANGUAGE FORMS

The article reveals the author's views on linguistic syncretism and considers the factors that determine adequate translation of syncretic language forms. It is suggested that adequateness is possible only in the case of the text of translation being arranged in accordance with the actualized function of the syncretic language sign and only if it corresponds to the rules of the target language.

Bachyt N. Zhanturina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Foreign Languages Department, Moscow Pedagogical State University, Russia; e-mail: uvaursi@inbox.ru

METAPHORIC REFERENCE TO GENDER IN TRANSLATION

Metaphoric reference inherent in personification has been shown here to be loaded with gender “male\female” implications, i.e. with pronouns as substitutes for nouns denoting animals or natural events. Personal pronouns have been traced as markers of composition structure in R. Dahl’s short stories and E. Dickinson’s poem; translation techniques for rendering grammatical personification into Russian have also been discussed.

Vera M. Lukina, Teacher at the Department of the English Language of the Faculty of Physics, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: vera-lemipas@rambler.ru

ADDRESSING THE PROBLEM OF TRANSLATING LINGUISTIC UNITS OF EXPRESSIVE, EMOTIONAL AND AESTHETIC VALUE FROM ENGLISH INTO RUSSIAN (Based on the Original of *The Magician’s Nephew* by C.S. Lewis and the Russian Translation by N. Trauberg)

The article details the concepts of equivalence and adequacy in accordance with the principles laid down by K. Reiss, H. Vermeer and A. Schweizer, as well as examines various kinds of translation transformations at different levels of equivalence employing the classification proposed by L. Barhudarov. The comparative analysis of several extracts from *The Magician’s Nephew* by C.S. Lewis and the Russian translation by N.L. Trauberg allows to assess the expediency of using this or that translation transformation and discover the merits and demerits of the translation.

Yelena K. Pavlova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of the English Language for Faculties of Humanities, the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: Helen_Pavlova@hotmail.com

INFLUENCE OF THE CIVILIZATIONALLY CONDITIONED COGNITIVE DISHARMONY ON THE TRANSLATABILITY OF POLITICAL LEXICON

The article deals with the difficulties of translation of political lexemes caused by differences in their denotative and connotative meanings in the initial language and the language of translation. It is

shown that these differences are the consequences of the cognitive disharmony of pictures of the world in the collective consciousness of different civilizations. Denotative and connotative harmonization of political thesauri is suggested as a possible solution to the problem.

№ 1 2011

Nikolai K. Garbovsky, Dr. Sc. (Philology), Professor, Dean of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok1946@mail.ru

NEW TRANSLATIONS: FREEDOM AND NECESSITY

The article explores various issues of literary translation methodology, translation strategies, the advisability of new translations, searching for relevant information, and selecting specific forms that help create a new literary work in the receiving culture. The article is based upon the analysis of the author’s translations of a number of novelle by the French writer Prosper Mérimée.

Svetlana V. Vlasenko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the English Department, Faculty of Law, State University — Higher School of Economics under the Russian Federation Government, Moscow, Russia; e-mail: svetsign@stream.ru

REFERENCE AND REFERENTIALITY IN INTERLANGUAGE TRANSLATION: DIACHRONIC PERSPECTIVE

The paper revisits the topic elaborated in the earlier Translation Studies serial issue and suggests a diachronic approach towards reference in the interlanguage translation from within the psycholinguistics and cognitive linguistics perspectives. Reference viewed as the universal steering mechanism behind the translation process per se is believed to enable the translator’s mental operations. This fact was implicitly evidenced in the respective notes by antique texts’ translators who extensively reflected on their rendering of those texts into modern languages, including Russian. Source-text analysis against target language texts favored the translators’ viewpoint on intricate and referentially opaque text—reality relations whereby such reality overlaps irreality comprising coexisting human beings with imaginary characters, mythical heroes, as well as real-life and fabled objects and events reflected in the source-language texts generated in high antiquity.

Astrid Guillaume, Docteur de l'Université Paris Sorbonne (Paris IV), France, Maître de conférences, Vice-Présidente de l'Observatoire européen du Plurilinguisme; e-mail: astrid.guillaume@parissorbonne.fr

MEDIEVAL TRANSLATION: PLAY ON SENSE

This study examines the issue of Medieval translation in Europe. The author makes an attempt to fill in one of the blanks in the history of translation by showing how translations were done in the Middle Ages. Medieval translation proved quite diverse: various translators promoted various types of texts, e.g. religious, historical, literary, etc. Each of these genres required a specific approach. The author argues that translation in the Middle Ages was an art which only erudits could master. Such erudits were few in number, but they wielded a special power over uneducated people. In the Middle Ages, translation and sense were incorporated into various spheres of ideological influence, into a series of preferences and limitations, and were dependent on many factors that influenced the explicitness or implicitness of the sense-transferring process.

Dmitry G. Shatalov, DPhil student at the University of Oxford, UK; e-mail: dmitry.shatalov@hillfoundation.org.uk

CONCEPTUAL METAPHORS FOR TRANSLATION OF RELIGIOUS TEXTS IN SIXTEENTH- AND SEVENTEENTH-CENTURY RUSSIA, ENGLAND, AND FRANCE: METAPHORS OF IDENTITY

In this article I demonstrate that conceptual metaphors for translation used by translators of religious texts in the sixteenth and seventeenth centuries were largely based on the religious conceptions of the translators. The article covers various metaphors, through which translation was conceptualized as the achievement of identity.

Alla A. Romanovskaya, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Slavonic Languages, Minsk State Linguistic University, Belarus; e-mail: Alla_Rom@tut.by

INTERPRETATION OF MEANINGS OF MYTHOLOGICAL SYMBOLS IN A LITERARY TEXT

The article deals with the interpretation of antique symbols' meanings in the literary text. Symbol as an element of the code belonging to the sphere of culture is verbalized as a language sign in the text. Antique

symbol is the sign of the secondary semiotic system. While perceiving it, the recipient performs its cognitive and semantic reconstruction.

Anastasia A. Soldatova, Lecturer at D.F. Ustinov Baltic State Technical University "Voenmeh", Tver Branch, Russia; e-mail: sotto.voice@gmail.com

TO THE ISSUE OF TRANSFORMATION CLASSIFICATIONS IN LEGAL DISCOURSE

The paper explores the issue of transformation classifications in translation, cultural context and its reconstruction caused by translation of legal texts. The researcher highlights lexical transformations such as lexical omission, generalization, meaning extension and integral transposition as predominant in legal text translation and distinguishes a group of structural logical transformations including context, stylistic and grammar logical transformations as an addition to the existing transformation classifications in translation

Marianna O. Alekseyeva, Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: monorime@mail.ru

IN SEARCH OF LOST SENSE... AN INTERPRETATION OF SERGEY YESENIN'S POEM "ВИЖУ СОН. ДОРОГА ЧЁРНАЯ..." AND PROBLEMS OF ITS TRANSLATION INTO POLISH

The article studies the issues of adequacy in transferring the essence of a poetic text in translation. The content plane of one of Sergey Yesenin's late poems is analyzed with due account taken of the poet's biography and creative work as well as the times he lived in. The integrity of the original system of images and meanings in different Polish translations of the poem is discussed.

Nicolai I. Andreyev, Associate Professor at the German Language Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia; e-mail: AndreevNI@yandex.ru

DISTINCTIVE FEATURES OF THE TERMINOLOGY OF THE GERMAN MILITARY-POLITICAL DISCOURSE IN TERMS OF TRANSLATION INTO RUSSIAN

The article deals with conceptual and narrative distinctive features of the German military-political discourse which are relevant to solving

translation problems. The author argues that both pre-translation and translation analyses of a military-political vocabulary should be carried out with due consideration to its synchronic and diachronic aspects and with special attention paid to the study of the extralinguistic background of the German discourse consisting of various concepts.

Yulia N. Kupova, Postgraduate Student at the Russian Language Department, Moscow State Regional Humanitarian Institute; e-mail: dr.kupov@mail.ru,

Sergei S. Kupov, Cand. Sc., Head of the Center of Pain Management, New Medicine LTD, Moscow, Russia; e-mail: dr.kupov@mail.ru

ENGLISH-TO-RUSSIAN MEDICAL TRANSLATION ISSUES FROM THE PERSPECTIVE OF COGNITIVE LINGUISTICS (as Exemplified by the Term “Tissue”)

The article explores the emergence of the term “tissue” in the medical terminology along with various issues related to its translation from English into Russian. The authors describe in detail the development of new meanings of the aforesaid medical term from the perspective of conceptual analysis and with due account taken of etymological data.

№ 2 2011

Olga I. Kostikova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Deputy Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok@list.ru

THE HISTORY OF TRANSLATION: SUBJECT MATTER, METHODOLOGY, PLACE IN TRANSLATION STUDIES

The article considers the history of translation as an independent area of contemporary translation studies. It covers various approaches to the interpretation of certain facts in the history of translation. Special attention is given to the periodization of translation history. The periodization proposed by the author is based on scientific and technical inventions that changed the characteristics of communication and information transfer in the history of human civilization.

Dmitry Yu. Gruzdev, Interpreter at the Linguistic Center, Military University of the Russian Ministry of Defence, Moscow, Russia; e-mail: gru@inbox.ru

CORPORA AS TRANSLATORS’ TOOLS

The article considers possible ways of using ad-hoc corpora in translation into foreign languages. It is stated that these assets may dramatically improve the quality of translation. The author selected an extract from *The Catalogue of the Russian Arms* to put ad-hoc corpora into practice. All decisions as to possible solutions to translation problems are taken on the basis of the analysis of ad-hoc corpora, compiled specifically for the experiment.

Barbara Piqtek, Lecturer and Graduate Student at the Department of Slavonic Languages and Cultures, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: barbarapiqtek@hotmail.com

UPHOLDING TRADITIONS IN TRANSLATION OF IDEOLOGEMES: NAMES OF THE POLISH STATE

The article deals with translation issues of specific ideologemes, namely the issues of Polish to Russian translation of different names of Poland in her different historical periods. Generalization as the main method of translating Poland’s names throughout her history is connected with a more syncretic perception of Poland in the Russian language area as compared to the Polish language area.

Daria V. Berdnikova, Lecturer at the Department of the English Language, Faculty of Management, Higher School of Economics State University, Moscow, Russia; e-mail: dberdnikova@hse.ru

THE PECULIARITIES OF PROSAIC TRANSLATION OF SCOTTISH FOLK BALLAD “THOMAS THE RHYMER”

The translation of folk texts requires full comprehension of the content and language peculiarities in a particular historical period. The Scottish ballad genre presents special challenges in terms of its linguistic and textual structural features. S. Shabalov, the translator of the Scottish ballad “Thomas the Rhymer” into Russian, chooses direct rendering as a translation strategy that does not imply using any transformations. The author of this version makes use of sufficient amount of lexical and syntactical transformations, which are analyzed in the article.

Irina A. Votyakova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Slavonic Philology, University of Granada, Spain; e-mail: irinavotyakova@hotmail.com,

Enrique F. Quero Gervilla, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Slavonic Philology, University of Granada, Spain; e-mail: efquero@ugr.es

A COMPARATIVE ANALYSIS OF ADJECTIVES EXPRESSING AESTHETIC EVALUATION IN RUSSIAN AND THEIR TRANSLATION INTO SPANISH

In all languages there exist lexical items which express a negative and positive evaluation of objects and events. However, the reasons for which a speaker expresses his or her positive or negative evaluation are often unclear. One such reason may be insufficient reflection on the part of the speaker before expressing his or her positive or negative evaluation. In this article the authors try to identify the characteristics that should be taken into account both in terms of lexicographical description of adjectives expressing evaluation in Russian, and their translation into Spanish: the type of evaluation (i.e. total or partial); the place of the adjective on the total or partial evaluation scale; the kind of reality described; the frequency of the evaluating adjective and the style of the text. Our analysis focuses on the adjectives *красивый*, *прекрасный*, *некрасивый* and *уродливый*, which express aesthetic evaluation in Russian, and also considers their translation into Spanish.

Natalya M. Nesterova, Dr. Sc. (Philology), Professor of Foreign Languages, Linguistics and Cross-cultural communication at Perm State Technical University, Russia; e-mail: nest-nat@yandex.ru,

Yevgenia A. Naugolnykh, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Perm State Pharmaceutical Academy, Russia; e-mail: pulina_jane@mail.ru

ON “MYSTERIOUS” NONCE WORDS OF JAMES JOYCE AND METHODS OF THEIR TRANSLATION

The paper aims at studying translatability/untranslatability of nonce words in James Joyce's *Ulysses* which is known as one of the most challenging novels in the world literature. A great number of such words in the novel and their structural variety makes the task of the translator very complicated. The authors analyze both the ways of forming original new lexical units and the ways of their translation into Russian and German. The comparative analysis of original units and their Russian and German equivalents allowed to outline some regularity in the choice of a translation method and to reveal the dependence of this choice on word-formation models used by James Joyce.

Valentina S. Petrina, Graduate Student at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: well-33@yandex.ru

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PHRASEOLOGICAL-SEMANTIC FIELD “SPORT” IN THE RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES

This research deals with the phraseological-semantic field “sport” in the Russian and French languages. First of all, the author studies the structure of the field (center, core, periphery), then the relations between various units of the field, and finally the structure of the meaning of phraseological units. Such comparative research reveals several important similarities as well as differences between the way each language structures the reality.

Oksana A. Shershukova, Cand. Sc. (Philology), Doctor's Degree Applicant at the Department of Romance Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Lecturer at the Department of Romance Languages, Diplomatic Academy of the Russian Ministry for Foreign Affairs, Moscow, Russia; e-mail: okshera@yandex.ru

THE TYPOLOGY OF MEANINGS OF MASS NOUNS' PARTS IN THE PORTUGUESE AND RUSSIAN LANGUAGES

The article is devoted to different means of expressing the meaning of mass nouns' parts in the Portuguese and Russian languages. Parts of a thing may be of different size. In the Russian language partitive relations are expressed by means of cases while in Portuguese they are expressed by means of articles or their absence.

Yelena K. Pavlova, Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Department of the English Language for Humanitarian Faculties, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: Helen_Pavlova@hotmail.com

MULTILINGUAL THESAURUS AS AN INSTRUMENT FOR STUDYING OF CONCEPTS OF NATIONAL POLITICAL MENTALITY AND FOR HARMONIZATION OF POLITICAL LEXICON TRANSLATION

Differences in political mentality of different nations result in lack of mutual understanding in global public political discourse (disharmony of discourse). This disharmony could hardly be overcome in translation because of great differences in denotative and connotative meanings of concepts in different languages and cultures. The creation of multilingual thesaurus containing definition, associative field and emotional evaluation of each political concept in each language could help to harmonize translation of political texts.

Svetlana V. Vlasenko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the English Department, Faculty of Law, Higher School of Economics National Research University under the Russian Federation Government (HSE), Moscow, Russia; e-mail: svetsign@stream.ru

ON EVENT REFERENCE: BASED ON ENGLISH TRANSLATIONS OF RUSSIAN FAIRY TALES

The article features translation problems associated with Russian fairy tale renderings into English and revealed during their comparative analysis. The tales seem to represent fairly complex verbal signs and cultural phenomena whose status borders on cultural symbolism and/or semiotic artifacts. Translator perception patterns driven by the fairy tale message search for its further code-switching appear to be strongly dependent on referencing. Text surface structure is referenced to the wonder-land world of fairy tales as a certain eventful scenario. A cross-language analysis of Russian—English subtexts taken in parallels allows for tracing some text-internal translation tactics.

Eduard N. Mishkurov, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: mishkurov@inbox.ru,

Aleksei A. Nemov, Postgraduate student at the Military University, Moscow, Russia; e-mail: nemov.a.a@gmail.com

CHARACTEROLOGY OF THE MILITARY-ADVERTISING DISCOURSE AND ITS TRANSNATIONAL ADAPTATION TO SPECIFICITY OF THE REALIZATION AREA (on the English, Arabic and Russian Language Material)

For the first time ever in the advertising and translation studies in the country the authors carry out systems analysis of issues relating to the identification of the militaryadvertising discourse (MAD) essence and stylistic distinctions in comparison to household advertising. The paper presents, for the first time in the history of oriental studies, the peculiarities of the Arabic MAD as a subject of comprehensive linguistic and translation research.

Anna A. Korostelyova, Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: korosteleva.a@gmail.com

DIALOGUE COMMUNICATIVE RUSSIFICATION IN FILM TRANSLATION (Emotional Speech in Movie Dubbing)

The communicative russification of speech in the dubbed version of the movie “The Happening” (The Happening, USA, 2008) reveals a number of fundamental discrepancies in the emotional display area of the Russian and English languages. It also shows some significant typological features of the Russian language in emotional displaying. Selecting the communicative tools on three levels — the aim, the construction and the means — tends to form typically Russian linguistic strategies, adequately perceived by the audience.

Marianna O. Alekseyeva, Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: monorime@mail.ru

RELIGIOUS DISCOURSE AS A SUBJECT FOR RESEARCH

The article studies the peculiarities of religious communication and signs of religious discourse; its institutional, poliaspect and multicomponent features are stated. The discursive role of separate parts (both verbal and non-verbal) is explained. Peculiarities of the speech component of religious discourse and features of the orthodox vocabulary are defined. The correlation between discourse and text is analyzed.

Nicolai I. Andreyev, Associate Professor at the German Language Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia; e-mail: AndreevNI@yandex.ru

DISTINCTIVE FEATURES OF METAPHOR IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE

The article deals with conceptual distinctive features of metaphor in the German political discourse. The analysis of German political metaphors and metaphoric models is suggested with due account taken of their nominative, cognitive and figurative types. An increased frequency of metaphors can be registered during pre-election cross-party debates. Political metaphors is found in individual idiolects and group idiolects within the discursive anthropocentric paradigm.

Larisa Razdobudko-Čović, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Faculty of Philology, University of Mitrovica (Kosovska Mitrovica); e-mail: lrazdobudko@mail.ru,

Branimir Čović, PhD, Academician, Professor at the Faculty of Philology, Pan-European University, Banja Luka, Bosnia and Herzegovina; e-mail: covicb@mail.ru

PHRASEOLOGICAL PECULIARITIES OF ARTISTIC CONCEPTS “LIFE” AND “DEATH” IN IVO ANDRIĆ’S CYCLE OF SHORT STORIES “THE HOUSE ON THE OUTSKIRTS” AND ITS RUSSIAN TRANSLATION (Celebrating Ivo Andrić’s 120th Birthday)

The study of phraseological means of representing the concepts of “life” and “death” reveals a whole range of phraseological units, which are elements of the writer’s idiosyncrasy. It is to be noted that sometimes phraseological units are complicated by the author’s connotations, so that in the context their general meaning is undergoing a certain transformation, resulting in the emergence of the author’s individual meaning of such units. The analysis of phraseological verbalization of the concepts of “life” and “death” shows that in the text of the work the concepts become explicit by means of phraseological units that are part of the associative-semantic field of “life” and “death”. Thus, the study of basic concepts of “life” and “death”, the fundamental units of Ivo Andrić’s philosophical and value systems, has expanded the methodology of comprehending the author’s artistic world, penetrating deeper into his mental world and defining distinct features of his speech-style system. The peculiarities of the ways and means of aesthetic representation of the concepts of “life” and “death” in Ivo Andrić’s cycle of short stories “The House on the Outskirts” make it possible to speak of the uniqueness of the genre explication of the above mentioned concepts. In Ivo Andrić’s idiosyncrasy, life as a phenomenon is more complex and multidimensional than death. A variety of structural components of the concept of “life” and the many means of its objectivation in the above mentioned cycle of short stories testify to this fact. However, these concepts are inseparable from each other. Comprehension and interpretation of these philosophical categories in the cycle reflect the multifaceted nature of Ivo Andrić’s concept sphere as a manifestation of his idiosyncrasy.

Eleftherios K Charatsidis, PhD, Associate Professor at Democritus University of Thrace, Greece; e-mail: romangr2008@mail.ru

INTERACTION OF CULTURES AS A SOURCE OF PROGRESS (the Polyphemus Myth in Caucasian Peoples’ Legends)

The processes of interaction between cultures are more complicated than a simple “transfer” of achievements from a more developed culture

to a less developed one. Contacts between people have always provided impetus for historical process, and interaction and dialogue between their cultures have laid groundwork for interethnic and international relations. By the end of the 4th century BC, a “civilization contact area” between the Greek and the non-Greek worlds formed. It existed in the Caucasus and Transcaucasian region, where ethnographers have been able to collect a large number of tales, legends and myths, notably ones about Polyphemus. The origin of this myth remains controversial. It may be supposed that not only this legend, but many other plots from Greek myths were taken up by people living to the North and the East of the Caucasus, and not vice versa. The role of the Caucasian cultural area in this process is indisputable.

Maria N. Yesakova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: maria_esakova@mail.ru,

Yulia N. Koltsova, Cand. Sc. (Culturology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: koltsova-73@mail.ru,

Galina M. Litvinova, Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: bambuk25@mail.ru

TEACHING RUSSIAN TO RUSSIAN-SPEAKING AND FOREIGN STUDENTS ALIKE: ISSUES OF TRANSLATOR TRAINING

The issue of language training of translators as professional language personalities has been repeatedly raised recently as aspiring translators’ competence depends on the language and cultural background in both their native and foreign languages. The goal of any translator is to understand the contemporary standards of the native language. Linguistic means are selected depending on objectives and goals of training. Teachers of Russian stylistics and speech standard should make students choose linguistic means depending on the situation and teach them how to monitor what they are saying. Therefore, it is necessary to develop a new program (“Russian for translators”) to address the issue of training well-qualified translators. This program should include new-generation textbooks that have usual tasks on lexical and grammatical stylistics, exercises on spelling and punctuation, as well as special “translator-training” exercises aimed at developing translation skills: memory span, ability to memorize and to switch quickly and efficiently, speech tempo, accumulating set expressions, etc. With the goal of intensifying the translator training, the first part of the series “Russian for Translators (Advanced)” is due to be published in 2011; it has been developed by teachers at the Higher School of Translation and

Interpretation of Lomonosov Moscow State University. The textbook is characterized by its comprehensive approach that allows improving skills of both spoken and written Russian as well as advancing knowledge of Russian society and culture. It is to be noted that this textbook is different from conventional Russian language textbooks for international students. First and foremost, it is to be used by quite a wide audience: international students groups usually include students with different language skills as well as different national backgrounds. This peculiarity determined the choice of teaching material and its presentation. Texts within a module are selected so that they can be used in groups with mixed language competences. This article provides a more detailed overview of such textbooks.

№ 4 2011

Nikolai K. Garbovsky, Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok1946@mail.ru

TRANSLATION AND TRANSLATION DISCOURSE

The article examines the influence of translation activity on the receiving culture's philology from both the historical and contemporary perspectives. The author analyzes Russian and European (particularly French) translation traditions while paying special attention to the ideas put forth by Mikhail Lomonosov, the founding father of Russian philology, and hypothesizes that there exists a distinct translation discourse which develops as a result of translation activity in the receiving culture.

Aschen S. Mikoyan, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of English Linguistics, Head of Translation Theory & Practice Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: aschen@wccb.ru

THE ROLE OF TRANSLATION IN MUTUAL UNDERSTANDING AND MUTUAL ENRICHMENT OF CULTURES

The article, based on a paper given at a conference on cross-cultural communication ("Philological Issues and a Dialogue of Cultures", Moscow State Teacher-training and Psychological University, 2011), addresses the role which translation has played in the communication of world (primarily European) cultures throughout the history of mankind and which has been essential to the mutual understanding of cultures representing different languages.

Nadezhda N. Mironova, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: nnmironova@yandex.ru

MIKHAIL LOMONOSOV IN GERMANY: HISTORY OF RECEPTION AND HISTORY OF TRANSLATION

The article focuses on the reception of Mikhail Lomonosov's (the great Russian enlightener, poet and scientist) works in Germany and is based on the material of biographical discourse found in various works by German and Russian authors. Special attention is paid to Lomonosov's contribution to the very formation of the Russian literary language as well as the versification theory and the style theory he developed. The article contains a historical and literary analysis of Russian-German variations in a number of poetic texts authored and/or translated by Mikhail Lomonosov.

Irina Y. Shabaga, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation and the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: shabag@land.ru

SCIENTIFIC LATIN TEXT AND TRANSLATION TECHNIQUES USED BY MIKHAIL LOMONOSOV

Mikhail Lomonosov's meritorious achievements as a first Russian interpreter of the scientific Latin text "The experimental Physics by Chr. Wolf translated into Latin by L.Ph. Tümmig" are revealed in this article. The author analyzes various translation techniques used by Mikhail Lomonosov as well as his efforts to develop a scientific terminology which, once in existence, laid the groundwork for today's scientific Russian.

Victoria A. Beresneva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Romance and Germanic Philology of the Faculty of Linguistics, Vyatka State University of Humanities, Russia; e-mail: avis@novo.kirov.ru

PRE-TRANSLATION EXPLICATION OF COVERT SEMANTICS THROUGH THE METHOD OF LINGUISTIC SYNCRETISM

Through the example of utterances containing the German tense form *Futurum I* the author demonstrates the basic principles of the method of linguistic syncretism at the stage of pre-translation analysis aiming at explicating the covert semantics for its further objectification in Russian.

Alla A. Kornienko, Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of French Philology and Cross-cultural Communication, Pyatigorsk State Linguistic University, Russia; e-mail: sental@mail.ru

TYOLOGY OF THE NARRATOR AND TRANSLATION ISSUES

This article analyzes various forms and types of the Narrator category in the modern narrative French text as well as the role each particular type plays in translation from French into Russian. There have been identified such forms and types of the Narrator as: story-telling, commenting, communicating, eyewitness-commentator and zero-narrator. Identification of the interdependence between narrative writing particularities and a specific type of the Narrator as well as the perception of his/her role in the production of a modern text will facilitate the search for equivalents in the target language and in translation activity as a whole.

Tatyana. M. Shomakhova, Professor at the Department of Romance Languages, Kabardino-Balkarian State University, Russia; e-mail: shomakhova@rambler.ru

REFLECTION OF THE LINGUOCONCEPT CONSCIENCE IN SEMANTIC TRANSLATION THEORY (Based on Modern French)

This article analyses the structural and semantic paradigm as a means of appropriate translation of the linguoconcept *conscience* in the French language. It reveals the meaningful and structural components of the linguoconcept *conscience*, which can be realized not only in cognitive, communicative and pragmatic language functions but also through the translated text which is becoming nowadays the semantic translation theory's subject matter. The semantic and cognitive model of the linguoconcept *conscience* is structured considering the paradigmatic relations nucleus $\Leftrightarrow$ periphery that contribute to a more precise and complete translation of the semantics of lexical units.

No 1 2012

Eduard N. Mishkurov, Professor, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: mishkurov@inbox.ru

LANGUAGE, LANGUAGE PLAYS AND TRANSLATION THROUGH THE CONTEMPORARY LINGUO-PHILOSOPHICAL AND LINGUO-CULTURAL COMPREHENSION

The article deals with the understanding of translation as a multilevel language play which the author interprets in the vein of L. Wittgenstein's linguo-philosophical views in the scientist's mature years. We do not see any efficiency in limiting this phenomenon exclusively by the wittiness and satirical-comic frames of its manifestation. The linguocultural verification of a translation discourse as a unique, phenomenological symbolicinterpretative "language play" is based on the examples of rendering some of L. Carroll's "abracadabra/nonsense" and F. Nietzsche's "language tricks" and "burlesques". The issues under discussion are analyzed against the backdrop of active anthropocentric perception of the language essence and its functional paradigm.

Wang Mengyao, Postgraduate student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: mengyao811@gmail.com

THE DIRECTION OF TRANSLATION IN CHINA FROM THE POINT OF VIEW OF THE DEVELOPMENT OF THE CHINESE TRANSLATION THEORY

This article shows the influence of the main traditional theoretical concepts in the history of Chinese translation. The author argues that a combination of Chinese and western theories of translation is important for the development of translation studies in China and presents her views on conditions necessary for establishing a better system of translatology in China.

Natalia I. Golubeva-Monatkina, PhD, Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: golmonatal@mail.ru

RUSSIAN INTERPRETER OF FRENCH PRESIDENTS

The article is a general overview of prince Constantin Andronikov's activities as an interpreter and translator. Prince Andronikov was an eminent representative of the first "wave" of Russian emigration in France.

Olga I. Kostikova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Deputy Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok@list.ru

Chen Shuyi, Postgraduate student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: rachel_cj@sohu.com

CHINESE TRANSLATION TRADITION: PRACTICE, CRITICISM, THEORY

The article deals with the historical background and conditions of emergence and development of the classical Chinese translation tradition in the course of the first millennium AD when Buddhism penetrated and spread in China. The authors analyze the origin of the history of translation in China, review major stages of translation activity and its specific features and refer to views on translation found in works by Chinese translators that laid the foundations for Chinese classical translation principles. The objective of the article is to understand the significance and role of translation in the Chinese culture and the importance of this period for the general history and theory of translation.

Wu Ping, PhD in Literature, Associate Professor at Beijing Normal University, China; e-mail: wuping2000@yahoo.com.cn

TRANSLATIONS OF M.V. ISAKOVSKY'S POEMS AND SONGS IN CHINA

This paper mainly discusses the translation of M.V. Isakovskiy's poems and songs in China. Isakovskiy's works have been translated into Chinese since 1940s, and the song *Katyusha* spread even earlier in China. It is through several generations of translators' efforts that his poems and lyrics have been repeatedly published. His writings, especially *The Technique of Poetry*, *About the Poet*, *Poetry and Songs*, and *The Secret of Poetry*, still influence the composition of poems and songs in China.

Artem A. Chugunov, 5th year student at Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: art.305.chu@mail.ru

THE VALIDITY OF TRANSCRIPTION/TRANSLITERATION IN BANKING TERMINOLOGY TRANSLATION

The article is an analysis of whether it is reasonable or not to use transcription/transliteration in banking terminology translation. The dominating influence of the English language results in numerous

loanwords of English banking terms and in many cases such loanwords do not meet the existing requirements to terminology. In order to preserve the systematic character in Russian banking terminology, the article provides banking terminology translators with some helpful hints.

Yulia.A. Bogatikova, Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: bogatikova@gmail.com

PSEUDO NON-FICTION AS A FORM OF FICTION

The article discusses typical forms of academic style (footnotes, commentary, index, etc.) as a specific device in contemporary fiction, used to create the effect of documented texts in order to make them look more realistic. Readers, translators, editors and researchers are not accustomed to take such texts as fiction, which leads to misinterpretation and violation of the authorial idea about the boundaries of the text.

Di Liu, Postgraduate student at the Department of the Russian language, Moscow State Pedagogical University, Russia; e-mail: llsh352@yandex.ru

TRANSPOSITION OF RUSSIAN ADVERBIAL PARTICIPLES IN TERMS OF THEIR TRANSLATION INTO CHINESE

The article is a research into the issue of transposing Russian adverbial participles in the process of translating them into Chinese. In analyzing such transpositions, the author reveals their grammatical properties, which must be taken into consideration in translation, and differentiates the Chinese language means used to translate Russian adverbial participles and their transpositions.

№ 2 2012

Ludmila A. Boris, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: ortografo@yandex.ru

RHETORICAL EXERCISES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article is a description of didactic rhetorical exercises that are used in the process of teaching Russian as a foreign language.

Natalia I. Golubeva-Monatkina, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: golmonatal@mail.ru

MIKHAIL L. GASPAROV ON TRANSLATION AND TRANSLATORS

The article is a small collection of Mikhail L. Gasparov's utterances (in the form of citations taken from his books, articles and letters) about translation and translators.

Elena S. Gribanovskaya, Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: len_gri@mail.ru

THE CONCEPT OF "ALIEN" IN TRANSLATION

The article is devoted to the concept of "alien" in translation. Special attention is paid to the history of translation, changing attitudes and views of this subject. It is emphasized that the present stage is characterized by the emergence of a concept based on the relationship between culture and language. This article discusses the concept "alien" from the linguistic and cultural points of view, as well as different approaches to translating this phenomenon. Differentiation between related terms is made and it is concluded that under the theory of translation "alien" can be defined as foreignism. However, a foreignism can manifest itself not only on the lexical-semantic level. This suggests that the concept is not limited to linguistics and translation should not be considered as mere mediation in the communicative act but as a process of learning a foreign culture as well.

Maria N. Yesakova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: maria_esakova@mail.ru

PLEONASM AS A SPEECH REDUNDANCY PHENOMENON

The article touches upon the linguistic phenomenon of pleonasm, which is quite an ambivalent figure of speech often considered as a stylistic error; however, it sometimes has important functions in communication. The research is based on speech phenomena found on the Internet, since the World Wide Web is constantly updated by Russian speakers; thus, it reflects actual current usage of speech units. The conclusion is as follows: quite a few expressions defined as pleonasms in conventional stylistics reference guides are now widely and commonly used. These expressions are to be focused on in translator and interpreter training.

Olga S. Zharkova, Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: olgazhakova@mail.ru

MEMORY MECHANISMS IN CONSECUTIVE INTERPRETATION

The article deals with psychological principles of interpreting, notably memory mechanisms that play a key role in consecutive interpreting. At present, interdisciplinarity is gaining ground and psychological research is considered to be one of the most interesting and promising.

Quero Gervilla, Enrique Federico, Professor, PhD in Slavic philology, Head of the Department of Slavic Philology of the University of Granada; e-mail: efquero@ugr.es

TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO SPANISH OF THE PARTICLE *КАК БЫ* IN FYODOR DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE BROTHERS KARAMAZOV"

In the present article, we analyze the particle *как бы* in the novel "The Brothers Karamazov" by Fyodor Dostoevsky and the issues associated with the translation of this particle into Spanish. When translating an author like Dostoevsky into a target language that is typologically distant, e.g. Spanish, the translator needs to analyze the author's style in depth. To do so, a translator has to: a) analyze the relevance of the particle *как бы* in the original text and evaluate how the meaning changes if it is present or if it is omitted; b) evaluate the level of usage of the potential target language equivalents; c) find the best way to achieve a high quality translation into the target language text.

Yulia N. Koltsova, Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: Koltsova-73@mail.ru

TRANSLATIONS OF *CARMEN* BY PROSPER MÉRIMÉE MADE AT DIFFERENT PERIODS AS A SOURCE OF ANALYZING THE EVOLUTION OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Using translations made at different periods as a source of analyzing a language reveals how the language has changed. Translations made at different periods are of particular interest since they were made under different political regimes, in different societies; they were influenced by different literary trends and different types of relations between the translator and the editor, the translator and the censor, the translator and the reader. To analyze changes in the language and translation trends

from the mid 19th century to the early 21st century the author has chosen Russian translations of *Carmen* by Prosper Mérimé, the French writer of the 19th century.

Svetlana N. Korobova, Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: svetlanank@mail.ru

INCREASING MOTIVATION IN FRENCH LANGUAGE CLASSES IN TRANSLATOR TRAINING PROGRAMMES

University training does not put a special emphasis on motivating students; however, it is a major factor in enhancing efficiency that affects cognitive and speech mechanisms. This article attempts to analyze the causes of poor motivation in French language classes and suggests some pedagogical methods for translator training that can enhance students' interest and help realize their creative potential.

Galina M. Litvinova, Teaching Methodology Specialist (1st category), Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: bambuk25@mail.ru

FILLER WORDS IN CONTEMPORARY RUSSIAN

One of the worrying trends in contemporary spoken Russian is widely used filler words. Even a brief analysis of supposedly good speakers' language leads to a disappointing conclusion that such words are now characteristic of educated speakers. Filler words demonstrate that the "democratization" of the standard speech has become inevitable over the last few decades. This process consists in using non-standardized elements in the standard language. For many speakers, filler words have a meaning. Their choice depends on fashion and usage, on individual preferences as well as on the speaker's objectives.

Anna M. Makshantseva, Lecturer and Graduate Student at the Department of Theory and Methodology of Translation of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: mac_anna@mail.ru

MOTHER TONGUE IN INTERPRETER TRAINING PROGRAMMES

The article considers interpreter training in historical and modern aspects. It covers translator and interpreter training since the beginning of translation activity up to the present day. Special attention is paid to the description of European schools' programmes as well as to the

specifics of the interpreter training programmes at the Higher School of Translation and Interpretation of Lomonosov Moscow State University.

Larisa I. Razdobudko-Čović, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of the Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, Kosovska Mitrovica State University, Serbia; e-mail: covicb@mail.ru

TRANSLATION AS INTERPRETATION AND IMPROVISATION: A CASE STUDY OF AUTHORIZED TRANSLATIONS OF VLADIMIR NABOKOV'S MEMOIRS INTO SERBIAN

The author analyzes two Serbian translations of Vladimir Nabokov's memoirs. One is a translation of the novel published in Russian and entitled «Другие берега» (i.e. *Other Shores*), which is in fact an authorized translation of the English original *Conclusive Evidence*. The other, however, is a translation of the English authorized translation from Russian under the title "Speak, Memory." Peculiarities of these two Serbian translations are analyzed with an overview of typical mistakes caused by linguistic peculiarities of the original texts. Additionally, Nabokov's personal approach to translation, primarily interpretative, is emphasized. The author of the study has come to the conclusion that the quality Nada Soljan's translation from the English original "Speak, Memory" surpasses the translation made by Petar Vujichich from the Russian original. Many mistakes in this translation are obvious even without any comparison with the original text, and such comparison makes them all the more obvious almost in every sentence. Besides, an interpretation of the original literary text in an authorized translation is determined by a whole range of factors depending on various peculiarities of Nabokov's original authorized translation as such as well as the conceptual-esthetic peculiarities of the original text, and finally, different linguistic and culturological traits of all authors of the translations: the author, the translator and the reader.

Yekaterina V. Trukhtanova, PHD, associate professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: ekaterina.trukhtanova@yandex.ru,

Sergei I. Trukhtanov, Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail:struk00@mail.ru

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF ANCIENT JAPANESE POETRY

The article touches upon many issues of translating into Russian the traditional form of Japanese poetry *Vaka*, characterized by an absolutely free form, lacking rhythm, rhymes and punctuation marks. The authors

maintain that this medieval form, quite natural for a hieroglyphic language such as Japanese, is totally alien to Russian culture and, when translated into Russian, looks like a piece of pretentious artificial prose. The authors believe that literary forms of distant cultures are not to be automatically borrowed without adaptation. To solve this problem the authors suggest that excessive rhyming (when as many as half the words of the poem are rhymed) be practiced in translation, which will both preserve the spirit of original refinement and make the form more acceptable to a Russian reader. Along with traditional translations, the article features those made in compliance with the new method thus letting the reader judge the results.

Maria V. Undritsova, Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: marusiaun@mail.ru

GASTRONOMIC DISCOURSE: LINGUO-CULTURAL AND TRANSLATION ASPECTS

The article is dedicated to a specific type of verbal and social discourse, namely gastronomic, the purpose of which is to achieve communication associated with the historical, religious, ethnic and other cultural aspects of the nutrition process among different peoples. The author identifies the main components of this type of discourse (lexical and grammatical, stylistic, phraseological, extralinguistic, etc.), that influence its development in communication. Gastronomic discourse is illustrated by Russian, English and French examples.

№ 3 2012

Vera Ye. Gorshkova, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Translation, Translation Studies and Cross-Cultural Communication, Irkutsk State Linguistic University, Russia; e-mail: gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

«ДА БУДЕТ ИМЯРЕК»: “A FRENCH NOVEL” BY FREDERIC BEIGBEDER AS A TRANSLATOR’S CHALLENGE

A movie title as an artistic device can serve as a chronotope of a literary work. Being the movie’s “name” it can be regarded among other onomastic realities of the time of culture. Thus it accounts for the use of traditional translation techniques some of which can be misinterpreted if a translator/reader lacks necessary cognitive baggage.

Elena N. Moshonkina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Romance Philology, Astrakhan State University, Russia; e-mail: elena_mch@rambler.ru

EFIM ETKIND’S *UN ART EN CRISE* AND POETIC TRANSLATION THEORIES IN FRANCE (Celebrating the 30th Anniversary of the Book’s Publication)

Published in 1982 in France, Professor Etkind’s book *Un Art en Crise* is a sort of manifest and a polemical text from the point of view of the still dominant translation practice in France. The article examines one of the 4 principles of poetic translation proposed by Etkind: to render verse by verse. Today, 30 years on after the publication of the book, we can better see the utopianism and the epistemological vulnerability of some of the author’s theoretical assumptions.

Albina A. Vodyanitskaya, Post-graduate Student at the Department of The Theory, History and Criticism of Translation, Moscow State Linguistic University, Russia; e-mail: avodyanickaya@yandex.ru

CLASSIFICATION OF EVALUATIVE SEMANTICS: TRANSLATING EVALUATIVE JUDGMENTS

The article deals with the issues of evaluative semantics translation from English into Russian. The research reveals specific features of conveying positive and negative evaluative meanings functioning within a literary text. Special attention is given to various classifications of evaluative semantics.

Elena M. Meshkova, Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Department of Theory and Practice of English, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: yemeshkova@mail.ru

FUNCTION OF IMPACT IN MULTI-VECTOR DISCOURSES AND TRANSLATION

The article deals with the issue of translating elements of the function of impact in multi-vector discourses. In distinguishing between the three functions of language — the communicative, the intellective, and the aesthetic ones — the author follows Viktor V. Vinogradov’s and Andrei A. Lipgart’s theory of functional stylistics. The article also focuses on the correlation between discourse and functional style and provides classification of stylistically marked linguistic units performing the function of impact.

Irina S. Parina, Cand. Sc. (Philology), Postdoc at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: parinai@yandex.ru

DESCRIBING PHRASEOLOGY IN BILINGUAL DICTIONARIES: TRANSLATION ISSUES

The article, being a case study of German idioms, deals with the issues of translating set phrases in a bilingual dictionary. It is shown that in the case of a non-existent phraseological equivalent a non-phraseological translation is often insufficient, and a comment on the image component of the source language idiom is necessary. If a corresponding set phrase is present in the target language, thorough analysis of its meaning and usage in comparison with the source language idiom might be useful, since differences between partial equivalents are very likely to be found. Such differences may, in turn, lead to mistakes in both usage and translation; therefore, they should be described in dictionaries.

Selena Stanković, PhD in Linguistics at the Department of French Language and Literature, Faculty of Philosophy, The University of Priština, Kosovska Mitrovica, Serbia; e-mail: selena972@ptt.rs

ON THE SEMANTIC VALUE OF THE PREPOSITION *POUR* AND ITS TRANSLATION INTO SERBIAN IN THE NOVEL *LE TESTAMENT FRANÇAIS* BY ANDREÏ MAKINE

As grammatical words employed in establishing formal as well as conceptual relations between words on the one hand, and as lexical units with their own distinctive semantic features on the other, prepositions in Modern French are used to denote a variety of case relations with great precision. Being one of the most frequently used prepositions, *pour* denotes numerous relationships between words within a phrase, which is evident from its translation equivalents in Serbian, itself a language with an elaborate case system. The analysis of semantic values of the preposition *pour*, the examination of various options of its translation into Serbian, and the analysis of the case relations denoted by it are, therefore, the subject matters of the present article. To that effect, the author examines the situations where *pour* is translated as an equivalent to the corresponding Serbian prepositions in the construction “preposition + noun”, denoting a case; also, the author analyzes the circumstances under which the aforementioned prepositional construction is translated into Serbian with a single noun or a noun phrase in an appropriate case form but without a preposition; finally, the author

examines occurrences of *pour* as a function word with partially reduced semantic content.

Valentina G. Kulpina, Dr. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

LEXICOGRAPHIC HISTORY OF COLOR NAMES AS A STEP TOWARDS TRANSLATION DICTIONARIES OF COLOR TERMS

In this article, the author argues that it is opportune to compile historical dictionaries of Polish and Russian color names as an aspect of contrastive analysis, important from a standpoint of theory and practice of translation.

Alla P. Minyar-Belorutcheva, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: ostvera@mail.ru,

Marina Ye. Pokrovskaya, Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: astram1@yandex.ru

RUSSIAN-ENGLISH EQUIVALENTS OF HISTORICAL NAMES OF THE RUSSIAN STATE IN TERMS OF PERIODIZATION

History as an academic discipline has its own terms and culture-specific vocabulary that are differently presented in the Russian and English languages. Until recently, these distinctions have not been in the focus of the scholarly attention. This article examines some ways of translating the names of the Russian state in the course of its development in different periods of time that have become conventional in Russian and foreign academic literatures.

№ 4 2012

Olga R. Abdrakhmanova, Cand. Sc. (Philology), Head of the Theory and Practice of Translation and Interpretation Department, Associate Professor at the Faculty of Translation and Interpretation, Chelyabinsk State University, Russia; e-mail: oar78@mail.ru

THE SPECIALTY COURSE “INTERPRETING AT BUSINESS NEGOTIATIONS” AS A COMPLEX PREVENTION OF INTERPRETER’S MISTAKES

This article explores the efficiency of the specialty course “Interpreting at Business Negotiations” in professional training programs for

future interpreters and translators. It covers various approaches to the notion of quality of interpreting, principal causes of interpreting mistakes as a result of deviations from interpreting norms. Special attention is given to the description of the course's targets, structure and content helping future interpreters learn to foresee potential mistakes.

Irina Ye. Beliakova, Associated Professor at the Department of English Philology, Institute for Humanities, Tyumen State University, Russia; e-mail: i21081976@mail.ru

DEVELOPING A COURSE IN PROFESSIONALLY ORIENTED TRANSLATION

The article considers contemporary theories of translation, aspects of translation teaching, and the main types of the instructor's activities. A tentative course in professionally oriented translation for first-year students of linguistics is suggested.

Nikolai K. Garbovsky, Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok1946@mail.ru

SEVEN ISSUES OF TRANSLATION DIDACTICS: SKOPOS DIDACTICS OF TRANSLATION

The article deals with the most common issues of translation didactics as a special branch of pedagogy that studies the process of forming a personality that will have special competencies, mental capacities and realize the uniqueness of their social status. The author shows that translation didactics is in high demand in the field of pedagogical studies today due to the fact that mass training of translators is getting indispensable to the society.

Rafael Guzman Tirado, Full professor of Slavonic Philology at the University of Granada, Spain; e-mail: rguzman@ugr.es

THE FORMAL STYLE IN RUSSIAN AND SPANISH: LANGUAGE SYSTEM ISSUES

This article is an attempt to analyze the features of the formal style in Russian and Spanish. In relation to its social control function, official speech marks the interlocutors' social relationship. In this regard, it is very important to take into account the register of official communication. For this purpose the author analyzes the special text "Excerpts from the Universal Declaration of Linguistic Rights" (adopted in Spain

on June 6, 1996), and compares its lexical-semantic, morphological, syntactic and stylistic features in the Russian and Spanish languages. A comparative study of the formal style in different languages makes it possible to identify common and specific features in the text structure.

Schyns Désirée, PhD, Assistant Professor at Ghent University College, Researcher at Ghent University, Belgium; e-mail: desiree.schyns@hogent.be

TEACHER OF TRANSLATION AS A CENTIPEDE MAN: THE SYNCRETIC METHOD OF TEACHING TRANSLATION

In this paper the author, who teaches translation from French into Dutch and translates novels, essays and poems for the Flemish and Dutch markets, stresses the importance of the Normative Theory (Collombat, 2003) in translation courses. As a tool of transmitting knowledge, translation should not be taught with isolated rules dictated by the teacher. In her classes, the author chooses a method consisting in a dialogue between comparative stylistics (Vinay and Darbelnet) and the interpretive approach developed by Lederer and Séleskovitch.

Katrin Karu, PhD and Lecturer at the University of Tartu; Head of Tartu University Interpretation Center, Estonia; e-mail: katrin.karu@ut.ee

ON TRAINING SOCIAL INTERPRETING SPECIALISTS FOR POLICE AND BORDER GUARD BOARD OF ESTONIA

The question of possibility to establish an effective social interpreting institution based on practical experience that exists in any country is raised in the present article. Having studied the problems of professional social interpreters training, the author proposes a special training course for civil servants who work with interpreters. A training project for the students of Estonian Security Sciences Academy is introduced.

Yelena A. Nikiforova, Senior Lecturer at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: el_nikiforowa@mail.ru

WORKING WITH CORE MEMORY DURING THE FORMATION OF VERBAL SKILLS AT THE INITIAL STAGE OF TEACHING GERMAN AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE: COGNITIVE AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS

The present article analyzes the psychological and cognitive issues specific to the process of formation and development of stable stereotypical speech acts in case of teaching the beginner's course of

German as a second foreign language. The author summarizes and analyzes her examination of the process of acquiring initial skills of communication in the target language by students when the teaching process is interactive. At the same time some other aspects are described, e.g. short-term and long-term memory and psychological components of interactive processes in teaching.

Natalia V. Nosenko, PhD, Associate Professor at the Department of Theory of Languages and Intercultural Communication, Novosibirsk State Pedagogical University, Russia; e-mail: nnossenko@mail.ru

THE METHODOLOGICAL BASIS FOR A PROFESSIONALLY ORIENTED ENGLISH COURSE FOR PHILOLOGISTS

The article focuses on the methodology of a course in academic writing and translation for philologists.

Fatima A. Tambieva, Associate Professor at the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State Linguistic University; e-mail: fatimt@mail.ru

A TEACHING METHOD FOR THE PRACTICAL COURSE IN TRANSLATION

The article describes the teaching method used for the practical course in translation based on Bloom's Taxonomy. This course is evaluated by three criteria proposed by Dr. Hannelore Lee-Jahnke. The article also describes the application of the skopos theory to teaching this course.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» за 2008 год

	№	С.
От главного редактора	1	3
Поздравление ректора Московского университета	1	5
Поздравления от коллег, университетов, общественных органи- заций	1	6
<i>Перевод в системе гуманитарного знания</i>		
<i>Мионов В.В.</i> Интерпретация как выражение гуманитарной сущности философии	1	13
<i>Наука о переводе: теория и методология</i>		
<i>Гарбовский Н.К.</i> Теория перевода. Век XXI: от эмпиризма к Ра- ционализму	1	29
<i>Балляр М./Ballard М.</i> К основаниям реалистической методо- логии в науке о переводе / <i>Éléments Pour Une Méthodologie</i> <i>Réaliste en Traductologie</i>	1	48/49
<i>Костикова О.И.</i> К основаниям теории переводческой критики . . .	1	82
<i>Общая теория перевода</i>		
<i>Есакова М.Н.</i> Прагматические аспекты перевода (на материале произведений М. Булгакова)	4	3
<i>Гарбовский Н.К.</i> Отражение как свойство перевода	4	26
<i>Кольцова Ю.Н.</i> Концепт как категория семантической теории перевода	4	37
<i>Погосова Ю.Ю.</i> Проблемы перевода с греческого на русский га- зетной лексики (на материале греческих СМИ)	4	49
<i>Би Юэ.</i> Проблемы переводческой интерпретации китайской поэзии «золотого века» (на материале стихотворения Ли Бо «Подношение Ван Луню»	4	60
<i>Чович Б.</i> Оказиональные синонимы в интра- и интерязыко- вом переводах	4	74
<i>Лингвистические и культурологические аспекты перевода</i>		
<i>Бойко Б.Л.</i> Единицы социально-группового диалекта в языко- вой картине мира взаимодействующих культур (на материа- ле русского и немецкого военного жаргона 1941—1945 гг.) . . .	1	99
<i>Бречалова Е.В.</i> Корейско-русский перевод: неоднозначность морфологического и синтаксического типов при анализе текста и принципы её устранения	3	28

<i>Ковенева О.В.</i> Таинственный мир коннотаций в лингвистике и теории перевода	1	109
<i>Ковенева О.В.</i> От «памятника природы» к “monument naturel”? Междисциплинарный подход к асимметрии концептов (на материале французского и русского языков)	2	49
<i>Корниенко А.А.</i> Субъекты высказывания в современном нарративном дискурсе.	3	44
<i>Норманская Ю.В.</i> Сложности, возникающие при переводе названий основных цветообозначений в индоевропейских языках	3	51
<i>Оришак О.В.</i> Опыт сопоставительного изучения концептов «война» и “la guerre” в русской и французской языковых картинах мира	2	35
<i>Ушаков С.Г.</i> Категория падежа и французский язык в вопросах перевода	2	66
<i>Чагинская Е.А.</i> В помощь переводчику: о разграничении понятий «искушение» и «соблазн»	3	64

История перевода и переводческих учений

<i>Матасов Р.А.</i> История кино/видео перевода	3	3
<i>Матасов Р.А.</i> Синхронный перевод на Нюрнбергском процессе	2	18
<i>Мишкуроев Э.Н.</i> История арабоязычной переводческой традиции: начало пути (VIII—XIII вв.)	2	3

Вопросы устного перевода

<i>Абрамова И.Е.</i> Фонетический акцент как дестабилизирующий фактор в устном переводе	2	73
<i>Гасек Б.</i> Лексико-семантическая интерференция в процессах устного перевода: значение потенциальных положительных интерферентов (на материалах польского и русского языков).	1	144

Дидактика перевода

<i>Бальдо С. / Baldo S.</i> Адаптация: пропедевтический метод обучения переводу / Adaptation: propaedeutic method for learning how to translate	2	84/85
<i>Жаркова О.С.</i> Обучение переводческой скорописи в рамках профессиональной подготовки переводчиков	1	151
<i>Пан Кёён.</i> Преподавание перевода и анализ исследований по переводоведению в Корее	1	159

Художественный перевод

<i>Дорошенко В.А.</i> О трансформациях и деформациях в переводах из Фроста.	3	76
---	---	----

Вопросы терминологии

<i>Виссон Л. / Visson L.</i> Синхронный перевод в ООН, или Школа жизни / Simultaneous interpreting at the UN: or going to school for life	3	86/87
<i>Усова С.А., Горшкова В.Е.</i> Сопоставительное исследование терминологии предметной сферы налогового права России и Франции	2	104

Терминология

Русско-французский словарь военных терминов / Составитель <i>Н.К. Гарбовский. Совместная российско-французская редакционная коллегия: Н.К. Гарбовский (Россия), О.И. Костикова (Россия), Р. Гардер (Франция), В. Микулинский (Франция)</i>	4	93
--	---	----

Преподавание перевода за рубежом

<i>Кавенюки Р.</i> Школа перевода в Монтерее (Калифорния, США)	2	114
--	---	-----

Хроника научной жизни

<i>Баканов В.И.</i> Школа перевода В. Баканова	4	98
<i>Есакова М.Н., Литвинова Г.М.</i> Международная научно-методическая конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода»	3	102
<i>Жаркова О.С.</i> О конференции «Перевод и культура»	3	105
<i>Есакова М.Н., Литвинова Г.М.</i> Летняя научная школа «Античная культура как основа формирования личности» и «Русский язык и культура»	4	100
<i>Костикова О.И.</i> Наука о переводе сегодня (Международная конференция по проблемам перевода, 1—3 октября 2007 г.)	1	176
<i>Кулаковская И.М.</i> Приветственное слово ветерана синхронного перевода студентам «Высшей школы перевода»	2	118
<i>Матасов Р.А., Костикова О.И.</i> Международный день переводчика в Высшей школе перевода.	2	117

Рецензии

<i>Гарбовский Н.К.</i> Перевод в кино	2	119
<i>Лысенкова Е.Л.</i> Непокорный дух оригинала	4	104
<i>Чайковский Р.Р.</i> Теория перевода сегодня	1	174

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
опубликованных в журнале «Вестник Московского университета.
Серия 22. Теория перевода» за 2009 год**

	№	С.		
Общая теория перевода				
<i>Алексейцева Т.А.</i> Экспликация или бесконечное порождение смысла	.4	5		
<i>Власенко С.В.</i> Перевод в сфере профессиональной коммуникации: психолингвистические аспекты декодирования лексических лакун (англо-русские переводческие сопоставления)	.2	3		
<i>Власенко С.В.</i> Перевод в сфере профессиональной коммуникации: восприятие и понимание смысла отраслевых текстов в психолингвистическом ракурсе на примере анализа англо-русских переводческих прецедентов	.4	16		
<i>Костикова А.А.</i> Философия метафоры П. Рикёра	.4	41		
<i>Миронов В.В.</i> Философия как смысловая интерпретация.	.4	46		
<i>Мишкурин Э.Н.</i> Смысл перевода и перевод смыслов (социально-исторические, логико-философские и лингвокультурологические этюды)	.4	56		
<i>Наумова В.С.</i> Критика поэтического перевода с позиции адекватности (на примере перевода на немецкий язык стихотворения В. Маяковского «Нате!»).	.4	75		
<i>Нестерова Н.М.</i> Sensum de sensu: смысл как объект перевода	.4	83		
<i>Никитина М.Ю.</i> Трудности перевода названий произведений художественной литературы (на материале русского, английского и греческого языков)	.4	94		
<i>Оришак О.В.</i> Актуализация смысла в переводе	.4	100		
<i>Чагинская Е.А.</i> Метаморфозы смысла: взгляд через призму сравнительно-эстетического метода	.4	108		
История перевода и переводческих учений				
<i>Гарбовский Н.К., Костикова О.И.</i> Исповедь великого переводчика, или Первый европейский трактат о переводе	.3	3		
<i>Королева М.Н.</i> О переводе и языке <i>Foirm na n-urrnuidheadh</i>	.3	37		
<i>Костикова О.И.</i> Перевод и развитие русской словесности в эпоху Петровских реформ.	.1	3		
Методология перевода				
<i>Богатикова Ю.А.</i> Приём художественного «гипертекста» и проблема переводческого комментария в романе В.В. Набокова «Бледное пламя»	.3	50		
<i>Ballard M.</i> Proverbe et traduction / <i>Балляр М.</i> Пословица и перевод	.2	38/39		
<i>Дашинимаева П.П.</i> От онтологии речи к моделированию перевода (послесловие к лекциям Е.Ф. Тарасова).	.3	62		
<i>Гуртуева Т.Б.</i> Художественный перевод как составляющая культурного диалога	.1	10		
<i>Лю Темей.</i> Концепт «дом» в русской и китайской языковых картинах мира и его перевод	.1	16		
<i>Малинина Р.А.</i> Вежливость как объект прагмалингвистики и компонент лингвистической компетенции переводчика.	.1	25		
<i>Раздобудько-Чович Л.И.</i> Трансформированные пословицы и поговорки в рассказах Стефана Митрова Любиши (культурологический аспект перевода).	.1	34		
<i>Шаблага И.Ю.</i> Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу)	.2	21		
Лингвистические и культурологические аспекты перевода				
<i>Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.</i> Городское пространство в языковой картине мира европейцев: стратегии адекватного перевода.	.3	73		
<i>Горохова Т.Н.</i> Проблемы адекватности перевода японских «айдзути» на русский язык	.3	89		
<i>Кирсанова Е.М.</i> К вопросу о влиянии этнокультурных стереотипов на процесс перевода	.2	64		
<i>Малинина Р.А., Пушкарева Т.В.</i> Gedachtnis-Erinnerung Erinnerungskultur в современном историческом сознании Германии. Проблема перевода	.2	76		
<i>Марусенко М.А., Шабалина А.В.</i> Французский язык — международный язык дипломатии: о соотношении исторической реальности и династического заказа	.2	95		
<i>Хунтхужева И.Х.</i> Структурно-семантические аспекты перевода концептосферы «язык» в разносистемных языках.	.3	100		
<i>Эстова Д.Г.</i> Структурно-семантическая парадигма как средство достижения адекватности перевода лингвоконцепта «честность» в разносистемных языках.	.2	109		
<i>Яндиева А.И.</i> Семантико-когнитивное пространство концептосферы «долг» в парадигме семантической теории перевода	.2	125		
Дидактика перевода				
<i>Гарбовский Н.К.</i> Подготовка переводчиков в условиях двухуровневой системы высшего специального образования	.1	44		
<i>Lynn Visson.</i> The problem of Teaching Simultaneous Interpretation from a Native into a Foreign Language / <i>Линн Виссон.</i> О синхронном переводе на иностранные языки: проблемы преподавания	.1	52/53		

<i>Ольвера-Лобо М.Д., Керо-Хервилья Э.Ф.</i> и др. Представление модели дистанционной работы для внедрения в практику преподавания перевода в соответствии с требованиями Болонской декларации	1	62
--	---	----

Вопросы терминологии

<i>Алексеева М.О.</i> Семасиологические аспекты изучения терминологии Православия	2	140
<i>Алексеева М.О.</i> Когнитивные и семиотические аспекты изучения терминологии русского православия	3	111
<i>Миллиареси Т.В.</i> О месте терминологии и лексикографии в общей теории перевода	1	75

Хроника научной жизни

<i>Есакова М.Н., Литвинова Г.Н.</i> Международная научно-практическая конференция «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе»	1	84
Переводческий октябрь	4	121

Рецензии

<i>Чайковский Р.Р.</i> Зеркало переводчика	1	87
--	---	----

Памяти

Анри Мешонник (1932—2009)	1	94
Клод Леви-Сторосс (1908—2009)	4	124

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
опубликованных в журнале «Вестник Московского университета.
Серия 22. Теория перевода» за 2010 год**

№ С.

Общая теория перевода

<i>Бойко Б.Л.</i> Проблемы непереводимости (на материале военных текстов)	1	3
<i>Бойко Б.Л.</i> Теория и практика военной лексикографии (на материале военных немецко-русских словарей 1931—1945 гг.)	2	4
<i>Власенко С.В.</i> Референция и референциальность в межъязыковом переводе	4	3
<i>Гарбовский Н.К., Мишуров Э.Н.</i> Военный перевод в современном мире (теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социально-политические аспекты)	2	16
<i>Горшкова В.Е.</i> Перевод кинодиалога в свете концепции Жиля Делёза	1	16
<i>Проконичев Г.И.</i> Концептуальная информация и интерпретация поэтического текста	4	29

История перевода и переводческих учений

<i>Шабига И.Ю.</i> Трактат Леонардо Бруни «О правильном переводе»	1	27
<i>Шаталов Д.Г.</i> По образу и подобию: осмысление перевода религиозных текстов в России XVI—XVII вв.	4	38

История перевода

<i>Галл В.</i> Из записок парламентёра	2	42
<i>Garderes Ramuntxo.</i> Historique des “Interprètes Militaires” français	2	54
<i>Гардер Рамунчо.</i> История военных переводчиков во Франции	2	55
<i>Матасов Р.А.</i> Синхронные переводчики на Нюрнбергском процессе: Humani nihil a me alienum puto	2	74
<i>Рахманкулова И.-Э.С.</i> Дорога на фронт	2	86
<i>Суходрев В.М.</i> Язык мой — друг мой (из воспоминаний переводчика)	2	100
<i>Торсуков Е.Г.</i> Альма-матер военных переводчиков	2	112
<i>Цвиллинг М.Я.</i> Как я выучил немецкий язык	2	127

Методология перевода

<i>Богатикова Ю.А.</i> «Биография Лондона» П. Акройда: Выбор стратегии перевода диалекта кокни	1	66
<i>Гасек Б.Г.</i> Специфика лексико-семантической интерференции при переводе на родной язык (на материале русского и польского языков)	1	75

<i>Жантурина Б.Н.</i> Цветовые термины при переводе	1	85
<i>Коростелёва А.А.</i> О различных тенденциях в русской и польской переводческой практике (на материале перевода зарубежных фильмов)	4	48
<i>Малинина Р.А.</i> Опыт перевода лексических единиц широкой семантики (на материале немецкого и русского языков)	1	95
<i>Миронова Д.А.</i> Специфика предпереводческого анализа языковой игры, основанной на трансформированном прецедентном высказывании	4	59
<i>Палажченко М.Ю.</i> О некоторых способах и особенностях перевода политкорректной лексики.	1	103
<i>Хонькина П.В.</i> Перевод идиоматических выражений в системах машинного перевода	4	68
Лингвистические и культурологические аспекты перевода		
<i>Береснева В.А.</i> К вопросу о переводе синкретичных языковых форм	4	73
<i>Жантурина Б.Н.</i> Метафорическая соотнесенность по роду при переводе	4	80
<i>Лукина В.М.</i> К проблеме сохранения экспрессивно-эмоциональной нагрузки и эстетической ценности при переводе с английского языка на русский (на материале книги «Племянник чародея» [“The Magician’s Nephew”] К.С. Льюиса и перевода на русский язык Н.Л. Трауберг)	4	90
<i>Павлова Е.К.</i> Влияние цивилизационно обусловленной когнитивной дисгармонии на переводимость политической лексики	4	99
Перевод и лингвистика		
<i>Кожанова Е.А.</i> Экстралингвистические факторы процесса метафоризации (на материале английских метафор-неологизмов)	1	114
<i>Манерко Л.А.</i> Английская научная речь: этапы формирования	1	122
<i>Немонежная В.Ю.</i> Иноязычные вкрапления и стиль произведения (на материале исторического романа А. Конан Дойля «Белый отряд»)	1	139
Теория художественного перевода		
<i>Гарбовский Н.К.</i> Перевод как художественное творчество	3	4
<i>Мишкурин Э.Н.</i> О метатрансляционных аспектах художественного перевода	3	17
<i>Раздубудько-Чович Л.И., Чович Б.</i> О интерязыковом и интерсемiotическом переводах как предпосылках для интермедийных реализаций пьесы: от объекта словесно-эстетического к сценическому и к кинематографическому искусствам (на материале пьесы «Дядя Ваня» А.П. Чехова и ее перевода на сербский язык)	3	27

Теория переводческой критики

<i>Костикова О.И.</i> Переводческая критика: «прозрачность» vs «зеркальность».	3	41
<i>Миронова Н.Н.</i> К истории художественной критики: “Der Kirschgarten” — «Вишнёвый сад» А.П. Чехова в Германии	3	55
А.П. Чехов в национальных культурах		
<i>Асоскова Н.Г.</i> Особенности перевода коротких рассказов Чехова на французский язык.	3	62
<i>Гуревич Т.М.</i> Чехов в Японии: от образа к слову	3	68
<i>Додонова Н.Э.</i> Перевод А.П.Чехова: универсальное и национальное	3	78
<i>Назаренко Л.Ю.</i> Драмы А.П. Чехова в чешских переводах: история и современность	3	89
<i>Шен Хайтао, Башкеева В.В.</i> «Медведь» А.П. Чехова в переводе на китайский язык: трансформация характера героя в свете особенностей перевода.	3	95
<i>Цзяньхуа Чжан.</i> А.П. Чехов глазами китайских переводчиков и критиков	3	102

Вопросы терминологии

<i>Алексеева М.О.</i> Изучение терминологии православия как один из аспектов подготовки иностранных студентов-переводчиков (теоретические предпосылки).	1	144
---	---	-----

Хроника научной жизни

Глобальное управление и межкультурный диалог	1	156
II Международная научно-практическая конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода».	3	120

Языки и культуры в современном мире

III Международная летняя языковая школа в Греции.	3	124
---	---	-----

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
опубликованных в журнале «Вестник Московского университета.
Серия 22. Теория перевода» за 2011 год**

	№	С.
Общая теория перевода		
<i>Власенко С.В.</i> Референция и референциальность в межъязыковом переводе: диахронический ракурс	1	17
<i>Власенко С.В.</i> О событийной референции: на материале английских переводов русских волшебных сказок	3	3
<i>Гарбовский Н.К.</i> Новый перевод: свобода и необходимость	1	3
<i>Гарбовский Н.К.</i> Перевод и «переводной дискурс»	4	3
<i>Микоян А.С.</i> Роль перевода во взаимопознании и взаимообогащении культур	4	20
<i>Мишкурин Э.Н., Немов А.А.</i> Характерология военно-рекламного дискурса и его транснациональная переводческая адаптация к специфике ареала реализации (на материале английского, арабского и русского языков)	3	26
История перевода и переводческих учений		
<i>Гийом А.</i> Перевод в Средние века: чехарда смыслов (на французском и русском языках) / <i>Guillaume A.</i> La traduction médiévale sens dessus dessous	1	38
<i>Костикова О.И.</i> История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе	2	3
<i>Миронова Н.Н.</i> Михайло Ломоносов в Германии: история рецепции и история перевода	4	35
<i>Шаталов Д.Г.</i> Метафорическое осмысление перевода религиозных текстов в России, Англии и Франции XVI—XVII вв. Метафоры идентичности	1	67
<i>Шаблага И.Ю.</i> Переводческие приёмы М.В. Ломоносова при работе с научным латинским текстом	4	45
Методология перевода		
<i>Береснева В.А.</i> Предпереводческая экспликация скрытой семантики на основе метода лингвистического синкретизма	4	62
<i>Груздев Д.Ю.</i> Электронный корпус текстов как инструмент переводчика	2	23
<i>Коростелёва А.А.</i> Проблема русификации коммуникативной дорожки в звучащем переводе (эмоциональный диалог в кино)	3	42
<i>Пионтек Б.</i> Соблюдение языковой традиции при переводе идеологем — названий польского государства	2	36
<i>Романовская А.А.</i> Интерпретация смыслов мифологических символов в художественном тексте	1	85
<i>Солдатова А.А.</i> К вопросу о классификации переводческих трансформаций в юридическом дискурсе	1	96

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

<i>Алексеева М.О.</i> В поисках утраченного смысла... (возможная трактовка стихотворения С. Есенина «Вижу сон. Дорога чёрная...» и проблемы его перевода на польский язык)	1	102
<i>Алексеева М.О.</i> Специфика религиозного дискурса как объекта исследования	3	59
<i>Андреев Н.И.</i> Особенности терминологии немецкого военно-политического дискурса в аспекте перевода на русский язык	1	117
<i>Андреев Н.И.</i> Особенности метафоры в немецком политическом дискурсе	3	70
<i>Бердникова Д.В.</i> Особенности прозаического перевода шотландской народной баллады «Томас Рифмоплёт»	2	46
<i>Вотьякова И.А., Керо Х.-Э.-Ф.</i> Сопоставительный анализ прилагательных, выражающих эстетическую оценку в русском языке, и их перевод на испанский	2	59
<i>Корниенко А.А.</i> Типология рассказчика и проблемы перевода	4	70
<i>Купова Ю.Н., Купов С.С.</i> Лингвистическая и концептуальная характеристика медико-биологического термина «ткань» (сопоставительный и переводческий аспекты) в английском и русском языках	1	126
<i>Нестерова Н.М., Наугольных Е.А.</i> О «Загадочных» окказионализмах Дж. Джойса и способах их перевода	2	74
<i>Петрина В.С.</i> Сопоставительное изучение русского и французского фразеосемантического поля «Спорт»	2	84
<i>Раздобудько-Чович Л.И., Чович Б.</i> Фразеологическая специфика художественных концептов «Жизнь» и «Смерть» в сборнике новелл Иво Андрича «Дом на отшибе» и его перевода на русский язык (к 120-летию со дня рождения Иво Андрича)	3	82
<i>Харацидис Э.К.</i> Взаимодействие культур как источник прогресса (миф о Полифеме в преданиях народов Кавказа)	3	105
<i>Шеришуква О.А.</i> Типология значений части у вещественных имён в португальском и русском языках	2	92
<i>Шомахова Т.М.</i> Отражение лингвоконцепта <i>совесть</i> в семантической теории перевода (на материале современного французского языка)	4	78

Вопросы терминологии

<i>Павлова Е.К.</i> Многоязычный тезаурус как инструмент исследования концептов национального политического сознания и гармонизации перевода политической лексики	2	105
---	---	-----

Дидактика перевода

<i>Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н., Литвинова Г.М.</i> Особенности преподавания русского языка в русскоязычной и иностранной аудиториях: проблемы подготовки переводчиков	3	112
---	---	-----

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
опубликованных в журнале «Вестник Московского университета.
Серия 22. Теория перевода» за 2012 год**

	№	С.
Общая теория перевода		
<i>Мишкуров Э.Н.</i> Язык, «языковые игры» и перевод в современном лингвофилософском и лингвокультурологическом осмыслении	1	5
<i>Ван Мэня.</i> Направление китайского перевода с точки зрения развития китайской теории перевода	1	16
История перевода и переводческих учений		
<i>Голубева-Монаткина Н.И.</i> Русский переводчик французских президентов	1	23
<i>Костикова О.И., Чэнь Шуи.</i> Становление китайской переводческой традиции: практика, критика, теория	1	31
<i>У Пин.</i> Перевод стихов и песен М.В. Исаковского в Китае.	1	49
Методология перевода		
<i>Чугунов А.А.</i> Обоснованность использования приёма транскрипции/транслитерации при переводе банковской терминологии.	1	56
Лингвистические и культурологические аспекты перевода		
<i>Богатикова Ю.А.</i> Псевдодокументальность как приём в художественном тексте	1	62
<i>Водяницкая А.А.</i> Классификация эвалюативной семантики в переводческом аспекте	3	26
<i>Лю Ди.</i> Транспозиция деепричастий в аспекте их перевода на китайский язык	1	73
<i>Мешкова Е.М.</i> Функция воздействия в поливекторных дискурсах и перевод.	3	38
<i>Парина И.С.</i> Описание фразеологизмов в двуязычном словаре как переводческая проблема	3	51
<i>Станкович С.</i> О семантическом значении предлога <i>roui</i> и о способах его перевода на сербский язык в романе «Французское завещание» Андрея Макина.	3	59
Вопросы терминологии		
<i>Кульпина В.Г.</i> Лексикографическая история терминов цвета как шаг к переводным словарям цветолексем.	3	74
<i>Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е.</i> Русско-английские соответствия исторических названий Русского государства с точки зрения периодизации.	3	85

Дидактика перевода

<i>Абдрахманова О.Р.</i> Спецкурс «Перевод деловых переговоров» как комплексная профилактика переводческих ошибок	4	9
<i>Белякова И.Е.</i> Из опыта разработки курса письменного профессионально-ориентированного перевода	4	22
<i>Гарбовский Н.К.</i> Семь вопросов дидактики перевода или <i>scopos-дидактика</i> переводческой деятельности	4	36
<i>Гузман Тирадо Р.</i> Вопросы языковой системы официально-деловой речи в русском и в испанском языках.	4	55
<i>Дезире Ш.</i> Многоаспектность обучения переводу. «Синкретический» метод обучения переводу.	4	63
<i>Кару К.</i> О подготовке к социальному переводу в Департаменте полиции и погранохраны Эстонии.	4	73
<i>Никифорова Е.А.</i> Работа с оперативной памятью при формировании речевых навыков на начальном этапе обучения немецкому языку как второму иностранному (когнитивные и психологические аспекты).	4	80
<i>Носенко Н.В.</i> Методические основы учебного курса профессионально-ориентированного английского языка для специалистов-филологов.	4	93
<i>Тамбиева Ф.А.</i> О методике преподавания «Практического курса профессионального перевода» (ПКПП).	4	101

**Статьи по результатам III международной научной конференции
Русский язык и культура в зеркале перевода»**

<i>Борис Л.А.</i> Риторические упражнения в процессе обучения русскому языку	2	5
<i>Голубева-Монаткина Н.И.</i> Гаспаров о переводе и переводчиках	2	10
<i>Грибановская Е.С.</i> Концепт «чужого» в переводе	2	16
<i>Есакова М.Н.</i> Плеоназм как явление речевой избыточности.	2	24
<i>Жаркова О.С.</i> Механизмы памяти в устном последовательном переводе	2	32
<i>Керо Хервилья Э.Ф.</i> Анализ частицы <i>как бы</i> в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и её перевод на испанский	2	36
<i>Кольцова Ю.Н.</i> Разновременные переводы новеллы П. Мериме «Кармен» как источник анализа эволюции русского языка	2	43
<i>Коробова С.Н.</i> Повышение мотивации на занятиях иностранного языка в рамках подготовки переводчиков (французский язык)	2	49
<i>Литвинова Г.М.</i> К проблеме употребления слов-паразитов в современном русском языке	2	55
<i>Макшианцева А.М.</i> Родной язык в системе подготовки переводчиков: современный этап	2	63

<i>Раздобудько-Чович Л.И.</i> Перевод как интерпретация и импровизация. На материале сербских переводов мемуаров и В. Набокова с двух «оригиналов»: английского (“ <i>Speak, memory</i> ”) и русского (« <i>Другие берега</i> »)	2	72
<i>Трухтанова Е.В., Трухтанов С.И.</i> К вопросу о некоторых особенностях перевода древнеяпонских поэтических текстов.	2	81
<i>Ундритцова М.В.</i> Гастрономический дискурс: лингвокуртурологические и переводческие аспекты.	2	86

Переводческая критика

<i>Горшкова В.Е.</i> «Да будет имярек»: «Французский роман» Фредерика Бегбедера как вызов переводчику	3	3
<i>Мошонкина Е.Н.</i> “Un art en crise” (1982) Е. Эткинда и теории поэтического перевода во Франции (к 30-летию выхода книги) 3		16

Рецензии, обзоры

<i>Кульпина В.Г., Татаринов В.</i> О сопоставительных аспектах польской когнитивной этнолингвистики.	1	82
<i>Кульпина В.Г., Татаринов В.А.</i> Лексикографическая категоризация коллокаций в переводе	2	92
<i>Чович Л.И.</i> Обзор монографии Софии Милорадович «Музички жаргон младих и молодежный музыкальный сленг. Компаративни поглед»	3	96
<i>Иванова Е.П.</i> Рецензия на монографию М.А. Марусенко «Языковая политика Франции».	3	104